Сочинения

ЖУКОВСКА

2

А. Б.

СТИХОТВОРЕНІЯ
В. ЖУКОВСКАГО.
II.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы, по напечатаніи, представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ, Сентября, 20 дня 1834 года.

Цензоръ А. НИКИТЕНКО.

Придворная Типографія В. ГАСПЕРА, въ Карлсруэ.

II

СТИХОТВОРЕНІЯ

В. ЖУКОВСКАГО.

Изданіе пятое.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

1813—1817.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1849.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

1813—1817.

		Стр.
1813.	Адельстанъ. Баллада. (*Изъ Саути.*) . . .	1
	Тургеневу въ отвѣтъ на его письмо.	11
	Элизіумъ. Пѣсня. (*Изъ Маттиссона.*) . . .	19
	Пустынникъ. Баллада. (*Изъ Гольдсмита.*) . .	22
	Пѣсня.	29
	Сиротка.	31
	Добрая мать.	34
	Пловецъ.	36
	Пѣсня.	38
	Къ Воейкову. Посланіе.	41
	Теонъ и Эсхинъ.	55
	Путешественникъ. (*Изъ Шиллера.*) . . .	61
	Къ Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ.	36
1814.	Варвикъ. Баллада. (*Изъ Саути.*)	69
	Къ Кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину.	77
	Алина и Альсимъ. Баллада. (*Изъ Монкрифа.*) .	85
	Аббадона. (*Изъ Клопштока.*)	95
	Библія. (*Изъ Фонтана.*)	111
	Къ Князю Вяземскому.	115
	Отрывокъ изъ Посланія къ Князю Вяземскому. .	119
	Эльвина и Эдвинъ. Баллада.	122
	Добрый совѣтъ въ альбомъ В. А. А. . . .	127
	Баллада, въ которой описывается, какъ одна старушка ѣхала на черномъ конѣ вдвоемъ, и кто сидѣлъ впереди. (*Подр. Саути.*)	129
	Эолова арфа. Баллада.	138
	Въ альбомъ А. А. П.	150
	Ахиллъ. Баллада.	152
	Императору Александру.	161

	Пѣвецъ въ Кремлѣ.	181
1815.	Голосъ съ того свѣта.	203
	Ночь.	205
	Пѣсня.	206
	Пѣсня.	208
	Пѣсня.	210
	Пѣсня.	211
	Весеннее чувство.	212
	Старцу Эверсу.	214
1816.	Пѣснь Русскому Царю отъ его воиновъ.	218
	Славянка. Элегія.	221
	Сонъ. (*Изъ Уланда*)	231
	Пѣсня бѣдняка. (*Изъ Уланда.*)	232
	Счастіе во снѣ. (*Изъ Уланда.*)	234
	Мщеніе. Баллада. (*Изъ Уланда.*)	235
	Гаральдъ Баллада. (*Изъ Уланда.*)	236
	Три пѣсни. Баллада. (*Изъ Уланда.*)	239
	Пѣсня.	241
	Узникъ. Баллада.	243
	Овсяный кисель. (*Изъ Гебеля.*)	251
	Красный карбункулъ. Сказка. (*Изъ Гебеля.*)	259
	Деревенскій сторожъ въ полночь. (*Изъ Гебеля.*)	275
	Тлѣнность. Разговоръ. (*Изъ Гебеля.*)	281
	Примѣчанія.	287

АДЕЛЬСТАНЪ.

БАЛЛАДА.

День багрянилъ, померкая,
Скатъ лѣсистыхъ береговъ;
Рейнъ, въ заревѣ сіяя,
Пышенъ текъ между холмовъ.

Онъ летучей влагой пѣны
Замокъ Алленъ орошалъ;
Терема зубчаты стѣны
Онъ въ потокѣ отражалъ.

Дѣвы красныя толпою
Изъ растворчатыхъ воротъ
Вышли на берегъ — игрою
Встрѣтить мѣсяца восходъ.

Вдругъ плыветъ, къ ладьѣ прикованъ,
Бѣлый лебедь по рѣкѣ;
Спитъ, какъ будто очарованъ,
Юный рыцарь въ челнокѣ.

Алымъ парусомъ играетъ
Легкокрылый вѣтерокъ,
И ко брегу приплываетъ
Съ спящимъ рыцаремъ челнокъ.

Бѣлый лебедь встрепенулся,
Распустилъ крилѣ свои;
Дивный плаватель проснулся —
И выходитъ изъ ладьи.

И по Рейну обратно,
Съ очарованной ладьей,
Поплылъ тихо лебедь статной
И сокрылся изъ очей.

Рыцарь въ за́мокъ Алленъ входитъ:
Все въ немъ прелесть — взоръ и станъ;
Въ изумленье всѣхъ приводитъ
Красотою Адельстанъ.

Межъ красавицами Лора
Въ за́мкѣ Алленѣ была
Видомъ ангельскимъ для взора,
Для души душой мила.

Графы, герцоги толпою
Къ ней стеклись изъ дальнихъ странъ —
Но умомъ и красотою
Всѣхъ былъ краше Адельстанъ.

Онъ у всѣхъ залогъ побѣды
На турнирахъ похищалъ;
Онъ вечернія бесѣды
Всѣхъ милѣе оживлялъ.

И привѣтны разговоры,
И пріятный блескъ очей
Влили нѣжность въ сердце Лоры —
Милый сталъ супругомъ ей.

Изчезаетъ сновидѣнье —
Вслѣдъ за днями мчатся дни:
Ихъ въ сердечномъ упоеньѣ
И не чувствуютъ они.

Лишь случается порою,
Что, на воды взоръ склонивъ,
Рыцарь, бродитъ надъ рѣкою,
Одинокъ и молчаливъ.

Но при взглядѣ нѣжной Лоры
Возвращается покой;
Оживаютъ тусклы взоры
Съ оживленною душой.

Невидимкой пролетаетъ
Быстро время — наконецъ,
Улыбаясь, возвѣщаетъ
Другу Лора: ты отецъ!

Но безмолвно и уныло
На младенца смотритъ онъ.
Ахъ! — онъ мыслитъ — ангелъ милой,
Для чего ты въ свѣтъ рождёнъ?

И когда обрядъ крещенья
Патеръ долженъ былъ свершить,
Чтобъ водою искупленья
Душу юную омыть:

Какъ преступникъ передъ казнью,
Адельстанъ затрепеталъ;
Взоръ наполнился боязнью;
Хладъ по членамъ пробѣжалъ.

Запинаясь, умоляетъ
День обряда отложить.
„Силъ недугъ меня лишаетъ
Съ вами радость раздѣлить!“

Солнце спряталось за гору;
Окропился лугъ росой;
Онъ зоветъ съ собою Лору
Встрѣтить мѣсяцъ надъ рѣкой.

„Нашъ младенецъ будетъ съ нами:
При дыханьѣ вѣтерка,
Тихоструйными волнами
Усыпитъ его рѣка.“

И пошли рука съ рукою....
День на холмахъ догоралъ;
Молча, сумраченъ душою,
Рыцарь сына лобызалъ.

Вотъ ужъ поздно; солнце сѣло;
Отуманился потокъ;
Черенъ берегъ опустѣлой;
Холодѣетъ вѣтерокъ.

Рыцарь все молчитъ, печаленъ;
Все идетъ вдоль по рѣкѣ;
Лорѣ страшно; за́мокъ Алленъ
Съ часъ какъ скрылся вдалекѣ.

— Поздно, милый; ужъ сѣдѣетъ
Мгла сырая надъ рѣкой;
Съ водъ холодный вѣтеръ вѣетъ;
И дрожитъ младенецъ мой. —

„Тише, тише! Пусть сѣдѣетъ
Мгла сырая надъ рѣкой;
Грудь моя младенца грѣетъ;
Сладко спитъ младенецъ мой.“

— Поздно, милый; по неволѣ
Страхъ въ мою тѣснится грудь;
Мѣсяцъ блѣденъ; сыро въ полѣ;
Дологъ намъ до замка путь. —

Но молчитъ, какъ очарованъ,
Рыцарь, глядя на рѣку....
Лебедь тамъ плыветъ, прикованъ
Легкой цѣпью къ челноку.

Лебедь къ берегу — и съ сыномъ
Рыцарь сѣсть въ челнокъ спѣшитъ;
Лора вслѣдъ за Паладиномъ;
Обомлѣла и дрожитъ.

И, осанясь, лебедь статной
Легкой цѣпію повлёкъ
Вдоль по Рейну обратно
Очарованный челнокъ.

Небо въ Реинѣ дрожало,
И луна изъ дымныхъ тучъ
На ладью сквозь парусъ алой
Проливала темный лучъ.

И плывутъ они безмолвны;
За кормой струя бѣжитъ;
Тихо плещутъ въ лодку волны;
Парусъ вздулся и шумитъ.

И на берегѣ молчанье;
И на мѣсяцѣ туманъ;
Лора въ робкомъ ожиданьѣ;
Въ смутной думѣ Адельстанъ.

Вотъ ужъ ночи половина:
Вдругъ.... младенецъ сталъ кричать.
— Адельстань, отдай мнѣ сына! —
Возопила въ страхѣ мать.

„Тише, тише; онъ съ тобою.
Скоро.... ахъ! кто дастъ мнѣ силъ?
Я ужасною цѣною
За блаженство заплатилъ.

„Спи, невинное творенье;
Мучитъ душу голосъ твой;
Спи, дитя; еще мгновенье,
И навѣкъ тебѣ покой.“

Лодка къ брегу — рыцарь съ сыномъ
Вытти на берегъ спѣшитъ;
Лора вслѣдъ за Паладиномъ,
Пуще млѣетъ и дрожитъ.

Страшенъ берегъ обнаженный;
Нѣтъ ни жила, ни древесъ;
Черенъ, дикъ, уединенный,
Въ сторонѣ стоитъ утесъ.

И пещера подъ скалою —
Въ ней не зрѣло око дна;
И чернѣетъ предъ луною
Страшнымъ мракомъ глубина.

Сердце Лоры замираетъ;
Смотритъ робко на утесъ.
Звучно къ безднѣ восклицаетъ
Паладинъ: я дань принесъ.

Въ безднѣ звуки отразились;
Отзывъ грянулъ вдоль рѣки;
Вдругъ.... изъ бездны появились
Двѣ огромныя руки.

Къ нимъ приблизилъ рыцарь сына....
Цѣпенѣющая мать,
Возопитъ, у Паладина
Жертву бросилась отнять,

И воскликнула: Спаситель!...
Гласъ достигнулъ къ небесамъ:
Живъ младенецъ, а губитель
Ниспровергнутъ въ бездну самъ.

Страшно, страшно застонало
Въ грозныхъ сжавшихся когтяхъ....
Вдругъ, все пусто, тихо стало
Въ глубинѣ и на скалахъ.

ТУРГЕНЕВУ,

ВЪ ОТВѢТЪ НА ЕГО ПИСЬМО.

Другъ, отъ чего печаленъ голосъ твой?
Отвѣтствуй, братъ, рѣши мое сомнѣнье.
Иль онъ твоей судьбы изображенье?
Иль счастіе простилось и съ тобой?
Съ стѣсненіемъ письмо твое читаю;
Увы! на немъ унынія печать;
Чего не смѣлъ ты ясно мнѣ сказать,
То все, мой другъ, я чувствомъ понимаю.
Такъ, и на твой досталося удѣлъ;
Разрушенъ міръ фантазіи прелестной;
Ты въ наготѣ, другъ милый, жизнь узрѣлъ;
Что въ безднѣ сей таилось, все извѣстно —
И для тебя ужъ здѣсь обмана нѣтъ.
И, испытавъ, сколь сей измѣнчивъ свѣтъ,
Съ плѣнительнымъ простившись ожиданьемъ,

На прошлы дни ты обращаешь взглядъ,
И безъ надеждъ живешь воспоминаньемъ.

О! не бывать минувшему назадъ!
Сколь весело промчалися тѣ годы,
Когда мы всѣ, товарищи-друзья,
Дѣлили жизнь на лонѣ у Свободы!
Безпечные, мы въ чувствѣ бытія,
Что было, есть и будетъ, заключали,
Грядущее надеждой украшали —
И радостнымъ оно являлось намъ.
Гдѣ время то, когда по вечерамъ
Въ веселый кругъ насъ Музы собирали?
Нѣтъ и слѣдовъ; изчезло все — и садъ,
И ветхій домъ, гдѣ мы къ осенній хладъ
Святой союзъ любви торжествовали,
И звономъ чашъ шумъ вѣтровъ заглушали.
Гдѣ время то, когда нашъ милый братъ
Былъ съ нами, былъ всѣхъ радостей душою?
Не онъ ли насъ пріятной остротою
И нѣжностью сердечной привлекалъ?
Не онъ ли насъ тѣснѣй соединялъ?
Сколь былъ онъ простъ, нескрытенъ въ разговорѣ!
Какъ для друзей всю душу обнажалъ!
Какъ взоръ его во глубь сердецъ вникалъ!
Высокій духъ пылалъ въ семъ быстромъ взорѣ.
Бывало, онъ, съ отцемъ рука съ рукой,
Входилъ въ нашъ кругъ — и радость съ нимъ являлась:

Старикъ при немъ былъ юноша живой;
Его сѣдинъ свобода не чуждалась....
О нѣтъ! онъ былъ милѣйшій намъ собратъ;
Онъ отдыхалъ отъ жизни между нами,
Отъ сердца даръ его былъ каждый взглядъ,
И онъ друзей не рознилъ съ сыновьями....
Увы! ихъ нѣтъ.... мы жъ каждый по тропамъ
Незнаемымъ за счастьемъ полѣтѣли,
Намъ прошепталъ какой-то голосъ: *тамъ!*
Но что? и гдѣ? и кто вожатый къ цѣли?
Вдали сіялъ плѣнительный призракъ —
Насъ тайное къ нему стремленье мчало;
Но опытъ вдругъ накинулъ покрывало
На нашу даль — и тамъ одинъ лишь мракъ.
И вѣрою къ грядущему убоги,
Задумчиво глядимъ съ полудороги
На спутниковъ, оставшихъ назади,
На милую Фантазію съ мечтами....
Измѣнница! навѣкъ простилась съ нами,
А все еще твердитъ свое: *иди!*
Куда итти? что ждетъ насъ въ отдаленьѣ?
Чему еще на свѣтѣ вѣру дать?
И можно ль, другъ, желаніе питать,
Когда для насъ столь бѣдно исполненье?
Мы разными дорогами пошли:
Но что жъ, куда онѣ насъ привели?
Все къ одному, что счастье — заблужденье.
Сравни, сравни себя съ самимъ собой:

Гдѣ прежній ты, цвѣтущій, жизни полный?
Бывало все — и солнце за горой
И запахъ липъ, и чуть шумящи волны,
И шорохъ нивъ, струимыхъ вѣтеркомъ,
И темный лѣсъ, склоненный надъ ручьёмъ,
И пастыря въ долинѣ пѣснь простая —
Веселіемъ всю душу растворяя,
Съ прелестною сливалося мечтой:
Вся жизни даль являлась предъ тобой;
И ты, восторгъ предчувствіемъ считая,
Въ событіе надежду обращалъ.
Природа та жъ.... но гдѣ очарованье?
Ахъ! съ нами, другъ, и прежній міръ пропалъ;
Предъ опытомъ умолкло упованье;
Что въ *оны дни* будило радость въ насъ,
То въ насъ *теперь* унылость пробуждаетъ;
Во всемъ, во всемъ прискорбный слышенъ гласъ,
Что ничего намъ жизнь не обѣщаетъ.
И мы еще, мой другъ, во цвѣтѣ лѣтъ.
О бѣденъ, кто себя переживетъ!
Предъ кѣмъ сей міръ, столь нѣкогда веселый,
Какъ отчій домъ, ужасно опустѣлый:
Тамъ въ старину все жило, все цвѣло,
Тамъ онъ игралъ младенцемъ въ колыбели;
Но время все оттуда унесло,
И съ милыми веселья улетѣли;
Онъ ихъ зоветъ.... ему отвѣта нѣтъ;
Въ его глазахъ развалины унылы;

Одинъ его минувшей жизни слѣдъ:
Утраченныхъ безмолвныя могилы.

Неси жъ туда, гдѣ нашъ отецъ и братъ
Спокойнымъ сномъ въ пріютѣ гроба спятъ,
Вѣнки изъ розъ, вино и ароматы;
Воздвигнемъ, другъ, тамъ памятникъ простой
Ихъ бытія... и скорбной нашей траты.
Одинъ изчезъ изъ области земной
Въ объятіяхъ веселыя Надежды.
Увы! онъ зрѣлъ лишь юный жизни цвѣтъ;
Съ усиліемъ его смыкались вѣжды;
Онъ сѣтовалъ, навѣкъ теряя свѣтъ —
Гдѣ милаго столь много оставалось —
Что бытіе такъ рано прекращалось.
Но онъ и въ гробъ Мечтой сопровожденъ.
Другой.... старикъ.... сколь былъ онъ изумленъ
Тогда, какъ смерть, ошибкою ужасной,
Не надъ его одряхшей головой,
Надъ юностью обрушилась прекрасной!
Онъ не роптalъ; но съ тихою тоской
Смотрѣлъ на прагъ покоя и могилы —
Увы! тамъ ждалъ его сопутникъ милый;
Онъ мыслію, безмолвный предъ судьбой,
Взывалъ къ Творцу: да пройдетъ чаша мимо!
Она прошла.... и мы въ сей край незримой
Летимъ душой за милыми во слѣдъ;
Но къ намъ отъ нихъ желанной вѣсти нѣтъ;

Лишь тайное живетъ въ насъ ожиданье....
Когда жъ? когда?... Другъ милый, упованье!
Гробами ихъ рубежъ означенъ тотъ,
За коимъ насъ свободы геній ждётъ
Съ спокойствіемъ, безчувствіемъ, забвеньемъ.
Пришедъ туда, о другъ, съ какимъ презрѣньемъ
Мы бросимъ взоръ на жизнь, на гнусный свѣтъ;
Гдѣ милое одинъ минутный цвѣтъ;
Гдѣ доброму слѣдовъ ко счастью нѣтъ;
Гдѣ мнѣніе надъ совѣстью властитель;
Гдѣ все, мой другъ, иль жертва иль губитель!...
Дай руку, братъ! какъ знать, куда нашъ путь
Насъ приведетъ, и скоро ль онъ свершится,
И что еще во мглѣ судьбы таится —
Но дружба намъ звѣздой отрады будь;
О прочемъ здѣсь останемся безпечны;
Намъ счастья нѣтъ: за то и мы — не вѣчны.

ЭЛИЗІУМЪ.

ПѢСНЯ.

Роща, гдѣ, податель мира,
Добрый Геній смерти спитъ,
Гдѣ румяный блескъ эѳира
Съ тѣнью зыбкихъ сѣней слитъ,
Гдѣ источника журчанье
Какъ далекій отзывъ лиръ,
Гдѣ печаль, забывъ роптанье,
Обрѣтаетъ сладкій миръ:

Съ тайнымъ трепетомъ, смятенна,
Въ упоеніи боговъ,
Для безсмертья возрожденна,
Сбросивъ пепельный покровъ,
Входитъ въ сумракъ твой Психея;
Неприкованна къ землѣ,
Юной жизнью пламенѣя,
Развила она крилѣ.

Полетѣла въ тихомъ свѣтѣ,
Съ обновленною красой,
Въ долъ туманный, къ тайной Летѣ;
Мнилось, легкою рукой
Геній влекъ ея незримый;
Видитъ мирные луга;
Видитъ Летою кропимы
Очарованны брега.

Въ ней надежда, ожиданье,
Наклонилася къ водамъ,
Усмиряющимъ страданье....
Ликъ простерся по струямъ;
Такъ безоблаченъ играетъ
Въ морѣ мѣсяцъ молодой;
Такъ въ источникѣ сверкаетъ
Факелъ Геспера златой.

Лишь фіалъ воды забвенья
Поднесла къ устамъ она —
Дней минувшихъ привидѣнья
Скрылись легкой тѣнью сна.
Заблистала, полетѣла
Къ очарованнымъ холмамъ,
Гдѣ журчатъ, какъ Филомела,
Свѣтлы воды по цвѣтамъ.

Все въ торжественномъ молчаньѣ.
Притаились вѣтерки;
Лавровъ стихло трепетанье;
Спятъ на розахъ мотыльки.
Такъ молчало все твореньe —
Море, воздухъ, берегъ дикъ —
Зря пѣнистыхъ водъ рожденье
Анадіомены ликъ.

Всюду яркій блескъ Авроры.
Никогда такой красой
Не сіяли рощи, горы,
Обновленныя весной;
Мирты съ зыбкими листами
Тонутъ въ пурпурныхъ лучахъ;
Розы свѣтлыми звѣздами
Отразилися въ водахъ.

Такъ волшебный лучъ Селены
Въ лѣсъ Карійскій проникалъ,
Гдѣ, ловитвой утомленный,
Сладко другъ Діаны спалъ;
Какъ струи лѣнивой ропотъ,
Какъ воздушной арфы звонъ,
Разливался въ лѣсѣ шопотъ:
Пробудись, Эндиміонъ!

ПУСТЫННИКЪ.

БАЛЛАДА.

„Веди меня, пустыни житель,
Святой Анахоретъ;
Близка желанная обитель;
Привѣтный вижу свѣтъ.

„Усталъ я: тма кругомъ густая;
Запалъ въ глуши мой слѣдъ;
Безбрежнѣй, мнится, степь пустая,
Чѣмъ далѣ я впередъ.“

— Мой сынъ (въ отвѣтъ пустыни житель),
Ты призракомъ прельщёнъ:
Опасенъ твой путеводитель —
Надъ бездной свѣтитъ онъ.

— Здѣсь чадамъ нищеты бездомнымъ
Отверзта дверь моя,
И скудныхъ благъ удѣломъ скромнымъ
Дѣлюсь отъ сердца я.

— Войди въ гостепріимну келью;
Мой сынъ, передъ тобой
И брашно съ жесткою постелью,
И сладкій мой покой.

— Есть стадо.... но безвинныхъ кровью
Руки я не багрилъ:
Меня Творецъ своей любовью
Щадить ихъ научилъ.

— Обѣдъ снимаю непорочный
Съ пригорковъ и полей;
Деревья плодъ даютъ мнѣ сочный,
Питье даетъ ручей.

— Войди жъ въ мой домъ — заботъ тамъ чужды;
Нѣтъ блага въ суетѣ:
Намъ малыя даны здѣсь нужды;
На малый мигъ и тѣ. —

Какъ свѣжая роса денницы,
Былъ сладокъ сей привѣтъ;
И робкій гость, склоня зѣницы,
Идетъ за старцемъ вслѣдъ.

Въ дичи глухой, непроходимой
Его таился кровъ —
Пріютъ для сироты гонимой,
Для странника покровъ.

Непышны въ хижинѣ уборы,
Тамъ бѣдность и покой;
И скрыпнули дверей растворы
Предъ мирною четой.

И старецъ зритъ гостепріимной,
Что гость его унылъ,
И свѣтлый огонекъ онъ въ дымной
Печуркѣ разложилъ.

Плоды и зелень предлагаетъ
Съ приправой добрыхъ словъ;
Бесѣдой скуку озлащаетъ
Медлительныхъ часовъ.

Кружится рѣзвый котъ предъ ними;
Въ углу кричитъ сверчокъ;
Трещитъ межъ листьями сухими
Блестящій огонёкъ.

Но молчаливъ пришлецъ угрюмый;
Печаль въ его чертахъ;
Душа полна прискорбной думы;
И слезы на глазахъ.

Ему пустынникъ отвѣчаетъ
Сердечною тоской.
— О юный странникъ, что смущаетъ
Такъ рано твой покой?

— Иль быть убогимъ и бездомнымъ
Творецъ тебѣ судилъ?
Иль преданъ другомъ вѣроломнымъ?
Или вотще любилъ?

— Увы! спокой себя: презрѣнны
Утѣхи благъ земныхъ;
А тотъ, кто плачетъ, ихъ лишенный,
Еще презрѣннѣй ихъ.

— Приманчивъ дружбы взоръ лукавой:
Но ахъ! какъ тѣнь во слѣдъ
Она за счастіемъ, за славой,
И прочь отъ хилыхъ бѣдъ.

— Любовь. ... любовь Прелесть игрою;
Отрава сладкихъ словъ;
Незрима въ мірѣ; лишь порою
Живетъ у голубковъ.

— Но, другъ, ты робостью стыдливой
Свой пѣжный полъ открылъ.—
И очи странникъ торопливой,
Краснѣя, опустилъ.

Краса сквозь легкій проникаетъ
Стыдливости покровъ;
Такъ утро тихое сіяетъ
Сквозь завѣсъ облаковъ.

Трепещутъ перси; взоръ склоненный;
Какъ роза, цвѣтъ ланитъ....
И дѣву-прелесть изумленный
Отшельникъ въ гостѣ зритъ.

„Простишь ли, старецъ, дерзновенье,
Что робкою стопой
Вошла въ твое уединенье,
Гдѣ Богъ одинъ съ тобой?

„Любовь надеждъ моихъ губитель,
Моихъ виновникъ бѣдъ;
Ищу покоя, но мучитель
Тоска за мною вслѣдъ.

„Отецъ мой знатностію, славой
И пышностью гремѣлъ;
Я дней его была забавой;
Онъ все во мнѣ имѣлъ.

„И рыцари стеклись толпою:
Мнѣ предлагали въ даръ,
Тѣ чистый, сходный съ ихъ душою,
А тѣ притворный жаръ.

„И каждый лестью вѣроломной
Привлечь меня мечталъ....
Но въ ихъ толпѣ Эдвинъ былъ скромной;
Эдвинъ, любя, молчалъ.

„Ему съ смиренной нищетою
Судьба одно дала:
Плѣнять высокою душою;
И та моей была.

„Роса на розъ, цвѣтъ душистой
Фіалки полевой
Едва сравниться могутъ съ чистой
Эдвиновой душой.

„Но цвѣтъ, съ небесною росою,
Живутъ единый мигъ:
Онъ одаренъ былъ ихъ красою,
Я легкостію ихъ.

„Я гордой, хладною казалась;
Но милъ онъ втайнѣ былъ;
Увы! любя, я восхищалась,
Когда онъ слезы лилъ.

„Несчастный! онъ не снесъ презрѣнья;
Въ пустыню онъ помчалъ
Свою любовь, свои мученья —
И тамъ въ слезахъ увялъ.

„Но я виновна; мнѣ страданье;
Мнѣ увядать въ слезахъ;
Мнѣ будь пустыня та изгнанье,
Гдѣ скрытъ Эдвиновъ прахъ.

„Надъ тихою его могилой
Конецъ свой встрѣчу я —
И приношеньемъ тѣни милой
Пусть будетъ жизнь моя.“

— Мальвина! старецъ восклицаетъ,
И палъ къ ея ногамъ....
О чудо! ихъ Эдвинъ лобзаетъ;
Эдвинъ предъ нею самъ.

— Другъ незабвенный, другъ единой!
Опять, на вѣкъ я твой!
Полна душа моя Мальвиной —
И здѣсь дышалъ тобой.

— Забудь о прошломъ; нѣтъ разлуки;
Самъ Богъ вѣщаетъ намъ:
Всё въ жизни, радости и муки,
Отнынѣ пополамъ.

— Ахъ! будь и самый часъ кончины
Для двухъ сердецъ одинъ:
Да съ милой жизнію Мальвины
Угаснетъ и Эдвинъ.

ПѢСНЯ.

О милый другъ! теперь съ тобою радость!
А я одинъ — и мой печаленъ путь;
Живи, вкушай невинной жизни сладость;
Въ душѣ не измѣнись; достойна счастья будь....
Но не отринь, въ толпѣ плѣняемыхъ тобою,
Ты друга прежняго, увядшаго душою;
Веселья ихъ дѣли — ему отрадой будь;
Его, мой другъ, не позабудь.

О милый другъ, намъ рокъ велѣлъ разлуку:
Дни, мѣсяцы и годы пролетятъ,
Вотще къ тебѣ простру отъ сердца руку —
Ни голосъ твой, ни взоръ меня не усладятъ.
Но и вдали моя душа съ твоей согласна;
Любовь ни времени, ни мѣсту не подвластна;
Всегда, вездѣ ты мой хранитель-ангелъ будь,
Меня, мой другъ, не позабудь.

О милый другъ, пусть будетъ прахъ холодный
То сердце, гдѣ любовь къ тебѣ жила:
Есть лучшій міръ; тамъ мы любить свободны;
Туда моя душа ужъ все перенесла;
Туда всечасное влечетъ меня желанье;
Тамъ свидимся опять; тамъ наше воздаянье;
Сей вѣрой сладкою полна въ разлукѣ будь —
Меня, мой другъ, не позабудь.

СИРОТКА.

Едва она узрѣла свѣтъ,
Ужъ ей печаль знакома стала;
Веселье спутникъ дѣтскихъ лѣтъ —
А ей судьба въ немъ отказала.
Въ семьѣ томнилась сиротой;
Ее грядущее страшило....
Но Провидѣніе хранило
Младенца тайною рукой.

О Ты, святое Провидѣнье!
Въ твоемъ владѣньи нѣтъ сиротъ!
Боязнь и ропотъ — заблужденье;
Всегда къ добру Твой путь ведетъ.

Среди неистовыхъ враговъ
Сиротка матерью забыта;
Сгорѣлъ ея родимый кровъ,
И ей невинность не защита;
Но бѣдный съ нищенской клюкой
Ей Богомъ посланъ во спасенье....
На краѣ бездны Провидѣнье
Сдружило слабость съ нищетой.

О Промыслъ, спутникъ невидимый
И сиротства и нищеты,
Сколь часто путь непостижимый
Къ спасенью избираешь Ты!

И породнившися судьбой,
Сиротка и старикъ убогой,
Безъ трепета, рука съ рукой,
Пошли погибельной дорогой:
Дорога бѣдныхъ привела
Въ гостепріимную обитель....
Имъ былъ Всевышній предводитель;
Ихъ Милость въ пристани ждала.

О Ты, святое Провидѣнье!
Сколь намъ Твой безопасенъ слѣдъ!
Творишь изъ гибели спасенье;
Ведешь къ добру стезею бѣдъ.

Играй, дитя, гроза прошла;
Ужасный громъ ударилъ мимо;
Тебя мать *добрая* нашла
На мѣсто матери *родимой:*
Дорога жизни предъ тобой
Цвѣтами счастія покрыта....
Молись же, чтобъ Творецъ защита
Былъ *Той*, кто здѣсь хранитель твой.

Услышь младенца, Провидѣнье,
Прими *ее* подъ щитъ любви:
Она чужихъ дѣтей спасенье —
Ея дѣтей благослови.

ДОБРАЯ МАТЬ.

Богъ въ міръ ее послалъ,
Себѣ на прославленье.
„Будь скорбнымъ Провидѣнье!“
Создавъ ее, сказалъ:
„Кто, счастія лишенъ,
Назвалъ его мечтою,
Да будетъ здѣсь тобою
Съ надеждой примиренъ.“

Угрюмый нелюдимъ,
Людей возненавидя,
И міръ подвластный видя
Порокамъ лишь однимъ,
Узнавъ ее, людей
Въ жару души прощаетъ,
И снова обрѣтаетъ
Онъ добродѣтель въ ней.

Что жъ Богъ въ награду далъ
Сихъ доблестей чудесныхъ?
Двухъ Ангеловъ прелестныхъ
Онъ съ неба къ ней послалъ,
Чтобъ въ сей юдоли слезъ
Ея не покидали,
И на землѣ являли
Ей радости небесъ.

ПЛОВЕЦЪ.

Вихремъ бѣдствія гонимый,
Безъ кормила и весла,
Въ океанъ неисходимый
Буря челнъ мой занесла.
Въ тучахъ звѣздочка свѣтилась;
Не скрывайся! я взывалъ;
Непреклонная сокрылась;
Якорь былъ — и тотъ пропалъ.

Все одѣлось черной мглою;
Всколыхалися валы;
Бездны въ мракѣ предо мною;
Вкругъ ужасныя скалы.
„Нѣтъ надежды на спасенье!“
Я ропталъ, унывъ душой....
О безумецъ! Провидѣнье
Было тайный кормщикъ твой.

Невидимою рукою,
Сквозь ревущіе валы,
Сквозь одѣты бездны мглою
И грозящія скалы,
Мощный велъ меня Хранитель.
Вдругъ — все тихо! мракъ изчезъ;
Вижу райскую обитель ....
Въ ней трехъ Ангеловъ небесъ.

О Спаситель-Провидѣнье!
Скорбный ропотъ мой утихъ;
На колѣнахъ, въ восхищеньѣ,
Я смотрю на образъ ихъ.
О! кто прелесть ихъ опишетъ?
Кто ихъ силу надъ душой?
Все окрестъ ихъ небомъ дышетъ
И невинностью святой.

Неиспытанная радость,
Ими жить, для нихъ дышать;
Ихъ рѣчей, ихъ взоровъ сладость
Въ душу, въ сердце принимать.
О судьба! одно желанье:
Дай всѣ блага имъ вкусить;
Пусть имъ радость — мнѣ страданье;
Но.... не дай ихъ пережить.

ПѢСНЯ.

Счастливъ тотъ, кому забавы,
Игры, майскіе цвѣты,
Соловей въ тѣни дубравы
И весеннихъ лѣтъ мечты
Въ наслажденье — какъ и прежде;
Кто на радость лишь глядитъ,
Кто, ввѣряяся надеждѣ,
Птичкой вслѣдъ за ней летитъ.

Такъ виляетъ по цвѣточкамъ
Златокрылый мотылёкъ;
Лишь къ цвѣту — прильнулъ къ листочкамъ,
Полетѣлъ — забылъ цвѣтокъ;
Сорвана его лилея —
Онъ летитъ на анемонъ;
Что его — то и милѣе,
Грусть забвеньемъ лѣчитъ онъ.

Бѣденъ тотъ, кому забавы,
Игры, майскіе цвѣты,
Соловей въ тѣни дубравы
И весеннихъ лѣтъ мечты
Не въ веселье — такъ какъ прежде;
Кто улыбку позабылъ;
Кто, сказавъ: прости! надеждѣ,
Взоръ ко гробу устремилъ.

Для души моей плѣненной
Здѣсь одинъ и былъ цвѣтокъ,
Ароматный, несравненный;
Я сорвать... но что же Рокъ?
„Не тебѣ имъ насладиться;
Не твоимъ ему доцвѣсть!“
Ахъ, жестокій! чѣмъ же льститься?
Гдѣ подобный въ мірѣ есть?

КЪ ВОЕЙКОВУ.

ПОСЛАНІЕ.

Добро пожаловать, пѣвецъ,
Товарищъ-другъ, хотя и льстецъ,
Въ смиренную обитель брата;
Поставь въ мой уголъ посохъ свой,
И умиленною мольбой
Почти домашняго Пената.
Садись — вотъ кубокъ! въ честь друзьямъ!
И сладкому воспоминанью,
И благотворному свиданью,
И насъ хранившихъ небесамъ!

Ты былъ подъ знаменами славы;
Ты видѣлъ, другъ, слѣды кровавы
На Русь нахлынувшихъ враговъ,
Ихъ казнь, и ужасъ ихъ побѣга;
Ты, строя свой бивакъ изъ снѣга,
Себя смиренью научалъ,
И, хлѣбъ водою запивая,

„Хвала, умѣренность златая!“
Съ пѣвцомъ Тибурскимъ восклицалъ.
Ты видѣлъ Азіи предѣлы;
Ты зрѣлъ Ордынцевъ лютыхъ край,
И лишь обломки обгорѣлы
Тамъ, гдѣ стоялъ Шери-Сарай,
Батыя древняя обитель;
Задумчивый развалинъ зритель,
Во дняхъ минувшихъ созерцалъ
Ты настоящаго картину,
И въ нихъ ужасную судьбину
Батыя новыхъ дней читалъ.
Въ Сарептѣ зрѣлище иное:
Тамъ братство Христіанъ простое
Безстрастіемъ ограждено
Отъ вредныхъ сердцу заблужденій,
Отъ милыхъ сердцу паслажденій.
Тамъ вѣчно *то же и одно;*
Всему свой часъ: труду, бездѣлью;
И легкокрылому веселью
Порядокъ крылья тамъ сковалъ.
Тамъ, видя счастіе въ покоѣ,
Ты всѣ восторги отдавалъ
За нестраданіе святое;
Ты зрѣлъ, какъ въ тишинѣ семей,
Хранимы сердцемъ матерей,
Тамъ дѣвы простотой счастливы,
А юноши трудолюбивы

Отъ бурныхъ спасены страстей
Рукой занятія цѣлебной;
Ты зрѣлъ, какъ, вшедши въ Божій храмъ,
Они смиренно къ небесамъ
Возводятъ взоръ съ мольбой хвалебной,
И служатъ сердцемъ Божеству,
Отринувъ мракъ предразсужденья....
Что уподобимъ торжеству,
Которымъ чудо Искупленья
Они въ восторгѣ вѣры чтутъ?...
Все тихо.... полночь.... нѣтъ движенья....
И въ трепетѣ благоговѣнья
Всѣ братья той минуты ждутъ,
Когда имъ звонъ-благовѣститель
Провозгласитъ: воскресъ Спаситель!....
И вдругъ... во мглѣ.... средь тишины,
Какъ будто съ горней вишины
Съ трубою Ангелъ-пробудитель,
Нисходитъ гласъ.... алтарь горитъ,
И братья пали на колѣни,
И гимнъ торжественный гремитъ,
И се, идутъ въ усопшихъ сѣни,
О сердце трогающій видъ!
Подъ тѣнью тополей, вѣтвистыхъ
Березъ, дубовъ и шелковицъ,
Между тюльпановъ, розъ душистыхъ,
Ряды являются гробницъ:
Здѣсь старцевъ, тамъ дѣтей могила,

Тамъ юношей, тамъ дѣвъ младыхъ —
И Вѣра подлѣ пепла ихъ
Надежды факелъ воспалила....
Идутъ къ возлюбленныхъ гробамъ
Съ отрадной вѣстью воскресенья;
И все — отверзтый, свѣтлый храмъ,
Гдѣ, мнится, тайна Искупленья
Свершается въ сей самый часъ,
Торжественный поющихъ гласъ,
И братій на гробахъ лобзанье,
(Принесшихъ имъ воспоминанье
И жертву умиленныхъ слезъ),
И тихое гробовъ молчанье,
И соприсутственныхъ небесъ
Незримое съ землей сліянье —
Все живо, полно Божества;
И вѣрныхъ братій торжества
Свидѣтели, изъ тайной сѣни
Исходятъ дружескія тѣни,
И ихъ преображенный видъ
На сладку пѣснь: *Воскресъ Спаситель!*
Сердцамъ *воистину* гласитъ,
И, самый гробъ ихъ говоритъ:
Воскреснемъ! живъ нашъ Искупитель! —
И сей оставивши предѣлъ,
Ты зрѣлъ, какъ Терекъ въ быстромъ бѣгѣ
Межъ виноградниковъ шумѣлъ,
Гдѣ часто, притаясь на брегѣ,

Чеченецъ иль Черкесъ сидѣлъ
Подъ буркой, съ гибельнымъ арканомъ;
И вдалекѣ передъ тобой,
Одѣты голубымъ туманомъ,
Гора вздымалась надъ горой,
И въ сонмѣ ихъ гигантъ сѣдой,
Какъ туча, Эльборусъ двуглавой.
Ужасною и величавой
Тамъ всё блистаетъ красотой:
Утесовъ мшистыя громады,
Бѣгущи съ ревомъ водопады
Во мракъ пучинъ съ гранитныхъ скалъ;
Лѣса, которыхъ сна отъ вѣка
Ни стукъ сѣкиръ, ни человѣка
Веселый гласъ не возмущалъ,
Въ которыхъ сумрачныя сѣни
Еще лучъ дневный не проникъ,
Гдѣ изрѣдка одни олени,
Орла послышавъ грозный крикъ,
Тѣснясь въ толпу, шумятъ вѣтвями,
И козы легкими ногами
Перебѣгаютъ по скаламъ.
Тамъ все является очамъ
Великолѣпіе творенья!
Но тамъ — среди уединенья
Долинъ, таящихся въ горахъ —
Гнѣздятся и Балкаръ, и Бахъ,
И Абазехъ, и Камукинецъ,

И Карбулакъ, и Абазинецъ
И Чечереецъ, и Шапсукъ;
Пищаль, кольчуга, сабля, лукъ,
И конь-соратникъ быстроногій
Ихъ и сокровища и боги;
Какъ серны скачутъ по горамъ,
Бросаютъ смерть изъ-за утеса;
Или, по топкимъ берегамъ,
Въ травѣ высокой, въ чащѣ лѣса
Разсыпавшись, добычи ждутъ.
Скалы свободы ихъ пріютъ;
Но дни въ аулахъ ихъ бредутъ
На костыляхъ угрюмой лѣни;
Тамъ жизнь ихъ — сонъ; стѣснясь къ кружокъ,
И въ братскій съ табакомъ горшокъ
Вонзивши чубуки, какъ тѣни,
Въ дыму клубящемся сидятъ
И объ убійствахъ говорятъ,
Иль хвалятъ мѣткія пищали,
Изъ коихъ дѣды ихъ стрѣляли;
Иль сабли на кремняхъ острятъ,
Готовясь на убійства новы.
Ты видѣлъ Дона берега;
Ты зрѣлъ, какъ онъ поилъ шелковы
Необозримые луга,
Одушевленны табунами;
Ты зрѣлъ, какъ тихими водами
Межъ виноградными садами

Онъ, зеленѣя, протекалъ,
И яспой Благой отражалъ
Брега, покрытые стадами,
Ряды стѣснившихся струговъ,
И на склоненіи холмовъ
Донскихъ богатырей станицы;
Ты часто слушалъ, какъ пѣвицы
Родимый прославляютъ Донъ,
Спокойствіе станицъ счастливыхъ,
Вождей и копей ихъ ретивыхъ:
Съ смиреньемъ отдалъ ты поклонъ
Жилищу Вихря-Атамана
И изъ завѣтнаго стакана
Его здоровье на Цымлѣ
Пилъ, окруженный стариками,
И витязи подъ сѣдинами
Соотчичамъ въ чужой землѣ
Ура! кричали за тобою.
Теперь ты случая рукою
Въ обитель брата приведенъ,
Съ нимъ вспомнишь призраки златые
Невозвратимыхъ тѣхъ временъ,
Когда мы — гости молодые
У милой Жизни на пиру —
Изъ полной чаши радость пили,
И *счастье наше!* говорили
Въ своемъ пророческомъ жару....
Мой другъ, пророчество прелестно!

Когда же сбудется оно?
Еще вдали и неизвѣстно
Все то, что намъ здѣсь суждено....
А время мчится безъ возврата,
И жизнь-измѣнница за нимъ;
Одинъ уходимъ за другимъ;
Другъ, оглянись.... еще пѣтъ брата.
Часъ отъ часу пустѣе свѣтъ;
Пустѣй дорога передъ нами.

Но такъ и быть!... здѣсь твой поэтъ
Съ смиренной Музою, съ друзьями,
Въ смиренномъ уголкѣ живетъ,
И у моря погоды ждетъ.
И ты, мой другъ, чтобы мечтою
Грядущее развеселить,
Спѣшишь волшебныхъ струнъ игрою
Въ немъ спящій геній пробудить;
И очарованный тобою,
Какъ за прозрачной пеленою,
Я вижу древни чудеса:
Вотъ наше солнышко-краса
Владиміръ Князь съ богатырями;
Вотъ Днѣпръ кипитъ между скалами;
Вотъ златоверхій Кіевъ градъ;
И бусурмановъ тмы, какъ пруги,
Вокругъ зубчатыхъ стѣнъ кипятъ;
Сверкаютъ шлемы и кольчуги;

Отъ кликовъ, топота коней,
Отъ стука палицъ, свиста пращей
Далеко слышенъ гулъ дрожащій;
Вотъ, дивной облеченъ бропей,
Добрыня богатырь могучій
И конь его Златокопытъ;
Чрезъ степи и лѣса дремучи
Не скачетъ витязь, а летитъ,
Громя Зилантовъ и Полкановъ,
И вѣдьмъ, и чудъ, и великановъ;
И втайнѣ дѣвица-краса
За дальни степи и лѣса
Во слѣдъ ему летитъ душою;
Склоняся на руку главою,
На путь изъ терема глядитъ,
И такъ въ раздумьи говоритъ:
„О вѣтеръ, вѣтеръ! что ты вьешься?
Ты не отъ милаго несешься,
Ты не принесъ веселья мнѣ;
Играй съ косаткой въ вышинѣ,
По поднебесью съ облаками,
По синю морю съ кораблями —
Стрѣлу пернатую отвѣй
Отъ друга-радости моей.“
Краса-дѣвица поетъ, плачетъ;
А другъ по доламъ, холмамъ скачетъ,
Летя за тридевять земель;
Ему сыра земля постель;

Возглавье щитъ; ночлегъ дубрава;
Тамъ бьется съ Бабою-Ягой;
Тамъ изъ ручья съ живой водой,
Подъ стражей змѣя шестиглава,
Кувшиномъ черпаетъ златымъ;
Тамъ машетъ дубомъ передъ нимъ
Косматый людоѣдъ Дубыня;
Тамъ заслоняетъ путь Горыня;
И вотъ внезапно занесёнъ
Въ жилище чародѣевъ опъ:
Предъ нимъ чернѣетъ лѣсъ ужасный!
Сіяетъ блескъ вдали прекрасный;
Чѣмъ ближе онъ — тѣмъ далѣ свѣтъ;
То тяжкій филина полетъ,
То врановъ раздается рокотъ;
То слышится Русалки хохотъ;
То вдругъ изъ-за сѣдаго пня
Выходитъ лѣшій козлоногій;
И вдругъ стоятъ предъ нимъ чертоги,
Какъ будто слиты изъ огня —
Дворецъ волшебный царь-дѣвицы;
Красою бѣлыя колпицы,
Двѣнадцать дѣвъ къ нему идутъ,
И пѣснь привѣтствія поютъ;
И онъ.... Но что? куда мечтами
Я залетѣлъ тебѣ во слѣдъ —
Ты чародѣй, а не поэтъ;
Ты всемогущими струнами

Мой падшій геній оживилъ....
И кто, скажи мнѣ, научилъ
Тебя предречь осмью стихами
Въ сей книгѣ съ бѣлыми листами
Весь сокровенный жребій мой?
Признаться ли?... Смотрю съ тоской,
Съ волненіемъ непобѣдимымъ
На бѣлые сіи листы,
И мнится, перстомъ невидимымъ
Свои невидимы черты
На нихъ Судьба ужъ написала.
Что бъ ни было.... сей даръ тебѣ
Отнынѣ дружба завѣщала;
Она твоя.... молись Судьбѣ,
Чтобъ въ ней наполнились страницы.
Когда, мой другъ, тебѣ я самъ
Ее въ веселый часъ подамъ —
И ты прочтешь въ ней небылицы,
За быль разсказанныя мной:
То знай, что счастливъ жребій мой,
Что подъ надзоромъ Провидѣнья,
Питаясь жизнью въ тишинѣ,
Вблизи всего, что мило мнѣ,
Я на крылахъ воображенья,
Веселый *здѣсь*, въ *томъ* міръ леталъ,
И что меня не покидалъ
Мой вѣрный Ангелъ вдохновенья....
Но, другъ, быть можетъ.... какъ узнать?...

Она останется пустая,
И нѣкогда рука чужая
Тебя должна ее отдать
Въ святой залогъ воспоминанья,
Увы! и въ знакъ, что въ жизни сей
Милѣйшія души моей
Не совершилися желанья,
Прими ее.... и пожалѣй.

ТЕОНЪ И ЭСХИНЪ.

Эсхинъ возвращался къ Пенатамъ своимъ,
Къ брегамъ благовоннымъ Алфея.
Онъ долго по свѣту за счастьемъ бродилъ —
Но счастье, какъ тѣнь, убѣгало.

И роскошь, и слава, и Вакхъ и Эротъ —
Лишь сердце они изнурили;
Цвѣтъ жизни былъ сорванъ; увяла душа;
Въ ней скука смѣнила надежду.

Ужъ взорамъ его тихоструйный Алфей
Въ цвѣтущихъ брегахъ открывался;
Предъ нимъ оживились минувшіе дни,
Давно улетѣвшая младость.....

Все тѣ жъ берега и поля и холмы,
И то же прекрасное небо;
Но гдѣ жъ озарявшая нѣкогда ихъ
Волшебнымъ сіяньемъ Надежда?

Жилища Теонова ищетъ Эсхинъ.
Теонъ, при домашнихъ Пенатахъ,
Въ желапіяхъ скромный, безъ пышныхъ надеждъ,
Остался на брегъ Алфея.

Близъ мѣста, гдѣ въ море втекаетъ Алфей,
Подъ сѣнью оливъ и платановъ,
Смиренную хижину видитъ Эсхинъ —
То было жилище Теона.

Съ безоблачныхъ солнце сходило небесъ,
И тихое море горѣло;
На хижину сыпался розовой блескъ,
И мирты окрестны алѣли.

Изъ бѣлаго мрамора гробъ не вдали,
Обсаженный миртами, зрѣлся;
Душистыя розы и гибкій ясминъ
Вѣтвями надъ нимъ сплетались.

На прагѣ сидѣлъ въ размышленьи Теонъ,
Смотря на багряное море —
Вдругъ видитъ Эсхина, и вмигъ узнаетъ
Сопутника юныя жизни.

„Да благостно взглянетъ хранитель-Зевесъ
На мирный возвратъ твой къ Пенатамъ!“
Съ блистающимъ радостью взоромъ Теонъ
Сказалъ обнимая Эсхина.

И взглядъ на него любопытный вперилъ —
Лице его скорбно и мрачно.
На друга внимательно смотритъ Эсхинъ —
Взоръ друга прискорбенъ, но ясенъ.

— Когда я съ тобой разлучался, Теонъ,
Надежда сулила мнѣ счастье;
Но опытъ иное мнѣ въ жизни явилъ:
Надежда лукавый предатель.

Скажи, о Теонъ, твой задумчивый взглядъ
Не ту же ль судьбу возвѣщаетъ?
Уже ль и тебя посѣтила печаль
При мирныхъ домашнихъ Пенатахъ? —

Теонъ указалъ, воздыхая, на гробъ.....
„Эсхинъ, вотъ безмолвный свидѣтель,
Что боги для счастья послали намъ жизнь —
Но съ нею печаль неразлучна.

„О! нѣтъ, не ропщу на Зевесовъ законъ:
И жизнь и вселенна прекрасны.
Не въ радостяхъ быстрыхъ, не въ ложныхъ мечтахъ
Я видѣлъ земное блаженство.

„Что можетъ разрушить въ минуту судьба,
Эсхинъ, то на свѣтѣ не наше;
Но сердца нетлѣнныя блага: любовь
И сладость возвышенныхъ мыслей. —

„Вотъ счастье; о другъ мой, оно не мечта.
Эсхинъ, я любилъ и былъ счастливъ;
Любовью моя освятилась душа,
И жизнь въ красотѣ мнѣ предстала.

„При блескѣ возвышенныхъ мыслей я зрѣлъ
Яснѣе великость творенья;
Я вѣрилъ, что путь мой лежитъ по землѣ
Къ прекрасной, возвышенной цѣли.

„Увы! я любилъ.... и ея уже нѣтъ!
Но счастье, вдвоемъ столь живое,
Навѣки ль изчезло? И прежніе дни
Вотще ли столь были прелестны?

„О! нѣтъ: никогда не погибнетъ ихъ слѣдъ;
Для сердца прошедшее вѣчно.
Страданье въ разлукѣ есть та же любовь;
Надъ сердцемъ утрата безсильна.

„И скорбь о погибшемъ не есть ли, Эсхинъ,
Обѣдъ неизмѣнной надежды:
Что гдѣ-то въ знакомой, но тайной странѣ,
Погибшее намъ возвратится?

„Кто разъ полюбилъ, тотъ на свѣтѣ, мой другъ,
Уже одинокимъ не будетъ....
Ахъ! свѣтъ, гдѣ *она* предо мною цвѣла —
Онъ тотъ же: все *ею* онъ полонъ.

„По той же дорогѣ стремлюся одинъ,
И къ той же возвышенной цѣли,
Къ которой такъ бодро стремился вдвоемъ —
Сихъ узъ не разрушитъ могила.

„Сей мыслью высокой украшена жизнь;
Я взоромъ смотрю благодарнымъ
На землю, гдѣ столько разсыпано благъ,
На полное славы творенье.

„Спокойно смотрю я съ земли рубежа
На сторону лучшія жизни;
Сей сладкой надеждою міръ озаренъ,
Какъ небо сіяньемъ Авроры.

„Съ сей сладкой надеждой я выше судьбы,
И жизнь мнѣ земная священна;
При мысли великой, что *я человѣкъ*,
Всегда возвышаюсь душею.

„А этотъ безмолвный, таинственный гробъ....
О другъ мой, онъ вѣрный свидѣтель,
Что лучшее въ жизни еще впереди,
Что *вѣрно* желанное будетъ;

„Сей гробъ затворенная къ счастію дверь;
Отворится.... жду и надѣюсь!
За нимъ ожидаетъ сопутникъ меня,
На мигъ мнѣ явившійся въ жизни.

„О другъ, мой, искавъ измѣняющихъ благъ,
Искавъ наслажденій минутныхъ,
Ты вѣрныя блага утратилъ свои —
Ты жизнь презирать научился.

„Съ симъ гибельнымъ чувствомъ ужасенъ и свѣтъ;
Дай руку: близъ вѣрнаго друга,
Съ природой и жизнью опять примирись;
О! вѣрь мнѣ, прекрасна вселенна.

„*Все* небо намъ дало, мой другъ, съ бытіемъ:
Все въ жизни къ великому средство;
И горесть и радость — все къ цѣли одной:
Хвала жизнодавцу-Зевесу!“

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.

ПѢСНЯ.

Дней моихъ еще весною
Отчій домъ покинулъ я;
Все забыто было мною —
И семейство и друзья.

Въ ризѣ странника убогой,
Съ дѣтской въ сердцѣ простотой,
Я пошелъ путемъ-дорогой —
Вѣра былъ вожатый мой.

И въ надеждѣ, въ увѣреньѣ
Путь казался не далёкъ.
„Странникъ — слышалось — терпѣнье!
Прямо, прямо па востокъ.

Ты увидишь храмъ чудесной;
Ты въ святилище войдешь;
Тамъ въ петлѣнности *небесной*
Все *земное* обрѣтешь.“

Утро вечеромъ смѣнялось;
Вечеръ утру уступалъ:
Неизвѣстное скрывалось;
Я искалъ — не обрѣталъ.

Тамъ встрѣчались мнѣ пучины;
Здѣсь высокихъ горъ хребты;
Я взбирался на стремнины;
Чрезъ потоки стлалъ мосты.

Вдругъ рѣка передо мною —
Водъ склоненье на востокъ;
Вижу зыблемый струёю
Подлѣ берега челнокъ.

Я въ надеждѣ, я въ смятеньи;
Предаю себя волнамъ;
Счастье вижу въ отдаленьи;
Все что мило — мнится — тамъ!

Ахъ! въ безвѣстномъ океанѣ
Очутился мой челнокъ;
Даль по-прежнему въ туманѣ;
Брегъ невидимъ и далёкъ.

И во вѣки надо мною
Не сольется, какъ поднесь,
Небо свѣтлое съ землею....
Тамъ не будетъ вѣчно *здѣсь*.

ГОСУДАРЫНѢ ИМПЕРАТРИЦѢ

МАРІИ ѲЕОДОРОВНѢ.

Мой слабый даръ Царица ободряетъ;
Владычица, въ сіяніи вѣнца,
Съ улыбкой слухъ отъ гимновъ преклоняетъ
Къ гармоніи безвѣстнаго пѣвца....
Могу ль желать славнѣйшія награды?
Когда сей врагъ къ намъ брань и гибель несъ,
И Русскіе воспламенились грады:
Я съ трепетомъ зрѣлъ Ангела небесъ,
Въ сей страшной мглѣ открывшаго пучину
Надменному успѣхомъ исполину;
Я старца зрѣлъ, избраннаго Царемъ;
Я зрѣлъ Славянъ, летящихъ за вождемъ
На огнь и мечъ, и въ каждомъ взорѣ мщенье —
И геніемъ мнѣ было восхищенье,
И я предрекъ губителю паденье,
И все сбылось — губитель гордый палъ....
Но ахъ! почто мнѣ жребій ниспослалъ
Столь бѣдный даръ?... Внимаемый Царицей,

Отважно бъ я на лиръ возгремѣлъ,
Какъ месть и громъ несущій нашъ орелъ
Ударилъ вслѣдъ за робкою станицей
Постигнутыхъ смятеніемъ враговъ;
Какъ подъ его обширными крилами
Спасенные народы отъ оковъ
Съ возникшими изъ низости Царями
Воздвигнули свободы знамена.
Или, забывъ побѣдные перуны,
Твоей хвалой воспламенилъ бы струны:
Ахъ! сей хвалой душа моя полна!
И гдѣ предметъ славнѣе для поэта?
Царица, Мать, Супруга, дочь Царей,
Краса Царицъ, веселіе полсвѣта....
О! кто найдетъ языкъ, приличный Ей?
Почто лишенъ я силы вдохновенья?
Тогда бъ дерзнулъ я лирою моей
Тебя воспѣть, въ красѣ благотворенья
Сѣдящую безъ царскаго вѣнца
Въ кругу сихъ дѣвъ, питомицъ Провидѣнья.
Прелестный видъ! ихъ чистыя сердца
Безъ робости открыты предъ Тобою;
Тебя хотятъ младенческой игрою
И рѣзвостью невинной утѣшать;
Царицы нѣтъ — онѣ ласкаютъ мать;
Объ Ней ихъ мысль, объ Ней ихъ разговоры,
Объ Ней одной мольбы ихъ предъ Творцомъ,
Одну Ее съ небеснымъ Божествомъ

При алтарѣ поютъ ихъ сладки хоры.
Или, мечтой стремясь Тебѣ во слѣдъ,
Дерзнулъ бы я вступить въ сей домъ спасенья,
Туда, гдѣ Ты, какъ Ангелъ утѣшенья,
Льешь сладкую отраду въ чашу бѣдъ.
О! кто въ сей храмъ войдетъ безъ умиленья?
Какъ Божество невидимое, Ты
Тамъ колыбель забвенной сироты
Спасительной рукою оградила;
Въ часъ бытія отверзлась имъ могила —
Ты приговоръ судьбы перервала,
И въ образъ небесныя Надежды
Другую жизнь отверженнымъ дала;
Едва на міръ открыли слабы вѣжды,
Ужъ съ Творческимъ сліянный образъ Твой
Въ младенческихъ сердцахъ запечатлѣли;
Безъ трепета отъ тихой колыбели
Они идутъ въ путь жизни за Тобой.
И въ бурю бѣдъ Ты мощный имъ хранитель!
Вотще окрестъ ихъ сѣни брань кипитъ —
На ихъ главы Ты свой простерла щитъ,
И задрожалъ свирѣпый истребитель
Предъ мирною невинностью дѣтей;
И не дерзнулъ пожаръ внести злодѣй
Въ священную сиротъ Твоихъ обитель.
И днесь — когда отвсюду славы громъ,
Когда, сраженъ получночнымъ орломъ,
Бѣжитъ въ стыдѣ народовъ притѣснитель —

О, сколь предметъ высокій для пѣвца!
Владыки мать въ величествѣ Царицы
И съ ней народъ, молящіе Творца:
Да подъ щитомъ всесильныя десницы
Дастъ миръ землѣ полсвѣта властелинъ.
Такъ, къ небесамъ дойдутъ Твои молитвы;
Придетъ, придетъ, свершивъ за правду битвы,
Защитникъ царствъ, любовь Царей, Твой Сынъ,
Съ вѣнчанными побѣдою полками.
О славный день! о радостный возвратъ!
Уже я зрю священный Петроградъ,
Встрѣчающій Спасителя громами;
Грядетъ! грядетъ, предшествуемъ орлами,
Плѣняющій величествомъ, красой,
И близъ Него нашъ старецъ, вождь судьбины,
И имъ во слѣдъ вождей блестящій строй,
И грозныя Славянскія дружины.
И Ты спѣшишь съ Супругою младой,
Въ кругу Дѣтей, во срѣтенье желаннымъ....
Блаженный часъ; въ виду героевъ бранныхъ,
Прославленной склоняется главой
Владыка-Сынъ предъ Матерью-Царицей,
Да славу ихъ любовь благословитъ —
И вкупѣ съ Нимъ спасенный міръ лежитъ
Передъ Твоей священною десницей.

ВАРВИКЪ.

БАЛЛАДА.

Никто не зрѣлъ, какъ ночью бросилъ въ волны
Эдвина злой Варвикъ;
И слышали одни брега безмолвны
Младенца жалкій крикъ.

Отъ подданныхъ погибшаго губитель
Владыкой признанъ былъ —
И въ Ирлингфоръ уже, какъ повелитель,
Торжественно вступилъ.

Стоялъ среди цвѣтущія равнины
Старинный Ирлингфоръ,
И пышныя съ высотъ его картины
Повсюду видѣлъ взоръ.

Авонъ, шумя подъ древними стѣнами,
Ихъ пѣной орошалъ,
И низкій брегъ съ лѣсистыми холмами
Въ струяхъ его дрожалъ.

Тамъ пламенѣлъ береговъ на тихомъ склонѣ
Закатъ сквозь рѣдкій лѣсъ;
И трепеталъ во дремлющемъ Авонѣ
Съ звѣздами сводъ небесъ.

Вдали, вблизи разсыпанныя села
Дымились по утрамъ;
Огъръзвыхъ стадъ равнина вся шумѣла,
И вторилъ лѣсъ рогамъ.

Спѣшилъ, съ пути прохожій совратяся,
На Ирлингфоръ взглянуть,
И, красотой картинъ его плѣняся,
Онъ забывалъ свой путь.

Одинъ Варвикъ былъ чуждъ красамъ природы:
Вотще въ его глазахъ
Цвѣтутъ лѣса, віяся блещутъ воды,
И радость на лугахъ.

И устремить, трепещущій, не смѣетъ
Онъ взора на Авонъ:
Оттоль зефиръ во слухъ убійцы вѣетъ
Эдвиновъ жалкій стонъ.

И въ тишинѣ безмолвной полуночи
Все тотъ же слышенъ крикъ,
И чудятся блистающія очи,
И блѣдный, страшный ликъ.

Вотще Варвикъ съ родныхъ береговъ уходитъ —
Пріюта въ мірѣ нѣтъ:
Страшилищемъ ужаснымъ совѣсть бродитъ
Вездѣ за нимъ во слѣдъ.

И онъ пришелъ опять въ свою обитель:
А сладостный покой,
И бѣдности веселый посѣтитель,
Въ дому его чужой.

Часы стоятъ окованы тоскою;
А мѣсяцы бѣгутъ....
Бѣгутъ — и день убійства за собою
Невидимо несутъ.

Онъ наступилъ; со страхомъ провожаетъ
Варвикъ ночную тѣнь:
Дрожи! — (ему гласъ совѣсти вѣщаетъ) —
Эдвиновъ смертный день!

Ужасный день: отъ молній небо блещетъ;
Отвсюду вихрей стонъ;
Дождь ливмя льетъ; волнами съ воемъ плещетъ
Разлившійся Авонъ.

Вотще Варвикъ, среди веселій шума,
Цѣдитъ въ бокалъ вино:
Съ нимъ за столомъ садится рядомъ Дума:
Питье отравлено.

Тоскующій и грозный призракъ бродитъ
Въ толпѣ его гостей;
Вездѣ предъ нимъ: съ лица его не сводитъ
Пронзительныхъ очей.

И день угасъ, Варвикъ спѣшитъ на ложе....
Но и въ тиши ночной,
И на одрѣ уединенномъ то же;
Тамъ сонъ, а не покой.

И мнитъ онъ зрѣть пришельца изъ могилы,
Тѣнь брата предъ собой;
Въ чертахъ болѣзнь, ликъ блѣдный, взоръ унылый,
И голосъ гробовой.

Таковъ онъ былъ, когда встрѣчалъ кончину;
И тотъ же слышенъ гласъ,
Какимъ молилъ онъ быть отцемъ Эдвину
Варвика въ смертный часъ:

„Варвикъ, Варвикъ, свершилъ ли данно слово?
Исполненъ ли обѣтъ?
Варвикъ, Варвикъ, возмездіе готово;
Готовъ ли твой отвѣтъ?“

Воспрянулъ онъ — гласъ смолкнулъ — разъяренно
Одинъ во мглѣ ночной
Ревѣлъ Авонъ — но для души смятенной
Былъ сладокъ бури вой.

Но вдругъ — и въявь, средь шума и волненья
Раздался смутный крикъ:
„Спѣши, Варвикъ, спастись отъ потопленья;
Беги, беги, Варвикъ.“

И къ берегу онъ мчится — подъ стѣною
Уже Авонъ кипитъ;
Глухая ночь; одѣто небо мглою;
И мѣсяцъ въ тучахъ скрытъ.

И молитъ онъ съ подъятыми руками:
„Спаси, спаси, Творецъ!“
И вдругъ — мелькнулъ челнокъ между волнами;
И въ челнокѣ пловецъ.

Варвикъ зоветъ, Варвикъ манитъ рукою —
Не внемля шума волнъ,
Пловецъ сидитъ спокойно надъ кормою,
И правитъ къ брегу челнъ.

И съ трепетомъ Варвикъ въ челнокъ садится —
Стрѣлой помчался онъ....
Молчитъ пловецъ... молчитъ Варвикъ... вотъ, мнится,
Имъ слышенъ тяжкій стонъ.

На спутника уставилъ кормщикъ очи:
„Не слышался ли крикъ?“
— Нѣтъ, просвисталъ въ твой парусъ вѣтеръ ночи,
Смутясь, сказалъ Варвикъ.

— Правь, кормщикъ, правь, не скоро челнъ домчится;
Гроза со всѣхъ сторонъ. —
Умолкнули.... плывутъ.... вотъ снова мнится
Имъ слышать тяжкій стонъ.

„Младенца крикъ! онъ борется съ волною;
На помощь онъ зоветъ.“
— Правь, кормщикъ, правь, рѣка покрыта мглою;
Кто тамъ его найдетъ? —

„Варвикъ, Варвикъ, часъ смертный зрѣть ужасно;
Ужасно умирать;
Варвикъ, Варвикъ, младенцу ли напрасно
Тебя на помощь звать?“

„Во мглѣ ночной онъ бьется межъ водами;
Облитъ онъ хладомъ волнъ;
Еще его не видимъ мы очами;
Но онъ... нашъ видитъ челнъ!“

И снова крикъ слабѣющій, дрожащій,
И близко челнока....
Вдругъ въ высотѣ рогъ мѣсяца блестящій
Прорѣзалъ облака;

И съ яркими сліялася лучами,
Какъ дымъ прозрачный, мгла,
Зрятъ на скалѣ дитя между волнами;
И тонетъ ужъ скала.

Пловецъ гребетъ; челнокъ летитъ стрѣлою;
Въ смятеніи Варвикъ;
И озаренъ младенца ликъ луною;
И страшно блѣденъ ликъ.

Варвикъ дрожитъ — и руку, страха полный,
Къ младенцу протянулъ —
И, со скалы спрыгнувъ младенецъ въ волны,
Къ его рукѣ прильнулъ.

И вмигъ.... дитя, челнокъ, пловецъ, незримы;
Въ рукахъ его мертвецъ:
Эдвиновъ трупъ, холодный, педвижимый,
Тяжелый, какъ свинецъ.

Утихло все — и небеса и волны:
Изчезъ въ водахъ Варвикъ;
Лишь слышали одни брега безмолвны
Убійцы страшный крикъ.

КЪ КН. ВЯЗЕМСКОМУ

и

В. Л. ПУШКИНУ.

Друзья, тотъ стихотворецъ — горе,
Не комъ безъ похвалъ восторга нѣтъ.
Хотѣть, чтобъ насъ хвалилъ *весь свѣтъ*,
Въ то же ли, что выпить море?
Презрѣнью бросимъ тотъ вѣнецъ,
Который *всѣмъ* дается свѣтомъ;
Иная слава намъ предметомъ,
Иной награды ждетъ пѣвецъ.
Почто на Фебовъ даръ священный
Такъ безразсудно клеветать?
Могу ль повѣрить, чтобъ страдать
Пѣвецъ, отъ Музы вдохновенный,
Былъ долженъ болѣ, чѣмъ глупецъ,
Земли безчувственный жилецъ,
Съ глухой и вялою душою,
Чѣмъ добровольной слѣпотою
Убившій все, чѣмъ красенъ свѣтъ,
Завистникъ генія и славы?

Нѣтъ! жалобы твои неправы,
Другъ Пушкинъ; счастливъ, кто поэтъ;
Его блаженство прямо съ неба;
Онъ имъ не дѣлится съ толпой:
Его судьи лишь чада Феба;
Ему ли съ пламенной душой
Плоды святаго вдохновенья
Къ погамъ холодныхъ повергать,
И на колѣнахъ ожидать
Отъ недостойныхъ одобренья?
Одинъ, среди песковъ, Мемнонъ,
Сѣдя съ возвышенной главою,
Молчитъ — лишь гордою стопою
Касается ко праху онъ;
Но лишь денницы появленье
Вдали востокъ воспламенитъ —
Въ восторгѣ мраморъ пѣснь гласитъ.
Таковъ поэтъ, друзья; презрѣнье
Въ пыли таящимся душамъ!
Оставимъ ихъ попрать стопамъ,
А взоры устремимъ къ востоку.
Смотрите: неподвластный року,
И находя въ себѣ самомъ
Покой, и честь, и наслажденья,
Мужъ праведный прямымъ путёмъ
Идетъ — и терпитъ ли гоненья,
Избавленъ ли отъ нихъ судьбой —
Онъ сходенъ тамъ и тутъ съ собой;

Онъ благъ безъ примѣси не проситъ —
Нѣтъ! въ лучшій міръ онъ переноситъ
Надежды лучшія свои.
Такъ и поэтъ, друзья мои;
Поэзія есть добродѣтель;
Нашъ геній лучшій намъ свидѣтель.
Здѣсь славы чистой не найдемъ —
На что жъ искать? Перенесемъ
Свои надежды въ міръ потомства . . . .
Увы! Димитрія творецъ
Не отличилъ простыхъ сердецъ
Отъ хитрыхъ, полныхъ вѣроломства.
Зачѣмъ онъ свой сплетать вѣнецъ
Давалъ завистникамъ съ друзьями?
Пусть Дружба нѣжными перстами
Изъ лавровъ сей вѣнецъ свила —
Въ нихъ Зависть тернія вплела;
И торжествуетъ: растерзали
Ихъ иглы славное чело —
Простымъ сердцамъ мертельно зло:
Пѣвецъ угаснулъ отъ печали.
Ахъ! если бъ могъ достигнуть гласъ
Участія и удивленья
Къ душѣ, не снесшей сскорбленья,
И усладить ее на часъ!
Чувствительность его сразила;
Чувствительность, которой сила
Моины душу создала,

Пѣвцу погибелью была.
Потомство грозное, отмщенья!...
А намъ, друзья, изъ отдаленья
Разсудокъ опытный велитъ
Смотрѣть на сцену, гдѣ гремитъ
Хвала — гулъ шумный и невнятный;
Подалѣ отъ толпы судей!
Пока мы не смѣшались съ ней,
Свобода другъ намъ благодатный;
Мы независимо, въ тиши
Уютнаго уединенья,
Богаты ясностью души,
Поемъ для Музъ, для наслажденья,
Для сердца вѣрнаго друзей;
Для насъ всѣ обольщенья славы!
Рука завистниковъ-судей
Душеубійственной отравы
Въ ея сосудъ не подольетъ,
И злобы крикъ къ намъ не дойдетъ.
Страшись къ той славѣ прикоснуться,
Которою прельщаетъ Свѣтъ —
Обвитый розами скелетъ;
Любуйся издали, поэтъ,
Чтобы вблизи не ужаснуться.
Внимай избраннымъ судіямъ:
Ихъ приговоръ зерцало намъ;
Ихъ одобренье намъ награда,
А порицаніе ограда

Отъ убивающія даръ
Надменной мысли совершенства.
Хвала воспламеняетъ жаръ;
Но намъ не въ ней искать блаженства —
Въ трудѣ.... О благотворный трудъ,
Души печальныя цѣлитель
И счастія животворитель!
Что предъ тобой ничтожный судъ
Толпы, въ рѣшеніяхъ пристрастной,
И вѣтреной, и разногласной?
И тотъ же Карамзинъ, друзья,
Разимый злобой, несраженный,
И сладкимъ лишь трудомъ блаженный,
Для насъ примѣръ и судія.
Спросите: для одной ли славы
Онъ вопрошаетъ у вѣковъ,
Какъ были, какъ прошли державы,
И чадамъ подвиги отцовъ
На прахѣ древности являетъ?
Нѣтъ! онъ о славѣ забываетъ
Въ минуту славнаго труда;
Онъ беззаботно ждетъ суда
Отъ современниковъ правдивыхъ,
Не замѣчая и лица
Завистниковъ несправедливыхъ.
И имъ не разорвать вѣнца,
Который взяло дарованье;
Ихъ злоба — имъ однимъ страданье.

Но пусть и очáруютъ свѣтъ —
Собою счастливый поэтъ,
Твори, будь твердъ; ихъ зданья ломки;
А за тебя дадутъ отвѣтъ
Необольстимые потомки.

АЛИНА И АЛЬСИМЪ.

БАЛЛАДА.

Зачѣмъ, зачѣмъ вы разорвали
Союзъ сердецъ?
Вамъ розно быть! вы имъ сказали —
Всему конецъ.
Что пользы въ платье золотое
Себя рядить?
Богатство на землѣ прямое
Одно: любить.

Когда случится, жизни въ цвѣтѣ,
Сказать душой
Ему: *ты будь моя на свѣтѣ;*
А ей: *ты мой;*
И вдругъ придется для другаго
Любовь забыть —
Что жребія страшнѣй такого?
И льзя ли жить?

Алина матери призналась:
„Мнѣ милъ Альсимъ;
Давно я втайнѣ помѣнялась
Душою съ нимъ;
Давно *люблю* ему сказала;
Дай счастье намъ.“
— Нѣтъ, дочь моя, за генерала
Тебя отдамъ. —

И въ монастырь святой Ирины
Отвозитъ дочь.
Тоска-печаль въ душѣ Алины
И день и ночь.
Три года длилося изгнанье;
Не усладилъ
Ни разу другъ ея страданіе:
Но все онъ милъ.

Однажды....о! какъ свѣтъ коваренъ!...
Сказала мать:
„Любовникъ твой неблагодаренъ,“
И ей читать
Она даетъ письмо Альсима.
Его черты:
Прости; другая мной любима;
Свободна ты.

Готово все: женихъ приходитъ;
Идутъ во храмъ;
Вокругъ налоя ихъ обводитъ
Священникъ тамъ.
Увы! Алина, что съ тобою?
Кто твой супругъ?
Ты сердца не дала съ рукою —
Въ немъ прежній другъ.

Какъ смирный агнецъ на закланье,
Вся убрана;
Вокругъ веселье, ликованье —
Она грустна.
Алмазы, платья, ожерелья
Ей мать даритъ:
Напрасно.... прежняго веселья
Не возвратитъ.

Но какъ же дни свои смиренно
Ведетъ она!
Вся жизнь семьѣ уединенной
Посвящена.
Алины сердце покорилось
Судьбѣ своей;
Супругу жъ то, что сохранилось
Отъ сердца ей.

Но все, по-прежнему, печали
Душа полна;
И что бы взоры ни встрѣчали —
Все мысль одна.
Такъ безутѣшная томила
Пять лѣтъ себя,
Все упрекая, что любила,
И все любя.

Разлуки жизнь воспоминанье;
Имъ полонъ свѣтъ;
Хотѣть прогнать его — страданье,
А пользы нѣтъ.
Все по неволѣ улетаемъ
Къ мечтѣ своей;
Твердя: забудь! напоминаемъ
Душѣ объ ней.

Однажды, пріунывъ, Алина
Сидѣла; вдругъ
Купца къ ней вводитъ Армянина
Ея супругъ.
„Вотъ цѣпи, дорогія шали,
Жемчугъ, кораллъ;
Они лѣкарство отъ печали:
Я такъ слыхалъ.“

„На что намъ деньги? На веселье.
Кому ихъ жаль?
Купи, что хочешь: ожерелье,
Цѣпочку, шаль,
Или жемчугъ у Армянина;
Вотъ кошелёкъ;
Я скоро возвращусь, Алина;
Прости, дружокъ.“

Товары передъ ней открывши,
Купецъ молчитъ;
Алина, голову склонивши,
Какъ не глядитъ.
Онъ, взоръ потупя, разбираетъ
Жемчугъ, алмазъ;
Подноситъ, молча; но вздыхаетъ
Онъ каждый разъ.

Блистала красота младая
Въ его чертахъ;
Но блѣденъ; борода густая;
Печаль въ глазахъ.
Мила для взора живость цвѣта,
Знакъ юныхъ дней;
Но блѣдный цвѣтъ, тоски примѣта,
Еще милѣй.

Она не видитъ, не внимаетъ —
Мысль далеко.
Но часто, часто онъ вздыхаетъ,
И глубоко.
Что (мыслитъ) онъ такой унылой?
Чѣмъ огорчёнъ?
Ахъ! если потерялъ, что мило,
Какъ жалокъ онъ!

„Скажи, что сдѣлалось съ тобою?
О чемъ печаль?
Не отъ любви ль? . . . Ахъ! всей душою
Тебя мнѣ жаль.“
— Что пользы? Горя намъ словами
Не утолить;
И невозвратнаго слезами
Не возвратить.

— Одно сокровище безцѣнно
Я въ мірѣ зналъ;
Подобнаго Творецъ вселенной
Не создавалъ.
И я одно имѣлъ въ предметѣ:
Имъ обладать.
За то бы радъ былъ все на свѣтѣ —
И жизнь отдать.

— Какъ было сладко любоваться
Имъ въ день сто разъ!
И въ мысляхъ я не могъ разстаться
Съ нимъ ни на часъ.
Но року вздумалось лихому
Мнѣ повредить,
И счастіе мое другому
Съ нимъ подарить.

Всѣхъ въ жизни радостей лишенный,
Съ моей тоской
Я побѣжалъ, какъ осужденный,
На край земной:
Но ахъ! отъ сердца то, что мило,
Кто оторветъ?
Что разъ оно здѣсь полюбило,
Съ тѣмъ и умретъ. —

„Скажи же, что твоя утрата?
Златой бокалъ?“
— О нѣтъ: оно милѣе злата. —
„Рубинъ, кораллъ?“
— Не тяжко потерять ихъ. — „Что же?
Царевъ алмазъ?“
— Нѣтъ, нѣтъ, алмазовъ всѣхъ дороже
Оно сто разъ.

— Съ тѣхъ поръ, какъ я все то, что льстило,
Въ немъ погубилъ,
Я самъ, на память, образъ милой
Изобразилъ.
И на черты его прелестны
Смотрю въ слезахъ:
Мои всѣ блага поднебесны
Въ его чертахъ. —

Алина слушала уныло
Его разсказъ.
„Могу ль на этотъ образъ милой
Взглянуть хоть разъ?“
Алинѣ, молча, какъ убитый,
Онъ подаетъ
Парчею досканецъ обвитый,
Самъ слезы льетъ.

Алина робкою рукою
Парчу сняла;
Дощечка съ надписью златою;
Она прочла:
Здѣсь все, что я осиротѣлой
Моимъ зову;
Что мнѣ отъ счастья уцѣлѣло;
Все, чѣмъ живу.

Дощечку съ трепетомъ раскрыла —
И что же тамъ?
Что новое судьба явила
Ея очамъ?
Дрожитъ, дыханье прекратилось....
Какой предметъ!
И въ комъ бы сердце не смутилось?...
Ея портретъ.

— Алина, пробудись, другъ милой;
Съ тобою я.
Ничто души не измѣнило;
Она твоя.
Въ послѣдній разъ: люблю Алину,
Пришелъ сказать;
Тебя покинуть, жизнь покину,
Чтобъ не страдать.

Алина съ горемъ и тоскою
Ему въ отвѣтъ:
„Альсимъ, я вѣрной быть женою
Дала обѣтъ.
Хоть долгъ и тяжкой и постылой:
Все покорись;
А ты — не умирай, другъ милой;
Но.... удались.“

Алинѣ руку на прощанье
Онъ подаетъ:
Она беретъ ее въ молчаньѣ
И къ сердцу жметъ.
Вдругъ входитъ мужъ; какъ въ изступленіѣ
Онъ задрожалъ,
И имъ во грудь въ одно мгновенье
Вонзилъ кинжалъ.

Альсима нѣтъ; Алина дышитъ:
Невинна я;
(Такъ говоритъ) Всевышній слышитъ
Насъ Судія.
За что жъ рука твоя пронзила
Алинѣ грудь?
Но Богъ съ тобой; я все простила;
Ты все забудь."

Убійца съ той поры томится
И ночь и день:
Повсюду вслѣдъ за нимъ влачится
Алины тѣнь;
Обагрена кровавымъ токомъ
Вся грудь ея;
И говоритъ ему съ упрёкомъ:
Невинна я.

АББАДОНА.

Сумраченъ, тихъ, одинокъ на ступеняхъ подземнаго трона
Зрѣлся отъ всѣхъ удаленъ Серафимъ Аббадона. Печальной
Мыслью бродилъ онъ въ минувшемъ: грозно вдали передъ взоромъ,
Смутнымъ, потухшимъ отъ тяжкія, тайныя скорби, являлись
Мука на мукѣ, темная вѣчности бездна. Онъ вспомнилъ
Прежнее время, когда онъ, невинный, былъ другъ Абдіила,
Свѣтлое дѣло свершившаго въ день возмущенья предъ Богомъ:
Къ трону Владыки одинъ Абдіилъ, непрельщенъ, возвратился.
Другомъ влекомый, ужъ былъ далеко отъ враговъ Аббадона;

Вдругъ Сатана ихъ настигъ, въ колесницѣ, гремя и блистая;
Звучно торжественнымъ кликомъ зовущихъ грянуло небо;
Съ шумомъ помчался рати мечтой божества упоенныхъ —
Ахъ! Аббадона, бурей безумцевъ отъ друга оторванъ,
Мчится, не внемля прискорбной, грозящей любви Абдиила;
Тмой божества отуманенный, взоровъ молящихъ не видитъ;
Другъ позабытъ: въ торжествѣ къ полкамъ Сатаны онъ примчался.
Мраченъ, въ себя погруженъ, пробѣгалъ онъ въ мысляхъ всю повѣсть
Прежней, невинныя младости; мыслилъ объ утрѣ созданья.
Вкупѣ и вдругъ сотворилъ ихъ Создатель. Въ восторгѣ рожденья
Всѣ вопрошали другъ друга: скажи, Серафимъ, братъ небесный,
Кто ты? Откуда, прекрасный? Давно ль существуешь, и зрѣлъ ли
Прежде меня? О! повѣдай, что мыслишь? Намъ вмѣстѣ безсмертье.
Вдругъ изъ дали свѣтозарной на нихъ благодатью слетѣла
Божія слава; узрѣли все небо, шумящее сонмомъ

Новосозда́нныхъ для жизни; къ Вѣчному облако свѣта
Ихъ вознесло, и, завидѣвъ Творца, возгласили: Создатель! —
Мысли о прошломъ тѣснились въ душѣ Аббадоны, и слезы,
Горькія слезы бѣжали потокомъ по впалымъ ланитамъ.
Съ трепетомъ внялъ онъ хулы Сатаны, и воздвигся, пахмуренъ;
Тяжко вздохнулъ онъ трикраты — такъ въ битвѣ кровавой другъ друга
Братья сразившіе тяжко въ томленьи кончины вздыхаютъ —
Мрачнымъ взоромъ окинувъ совѣтъ Сатаны, онъ воскликнулъ:
Будь на меня вся неистовыхъ злоба — вѣщать вамъ дерзаю!
Такъ, я дерзаю вѣщать вамъ, чтобъ Вѣчнаго судъ не сразилъ насъ
Равною казнію! Горе тебѣ, Сатана-возмутитель!
Я ненавижу тебя, ненавижу, убійца! Вовѣки
Требуй Опъ, нашъ Судія, отъ тебя развращенныхъ тобою,
Нѣкогда чистыхъ наслѣдниковъ славы! Да бѣдное: *горе!*
Грозно гремитъ на тебя въ семъ совѣтѣ духовъ погубленныхъ!

Горе тебѣ, Сатана! Я въ безумствѣ твоемъ не участникъ!
Нѣтъ, не участникъ въ твоихъ замышленьяхъ возстать на Мессію!
Бога-Мессію сразить!... О ничтожный, о комъ говоришь ты?
Онъ Всемогущій, а ты пресмыкаешься въ прахѣ, безсильный
Гордый невольникъ.... Пошлетъ ли смертному Богъ искупленье,
Тлѣна ль оковы расторгнуть помыслитъ — тебѣ ль съ Нимъ бороться!
Ты ль растерзаешь безсмертное тѣло Мессіи? Забылъ ли,
Кто Онъ? Не ты ль опаленъ всемогущими грóмами гнѣва?
Иль на челѣ твоемъ мало ужасныхъ слѣдовъ отверженья?
Иль Вседержитель добычею будетъ безумства безсильныхъ?
Мы, заманившіе въ смерть человѣка.... о горе мнѣ, горе!
Я вашъ сообщникъ!... Дерзнемъ ли возстать на Подателя жизни?
Сына Его Громовержца хотимъ умертвить — о безумство!
Сами хотимъ въ слѣпотѣ истребить ко спасенью дорогу!
Нѣкогда духи блаженные, сами навѣки надежду

Прежняго счастія, мукъ утоленія мчимся разрушить!
Знай же, сколь вѣрно, что мы ощущаемъ съ сугубымъ страданьемъ
Муку паденья, когда ты въ сей бездпѣ изгнанья и ночи
Гордо о славѣ твердишь намъ; столь вѣрно и то, что сраженный
Ты со стыдомъ на челѣ отъ Мессіи въ свой адъ возвратишься."
Бѣшенъ, кипя нетерпѣньемъ, внималъ Сатана Аббадонѣ;
Хочетъ съ престола въ него онъ ударить огромной скалою —
Гнѣвъ обезсилилъ подъятую грозно съ камнемъ десницу!
Топнулъ ярясь ногой и трикраты отъ бѣшенства вздрогнулъ;
Молча воздвигшись, трикраты сверкнулъ онъ въ глаза Аббадоны
Пламеннымъ взоромъ, и взоръ былъ отъ бѣшенства ярокъ и мраченъ:
Но презирать былъ не властенъ. Ему предстоялъ Аббадона,
Тихій, безстрашный, съ упылымъ лицемъ. Вдругъ воспрянулъ свирѣпый
Адрамелехъ, Божества, Сатаны и людей ненавистникъ.
„Въ вихряхъ и буряхъ тебѣ я хочу отвѣчать, малодушный;
Гряну грозою отвѣтъ, сказалъ онъ. Ты ли ругаться

Смѣешь богами? Ты ли, презрѣннѣйшій въ сонмѣ безплотныхъ,
Въ прахѣ своемъ Сатану и меня оскорблять замышляешь?
Нѣтъ тебѣ казни; казнь твоя: мыслей безсильныхъ ничтожность.
Рабъ, удались; удались, малодушный; прочь отъ могущихъ;
Прочь отъ жилища царей; изчезай непримѣтный въ пучинѣ;
Тамъ да создастъ тебѣ царство мученія твой Вседержитель;
Тамъ проклинай безконечность, или, ничтожности алчный,
Въ низкомъ безсиліи рабски предъ небомъ глухимъ пресмыкайся.
Ты же, отважный, средь самаго неба нарекшійся Богомъ,
Грозно въ кипѣніи гнѣва на брань полетѣвшій съ Могущимъ,
Ты, обреченный въ грядущемъ несмѣтныхъ міровъ повелитель,
О Сатана, полетимъ; да узрятъ насъ въ могуществѣ духи;
Да поразитъ ихъ, какъ буря, помысловъ нашихъ отважность!
Всѣ лавиринѳы коварства предъ нами: пути ихъ мы знаемъ;

Въ мракѣ ихъ смерть; не найдетъ Онъ изъ бѣдственной тмы ихъ исхода.
Если жъ, наставленный небомъ, разрушитъ Онъ хитрые ковы —
Пламенны бури пошлемъ, и Его не минуетъ погибель.
Горе, земля, мы грядемъ, ополченные смертью и адомъ;
Горе безумнымъ, кто насъ отразить на землѣ возмечтаетъ!"
Адрамелехъ замолчалъ, и смутилось, какъ буря, собранье;
Страшно отъ топота ногъ ихъ вся бездна дрожала; какъ будто
Съ громомъ утесъ за утесомъ валился; съ кликомъ и воемъ,
Гордые славой грядущихъ побѣдъ, всѣ воздвиглися; дикій
Шумъ голосовъ поднялся, и отгряпулъ съ востока на западъ;
Всѣ заревѣли: погибни, Мессія! Отвѣка созданье
Столь ненавистнаго дѣла не зрѣло. Съ Адрамелехомъ
Съ трона пошелъ Сатана, и ступени, какъ мѣдныя горы,
Тяжко подъ ними звенѣли; съ крикомъ, зовущимъ къ побѣдѣ,
Кинулись смутной толпой во врата растворенныя ада.

Издали, медленно, слѣдомъ за ними, летѣлъ Аббадона;
Видѣть хотѣлъ онъ конецъ необузданно-страшнаго дѣла.
Вдругъ, нерѣшимой стопою онъ къ Ангеламъ, стражамъ Эдема,
Робко подходитъ.... Кто же тебѣ предстоитъ, Аббадона?
Онъ, Абдіилъ, непреклонный, нѣкогда другъ твой.... а нынѣ?...
Взоры потупивъ, вздохнулъ Аббадона. То удалиться,
То подойти онъ желаетъ; то въ сиротствѣ, безнадежный,
Онъ въ безпредѣльное броситься хочетъ. Долго стоялъ онъ,
Трепетенъ, грустенъ; вдругъ, ободрясь, приступилъ къ Абдіилу;
Сильно билось въ немъ сердце; тихія слезы катились,
Ангеламъ токмо знакомыя слезы, по блѣднымъ ланитамъ;
Тяжкими вздохами грудь воздымалась; медленный трепетъ,
Смертнымъ и въ самомъ бореньи съ концемъ неиспытанный, мучилъ
Въ робкомъ его приближеньи.... Но, ахъ! Абдіиловы взоры,
Ясны и тихи, неотвратимо смотрѣли на славу

Вѣчнаго Бога; его жъ Абдіилъ не замѣтилъ. Какъ прелесть
Перваго утра, какъ младость первой весны мірозданья,
Такъ Серафимъ блисталъ, но блисталъ онъ не для Аббадоны.
Онъ отлетѣлъ, и одинъ, посреди опустѣвшаго неба,
Такъ невнимаемымъ гласомъ взывалъ издали къ Абдіилу:
„О Абдіилъ, мой братъ, иль навѣки меня ты отринулъ?
Такъ, навѣки я розно съ возлюбленнымъ.... страшная вѣчность!
Плачь обо мнѣ, все твореніе; плачьте вы, первенцы свѣта;
Онъ не возлюбитъ уже никогда Аббадоны, о плачьте!
Вѣчно не быть мнѣ любимымъ; увяньте вы, тайныя сѣни,
Гдѣ мы бесѣдой о Богѣ, о дружбѣ пѣжно сливались;
Вы, потоки небесъ, близъ которыхъ, сладко объемлясь,
Мы воспѣвали чистою пѣснію Божію славу,
Ахъ! замолчите, изсякните: нѣтъ для меня Абдіила;
Нѣтъ, и навѣки не будетъ. Адъ мой, жилище мученья,
Вѣчная ночь, унывайте вмѣстѣ со мною: навѣки

Нѣтъ Абдіила; вѣчно мнѣ милаго брата не будетъ."
Такъ тосковалъ Аббадона, стоя передъ всходомъ въ созданье.
Строемъ катилися звѣзды. Блескъ и крылатые громы
Встрѣчу ему Оріоновъ летящихъ его устрашили;
Цѣлые вѣки не зрѣлъ онъ, тоской одинокой томимый,
Свѣтлыхъ міровъ; погруженъ въ созерцанье, печально сказалъ онъ:
„Сладостный входъ въ небеса, для чего загражденъ Аббадонѣ?
О! для чего не могу я опять залетѣть на отчизну,
Къ свѣтлымъ мірамъ Вседержителя, вѣчно покинуть
Область изгнанья? Вы, солнцы, прекрасныя чада созданья,
Въ оный торжественный часъ, какъ, блистая, изъ мощной десницы
Вы полетѣли по юному небу — я былъ васъ прекраснѣй.
Нынѣ стою, помраченный, отверженный, сирый изгнанникъ,
Грустный, среди красоты мірозданья. О небо родное,
Видя тебя, содрогаюсь: тамъ потерялъ я блаженство;
Тамъ, отказавшись отъ Бога, сталъ грѣшникъ. О міръ непорочный,
Милый товарищъ мой въ свѣтлой долинѣ спокойствія, гдѣ ты?

Тщетно! одно лишь смятенье при видѣ небесныя славы
Мнѣ Судія отъ блаженства оставилъ — печальный остатокъ!
Ахъ! для чего я къ нему не дерзну возгласить: мой Создатель?
Радостно бъ нѣжное имя Отца уступилъ непорочнымъ;
Пусть непзгнанные въ чистомъ восторгѣ: Отецъ, восклицаютъ.
О Судія непреклонный, преступникъ молить не дерзаетъ,
Чтобъ хоть единымъ Ты взоромъ его посѣтилъ въ сей пучинѣ.
Мрачныя полныя ужаса мысли, и ты, безнадежность,
Грозный мучитель, свирѣпствуй!... Почто я живу? О ничтожность!
Или тебя не узнать?... Проклинаю сей день ненавистный,
Зрѣвшій Создателя въ шествіи свѣтломъ съ предѣловъ востока,
Слышавшій слово Создателя: буди! слышавшій голосъ
Новыхъ безсмертныхъ, вѣщавшихъ: и братъ нашъ возлюбленный созданъ.
Вѣчность, почто родила ты сей день? Почто онъ былъ ясенъ,

Мрачностью не былъ той ночи подобенъ, которою Вѣчный,
Въ гнѣвѣ своемъ несказанномъ, Себя облекаетъ? Почто онъ
Не былъ, проклятый Создателемъ, весь обнаженъ отъ созданій?...
Что говорю?.... О хулитель, кого предъ очами созданья
Ты порицаешь? Вы, солнцы, меня опалите; вы, звѣзды,
Гряньтесь ко мнѣ на главу, и укройте меня отъ престола
Вѣчныя правды и мщенья; о Ты, Судія непреклонный,
Или надежды вѣчность Твоя для меня не скрываетъ?
О Судія, Ты Создатель, Отецъ.... что сказалъ я, безумецъ!
Мнѣ ль призывать Іегову, Его нарицать именами,
Страшными грѣшнику? Ихъ лишь даруетъ одинъ Примиритель;
Ахъ! улетимъ; ужъ воздвиглись Его всемогущіе громы
Страшно ударить въ меня.... улетимъ.... но куда?.... гдѣ отрада?"
Быстро ударился онъ въ глубину безпредѣльныя бездны....
Громко кричалъ онъ: сожги, уничтожь меня, огнь разрушитель!
Крикъ въ безпредѣльномъ изчезъ.... и огнь не притекъ разрушитель.

Смутный онъ снова помчался къ мірамъ, и приникъ утомленный
Къ новому пышно-блестящему солнцу. Оттолѣ на бездны
Скорбно смотрѣлъ онъ. Тамъ звѣзды кипѣли, какъ свѣтлое море;
Вдругъ палетѣла на солнце заблудшая въ безднѣ планета;
Часъ ей насталъ разрушенья.... она ужъ дымилась и рдѣла....
Къ ней полетѣлъ Аббадона, разрушиться вкупѣ надѣясь....
Дымомъ она разлетѣлась, но ахъ!... не погибъ Аббадона!

БИБЛІЯ.

Кто сердца не питалъ, кто не былъ восхищенъ
Сей книгой, отъ небесъ Евреямъ вдохновенной!
Ея божественнымъ огнемъ воспламененъ,
Полночный нашъ Давидъ на лирѣ обновленной
Пророческую пѣснь псалтыри пробуждалъ —
И сѣверъ дивному пѣвцу рукоплескалъ.
Такъ, тамъ, гдѣ цвѣлъ Эдемъ, на брегѣ Іордана,
На гордыхъ высотахъ сѣнистаго Ливана
Живетъ восторгъ; туда, туда спѣши, пѣвецъ;
Тамъ міръ въ младенчествѣ предстанетъ предъ тобою,
И мощный, мыслію сопутствуемъ одною,
Въ чудесномъ торжествѣ творенія Творецъ....
И слова дивнаго прекрасное рожденье,
Се первый человѣкъ; вкусилъ минутный сонъ —

Подругу сладкое даруетъ пробужденье.
Уже съ невинностью блаженство тратитъ онъ.
Поверженъ праведникъ — о грозный Богъ! о мщенье!
Потоки хлынули.... земли преступной нѣтъ;
Одинъ, путеводимъ Предвѣчнаго очами,
Возносится ковчегъ надъ бурными валами,
И въ немъ съ Надеждою таится юный свѣтъ.
Вы, пастыри, вожди племенъ благословенныхъ,
Іаковъ, Авраамъ, восторженный мой взглядъ
Васъ любитъ обрѣтать, могущихъ и смиренныхъ,
Въ родительскихъ шатрахъ, среди шумящихъ стадъ;
Сколь вашей простоты величіе плѣняетъ!
Сколь на востокѣ намъ вашъ славный слѣдъ сіяетъ!...
Не ты ли, тихій гробъ Рахили предо мной?...
Но сынъ ея зоветъ меня ко брегу Нила;
Напрасно злобѣ сѣть невинному грозила;
Живъ Богъ — и онъ спасенъ. О! сладкія съ тобой,
Прекрасный юноша, мы слезы проливали.
И нѣтъ тебя.... увы! на чуждыхъ берегахъ
Сыны Израиля въ гоненіи, въ цѣпяхъ
Скорбятъ.... но небеса склонились къ ихъ печали;
Кто ты, спокойное дитя средь шумныхъ волнъ?
Онъ, онъ, Евреевъ щитъ, ихъ плѣна разрушитель!
Спѣши, о дочь царей, спасай чудесный челнъ;
Да не дерзнетъ къ нему приблизиться губитель —
Въ сей колыбели скрытъ Израиля предѣлъ.
Раздвинься, море.... пой, Израиль, искупленье!
Синай, не ты ли день завѣта въ страхѣ зрѣлъ?

Но на твою ль главу, дрожащую въ смятеньѣ,
Гремящимъ облакомъ Егова низлетѣлъ?
Скажу ль — и дивный столпъ, въ день мрачный, въ
ночь горящій,
И изумленную пустыню отъ чудесъ,
И солнце, ставшее незапно средь небесъ,
И Руѳь, и отъ руки Самсона храмъ дрожащій,
И дѣву юную, которая въ слезахъ,
Среди младыхъ подругъ, на отческихъ горахъ,
О жизни сѣтуя, два мѣсяца бродила?...
Но что? рука Судей Израиль утомила;
Неблагодарнымъ въ казнь, Царей послалъ Творецъ;
Саулъ помазанъ — палъ — и пастырю вѣнецъ;
Отъ племени его народовъ Искупитель;
И воину-царю наслѣдникъ царь-мудрецъ.
Гдѣ вы, Левиты? Ждетъ божественный строитель;
Стеклись.... о торжество! храмъ вѣчный заложенъ.
Но что? ужъ десяти во градѣ нѣтъ колѣнъ!...
Падите, идолы! разсыпьтесь въ прахъ, божницы!
Въ блистаньи Илія на небо воспарилъ!...
Иду подъ вашу сѣнь, Товія, Рагуилъ...
Се мужи Промысла, Предвѣчнаго зѣницы;
Грядущія лѣта какъ прошлыя для нихъ —
И въ часъ показанный народы изчезаютъ.
Увы! Сидонъ, навѣкъ подъ пепломъ ты утихъ!...
Какіе вопли токъ Эвфрата возмущаютъ?
Ты, плакавшій въ плѣну, на вражескихъ брегахъ,
Іуда, ободрись; восходитъ день спасенья!

Смотри: сія рука, разитель преступленья,
Тирану пишетъ казнь, другимъ тиранамъ въ страхъ.
Сіонъ, восторжествуй свиданье съ племенами;
Се Эздра, Маккавей съ могущими сынами;
И се Младенецъ-Богъ Мессія въ пеленахъ.

КЪ КНЯЗЮ

ВЯЗЕМСКОМУ.

Намъ славитъ древность Амфіона:
Отъ струнъ его могущихъ звона
Воздвигся городъ самъ собой....
Правдоподобно, хоть и чудно.
Что древнему поэту трудно?
А нынѣче?... Нынѣче вѣкъ иной.
И въ наши бѣдственныя лѣты
Не только лирами поэты
Не строятъ новыхъ городовъ,
Но сами часто безъ домовъ,
Богатымъ платятъ пѣснопѣньемъ
За скудный уголъ чердака,
И грѣются воображеньемъ
Въ виду пустаго комелька.
О Амфіонъ, благоговѣю!
Но, признаюсь, не сожалѣю,

Что даръ твой: говорить стѣнамъ,
Въ наслѣдство не достался намъ.
Славнѣе говорить сердцамъ,
И пробуждать въ нихъ чувства пламень,
Чѣмъ оживлять бездушный камень,
И зданья лирой громоздить.

Съ тобой хочу я говорить,
Мой другъ и братъ по Аполлону;
Склонись къ знакомой лиры звону;
Одинъ въ насъ пламенѣетъ жаръ;
Но мой удѣлъ на свѣтѣ — струны,
А твой: и сладкихъ пѣсней даръ
И пышные дары фортуны.
Послушай повѣсти моей
(Здѣсь истина безъ украшенья):
Былъ пастырь образецъ смиренья;
Отъ самыхъ юношескихъ дней
Святаго алтаря служитель,
Онъ чистой жизнью оправдалъ
Все то, чѣмъ вѣрныхъ умилялъ
Въ Христовомъ храмѣ, какъ учитель;
Прихожанъ бѣдныхъ тѣсный міръ
Былъ подвиговъ его свидѣтель;
Невидимую добродѣтель
Его лишь тотъ, кто нагъ иль сиръ,
Иль обреченъ былъ униженью,
Вдругъ узнавалъ по облегченью

Тяжелыя судьбы своей.
Ему науки были чужды —
И нѣтъ въ излишнемъ знаньи нужды —
Онъ рѣдкую между людей
Въ простой душѣ носилъ науку:
Страдальцу гибнущему руку
Въ благое время подавать.
Не зналъ онъ гордаго искусства
Умы витійствомъ поражать
И приводить въ волненье чувства;
Но, другъ, спроси у сироты:
Когда въ одеждѣ нищеты,
Потупя взоры торопливо,
Она стояла передъ нимъ
Съ безмолвнымъ бѣдствіемъ своимъ,
Умѣлъ ли онъ краснорѣчиво
Въ ней сердце къ жизни оживлять,
И міръ, ей страшный, украшать
Надеждою на Провидѣнье?
Спроси, умѣлъ ли въ страшный часъ,
Когда лишь смерти слышанъ гласъ,
Лишь смерти слышно приближенье,
Онъ съ робкой говорить душой,
И, скрывъ предъ нею міръ земной,
Являть предъ нею міръ небесный?
Какъ часто въ уголъ неизвѣстный,
Гдѣ нищій съ гладною семьей
Отъ свѣта и стыда скрывался,

Онъ неожиданный являлся
Съ святымъ даяньемъ богачей,
Растроганныхъ его мольбою!...
Мой милый другъ, его ужъ нѣтъ;
Судьба незапною рукою
Его въ другой умчала свѣтъ,
Не давъ свершить здѣсь полдороги;
Вдовы жъ наслѣдство: одръ убогій,
На коемъ жизнь окончилъ онъ,
Да пепелъ хижины сгорѣлой,
Да плачъ семьи осиротѣлой....
Скажи, вотще ль ихъ жалкій стонъ?
О нѣтъ! онъ, землю покидая,
За чадъ своихъ не трепеталъ,
Вѣрнѣй онъ въ часъ послѣдній зналъ,
Что ихъ найдетъ рука святая
Неизмѣняющаго намъ;
Онъ добрымъ завѣщалъ сердцамъ
Сиротъ оставленныхъ спасенье.
Сиротъ въ семействѣ Бога нѣтъ;
Исполнимъ добраго завѣтъ,
И оправдаемъ Провидѣнье.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПОСЛАНІЯ

КЪ КНЯЗЮ ВЯЗЕМСКОМУ.

. . . . . .

Надежда сердцемъ жить въ вѣкахъ,
Надежда сладкая — она не заблужденье;
Пускай покроетъ лиру прахъ —
Въ семъ прахѣ не умолкнетъ пѣнье
Душой безсмертной полныхъ струнъ.
Нашъ геній будетъ, вѣчно-юнъ,
Парить надъ дряхлыми племенъ и царствъ гробами;
И будетъ иламень, въ насъ горѣвшій, согрѣвать
Жаръ славы, благости и смѣлыхъ помышленій
Въ сердцахъ грядущихъ поколѣній;
Сихъ узъ ни Кронъ, ни смерть не властны разорвать;
Пускай, пускай придетъ пустынный вѣтръ свистать
Надъ нашею съ землей сравнявшейся могилой —

Что счастіемъ для насъ въ минутной жизни было,
То будетъ счастіемъ для близкихъ намъ сердецъ
И долго послѣ насъ; грядущихъ лѣтъ пѣвецъ
Отъ лиры воспылаетъ нашей;
Внимая умиленно ей,
Страдалецъ подойдетъ смѣлѣй
Къ своей ужасной, горькой чашѣ,
И волю Промысла, смирясь, благословитъ;
Сынъ славы закипитъ,
Ее послышавъ, бранью,
И праздный мечъ сожметъ нетерпѣливой дла̀нью....
Давно въ развалинахъ Сабинскій уголокъ,
И вѣки ужъ надъ нимъ толпою пролетѣли;
Но струны Флакковы еще не онѣмѣли;
И, мнится, не забылъ ихъ звука тотъ потокъ
Съ одушевленными струями,
Еще шумящій тамъ, гдѣ дружными вѣтвями
Въ кудрявые вѣнцы сплелися древеса.
Тамъ, подъ вечеръ, когда невидимо роса
Съ роскошной свѣжестью на землю упадаетъ,
И мирты спящіе Селена осребряетъ,
Дріадъ стыдливыхъ хороводъ
Кружится по цвѣтамъ, и тѣнь ихъ пролетаетъ
По зыбкому зерцалу водъ;
Нерѣдко, въ тихій часъ, какъ солнце на закатѣ
Лѣтъ румяный блескъ на море вдалекѣ,
И мирты темные дрожатъ при вѣткѣ,
На яркомъ отражаясь златѣ —

Вдругъ разливается какъ будто тихій звонъ,
И вѣтерокъ, и струй журчанье утихаетъ —
Какъ бы незримый Аполлонъ
Полетомъ легкимъ пролетаетъ —
И путникъ, погруженъ въ унылость, слышитъ гласъ:
„О смертный, жизнь стрѣлою мчится;
Лови, лови летящій часъ;
Онъ, улетѣвъ, не возвратится.“

ЭЛЬВИНА И ЭДВИНЪ.

БАЛЛАДА.

Въ излучинѣ долины сокровенной,
Тамъ, гдѣ блеститъ подъ рощею потокъ,
Стояла хижина, смиренной
Покоя уголокъ.

Эльвина тамъ красавица таилась —
Въ ней зрѣла мать подпору дряхлыхъ дней,
И только объ одномъ молилась:
„Всѣ блага жизни ей.“

Какъ лилія была чиста душою,
И пламенѣлъ румянецъ на щекахъ —
Такъ разливается весною
Денница въ облакахъ.

Всѣхъ юношей Эльвина восхищала;
Для всѣхъ подругъ красой была страшна,
И, чудо прелестей, не знала
Объ нихъ одна она.

Пришелъ Эдвинъ. Безъ всякаго искусства
Эдвинова плѣняла красота:
Въ очахъ веселыхъ пламень чувства,
А въ сердцѣ простота.

И заключенъ святой союзъ сердцами:
Душѣ легко въ родной душѣ читать;
Легко, что сказано очами,
Устами досказать.

О! сладко жить, когда душа въ покоѣ,
И съ тѣмъ, кто милъ, начавъ, кончаешь день;
Вдвоемъ и радости всѣ вдвоѣ....
Но ахъ! онѣ какъ тѣнь.

Лишь золото любилъ отецъ Эдвина;
Для жалости онъ сердца не имѣлъ;
Эльвинѣ же дала судьбина
Одну красу въ удѣлъ.

Съ холодностью смотрѣлъ старикъ суровой
На ихъ любовь — на счастье двухъ сердецъ.
„Разстаньтесь!“ роковое слово
Сказалъ онъ наконецъ.

Увы, Эдвинъ! Въ какой борьбѣ въ немъ страсти!
И ни одной нѣтъ силы побѣдить....
Какъ не признать отцовской власти?
Но какъ же не любить?

Прелестный видъ, плѣнительныя рѣчи,
Восторгъ любви — все было только сонъ;
Онъ розно съ ней; онъ съ ней и встрѣчи
Бояться осуждёнъ.

Лишь по утрамъ, чтобъ видѣть слѣдъ Эльвины,
Онъ изъ кустовъ смотрѣлъ, когда она
Шла по излучинѣ долины,
Печальна и одна;

Или, когда являя мѣсяцъ роги,
Туманный свѣтъ на рощи наводилъ,
Онъ, грустенъ, вдоль большой дороги
До полночи бродилъ.

Задумчивый, онъ часто по кладбищу
При склонѣ дня ходилъ среди крестовъ:
Его тоскѣ давало пищу
Спокойствіе гробовъ.

Знать гробъ ему предчувствіе сулило!
Уже ланитъ румяный цвѣтъ пропалъ;
Ихъ горе блѣдностью покрыло....
Несчастный увядалъ.

И не спасутъ его младыя лѣты;
Вотще въ слезахъ надъ нимъ его отецъ;
Вотще и вопли и обѣты!...
Всему, всему конецъ.

И молитъ онъ: „друзья, изъ сожалѣнья!...
Хотя бы разъ мнѣ на нее взглянуть!...
Ахъ! дайте, дайте отъ мученья
При ней мнѣ отдохнуть.“

Она пришла; но взоръ любви всесильный
Уже тебя, Эдвинъ, не воскреситъ:
Уже готовъ покровъ могильный,
И гробъ уже открытъ.

Смотри, смотри, несчастная Эльвина,
Какъ измѣнилъ его послѣдній часъ:
Ни тѣни прежняго Эдвина;
Ликъ блѣдный, слабый гласъ.

Въ знакъ вѣрности онъ подаетъ ей руку,
И на нее взоръ томный устремилъ:
Какъ сильно вѣчную разлуку
Сей взоръ изобразилъ!

И въ тмѣ ночной, покинувши Эдвина,
Домой одна вблизи кладбища шла,
Души не чувствуя, Эльвина;
Кругомъ густѣла мгла.

Отъ сѣвера подъемлясь, вѣтеръ хладной
Качалъ, свистя во мракѣ, дерева;
И выла на стѣнѣ оградной
Полночная сова.

И вся душа въ Эльвинѣ замирала;
И взоръ ея во всемъ его встрѣчалъ;
Казалось — тѣнь его летала;
Казалось — онъ стоналъ.

Но .... вотъ и въявь ужъ слышится Эльвинѣ:
Вдали провылъ уныло тяжкій звонъ;
Какъ смерти голосъ, по долинѣ
Промчавшись, стихнулъ онъ.

И къ матери безъ памяти вбѣжала —
Блѣдна, и свѣтъ въ очахъ ея темнѣлъ.
„Прости, все кончилось! (сказала)
Мой ангелъ улетѣлъ!

„Благослови.... зовутъ.... иду къ Эдвину....
Но для тебя мнѣ жаль покинуть свѣтъ.“
Умолкла.... мать зоветъ Эльвину...
Эльвины больше нѣтъ.

ДОБРЫЙ СОВѢТЪ

ВЪ АЛЬБОМЪ В. А. А.

Любовь, *Надежда* и *Терпѣнье*:
На жизнь порядочный запасъ.
Впередъ безъ страха; въ добрый часъ;
За все порука Провидѣнье.

Блаженъ, кому *Любовь* во слѣдъ;
Она веселье въ жизнь вливаетъ,
И счастья радугу являетъ
На самой грозной тучѣ бѣдъ.

Пока заря не возсіяла —
Бездушенъ, хладенъ, тихъ Мемнонъ;
Заря взошла — и дышетъ онъ;
И радость въ мраморѣ взыграла.

Таковъ *Любви* волшебный свѣтъ,
Великихъ чувствъ животворитель,
Къ дѣламъ возвышеннымъ стремитель;
Любви нѣтъ въ сердцѣ — жизни нѣтъ;

Надежда съ чашею отрады
Намъ добрый спутникъ — вѣрь; но знай,
Что не земля, а небо рай;
Вѣрнѣй быть добрымъ безъ награды.

Когда жъ *Надежда* улетитъ —
Взгляни на тихое *Терпѣнье;*
Оно утѣхи обольщенье
Прямою силой замѣнитъ.

Лишь бы, сокровище святое,
Доброта сохранилась намъ;
Достоинъ будь — а небесамъ
Оставь на волю остальное.

БАЛЛАДА,

ВЪ КОТОРОЙ ОПИСЫВАЕТСЯ, КАКЪ ОДНА СТАРУШКА ѣХАЛА НА ЧЕРНОМЪ КОНѢ ВДВОЕМЪ, И КТО СИДѢЛЪ ВПЕРЕДИ.

На кровлѣ воронъ дико прокричалъ:
Старушка слышитъ и блѣднѣетъ.
Понятно ей, что воронъ тотъ сказалъ:
Слегла въ постель, дрожитъ, хладѣетъ.

И вопитъ скорбно: гдѣ мой сынъ чернецъ?
Ему сказать мнѣ слово дайте;
Увы! я гибну; близокъ мой конецъ;
Скорѣй, скорѣй! не опоздайте!

И къ матери идетъ чернецъ святой:
Ея услышать покаянье;
И тайные Дары несетъ съ собой,
Чтобъ утолить ея страданье.

Но лишь пришелъ къ одру съ Дарами онъ,
Старушка въ трепетъ завыла;
Какъ смерти крикъ, ея протяжный стонъ....
Не приближайся! возопила.

Не подноси ко мнѣ святыхъ Даровъ;
Уже не въ пользу покаянье....
Былъ страшенъ видъ ея сѣдыхъ власовъ
И страшно груди колыханье.

Дары святые сынъ отнесъ назадъ
И къ страждущей приходитъ снова;
Кругомъ бродилъ ея потухшій взглядъ;
Языкъ искалъ, нѣмѣя, слова.

„Вся жизнь моя въ грѣхахъ погребена,
Меня отвергнулъ Искупитель;
Твоя жъ душа молитвой спасена,
Ты будь души моей спаситель.

„Здѣсь вмѣсто дня была мнѣ ночи мгла;
Я кровь младенцевъ проливала,
Власы невѣстъ въ огнѣ волшебномъ жгла,
И кости мертвыхъ похищала.

„И казнь лукавый обольститель мой
Ужъ мнѣ готовитъ въ адской злобѣ;
И я, смутивъ чужихъ гробовъ покой,
Въ своемъ не успокоюсь гробѣ.

„Ахъ! не забудь моихъ послѣднихъ словъ:
Мой трупъ, обвитый пеленою,
Мой гробъ, мой черный гробовой покровъ
Ты окропи святой водою.

„Чтобъ изъ свинца мой крѣпкій гробъ былъ слитъ,
Семью окованъ обручами,
Во храмъ внесенъ, предъ алтаремъ прибитъ
Къ помосту крѣпкими цѣпями.

„И цѣпи окропи святой водой;
Чтобы священники соборомъ
И день и ночь стояли надо мной
И пѣли панихиду хоромъ;

„Чтобъ пятьдесятъ на крылосахъ дьячковъ
За ними въ черныхъ рясахъ пѣли;
Чтобъ день и ночь свѣчи у образовъ
Изъ воску яраго горѣли;

„Чтобы звучнѣй во всѣ колокола
Съ молитвой день и ночь звонили;
Чтобъ заперта во храмъ дверь была;
Чтобъ дьаконы предъ ней кадили;

„Чтобъ крѣпокъ былъ запоръ церковныхъ вратъ;
Чтобы съ полуночнаго бдѣнья
Онъ ни на мигъ съ растворовъ не былъ снятъ
До солнечнаго восхожденья.

„Съ обрядомъ тѣмъ молитеся три дня,
Три ночи сряду надо мною:
Чтобъ не достигъ губитель до меня,
Чтобъ прахъ мой принятъ былъ землёю.“

И гласъ ея быть слышенъ пересталъ;
Померкши очи закатились;
Послѣдній вздохъ въ груди затрепеталъ;
Уста, охолодѣвъ, раскрылись.

И хладный трупъ, и саванъ гробовой,
И гробъ подъ черной пеленою
Священники съ приличною мольбой
Опрыскали святой водою.

Семь обручей на гробъ положены;
Три цѣпи тяжкими винтами
Вонзились въ гробъ и съ нимъ утверждены
Въ помостъ предъ Царскими дверями.

И вспрыснуты онѣ святой водой;
И всѣ священники въ собраньѣ:
Чтобъ день и ночь душѣ на упокой
Свершать во храмѣ поминанье.

Поютъ дьячки всѣ въ черныхъ стихаряхъ
Медлительными голосами;
Горятъ свѣчи надгробны въ ихъ рукахъ,
Горятъ свѣчи предъ образами.

Протяжный гласъ, и блѣдный ликъ пѣвцовъ,
Печальный, страшный сумракъ храма,
И тихій гробъ, и длинный рядъ поповъ
Въ туманѣ зыбкомъ ѳиміама,

И горестный чернецъ предъ алтаремъ,
Творящій до земли поклоны,
И въ высотѣ дрожащимъ свѣчъ огнемъ
Чуть озаренныя иконы....

Ужасный видъ! колокола звонятъ;
Ужъ часъ полуночнаго бдѣнья....
И заперлись затворы тяжкихъ вратъ
Передъ начатіемъ моленья.

И въ перву ночь отъ свѣчъ веселый блескъ.
И вдругъ.... къ полночи за вратами
Ужасный вой, ужасный шумъ и трескъ;
И слышалось: гремятъ цѣпями.

Желѣзныхъ вратъ запоръ, стуча дрожитъ;
Звонятъ на колокольнѣ звончѣ;
Молитву клиръ усерднѣе творитъ,
И пѣніе поющихъ громчѣ.

Гудятъ колокола, дьячки поютъ,
Попы молитвы вслухъ читаютъ,
Чернецъ въ слезахъ, въ кадилахъ ладонъ жгутъ,
И свѣчи яркія пылаютъ.

Запѣлъ пѣтухъ.... и смолкнувши бѣгутъ
Враги, не совершивъ ловитвы;
Смѣлѣй дьячки на крылосахъ поютъ,
Смѣлѣй попы творятъ молитвы.

Въ другую ночь отъ свѣчъ темнѣе свѣтъ;
И слабо теплются кадилы,
И гробовой у всѣхъ на лицахъ цвѣтъ:
Какъ будто встали изъ могилы.

И снова ревъ и шумъ и трескъ у вратъ;
Грызутъ замокъ, въ затворы рвутся;
Какъ будто вихрь, какъ будто шумный градъ,
Какъ будто воды съ горъ несутся.

Предъ алтаремъ черпецъ на землю палъ,
Священники творятъ поклоны,
И дымъ отъ свѣчъ туманныхъ побѣжалъ,
И потемнѣли всѣ иконы.

Сильнѣе стукъ — звучнѣй колокола,
И трепетнѣй поющихъ голосъ:
Въ крови ихъ хладъ, объемлетъ очи мгла,
Дрожатъ колѣна, дыбомъ волосъ.

Запѣлъ пѣтухъ.... и прочь враги бѣгутъ,
Опять не совершивъ ловитвы;
Смѣлѣй дьячки на крылосахъ поютъ,
Попы смѣлѣй творятъ молитвы.

На третью ночь свѣчи едва горятъ;
И дымъ густой и запахъ сѣрный;
Какъ рядъ тѣней, попы во мглѣ стоятъ;
Чуть видѣнъ гробъ во мракѣ черный.

И стукъ у вратъ: какъ будто океанъ
Подъ бурею реветъ и воетъ,
Какъ будто степь песчаную орканъ
Свистящими крылами роетъ.

И звонари отъ страха чуть звопятъ,
И руки имъ служить невольны;
Часъ отъ часу страшнѣе громъ у вратъ,
И звонъ слабѣе колокольный.

Дрожа, упалъ черпецъ предъ алтаремъ;
Молиться силы нѣтъ; во прахѣ
Лежитъ, къ землѣ приникнувши лицемъ;
Поднять глаза не смѣетъ въ страхѣ.

И пѣвчихъ хоръ, досель согласный, сталъ
Нестройнымъ крикомъ отъ смятенья:
Имъ чудилось, что церковь зашаталъ
Какъ бы ударъ землетрясенья.

Вдругъ затускнѣлъ огонь во всѣхъ свѣчахъ,
Погасли всѣ и закурились;
И замеръ гласъ у пѣвчихъ на устахъ,
Всѣ трепетали, всѣ крестились.

И раздалось.... какъ будто оный гласъ,
Который гряпетъ надъ гробами;
И храма дверь со стукомъ затряслась
И на полъ рухпула съ петлями.

И *Онъ* предсталъ весь въ пламени очамъ,
Свирѣпый, мрачный, разъяренной;
Но не дерзнулъ войти онъ въ Божій храмъ,
И ждалъ предъ дверью раздробленной.

И съ громомъ гробъ отторгся отъ цѣпей,
Ни чьей не тронутый рукою;
И вмигъ на немъ не стало обручей....
Они разсыпались золою.

И вскрылся гробъ. *Онъ* къ тѣлу вопіётъ:
Возстань, иди во слѣдъ владыкѣ!
И проступилъ отъ словъ сихъ хладный потъ
На мертвомъ, неподвижномъ ликѣ.

И тихо трупъ со стономъ тяжкимъ всталъ,
Покоренъ страшному призванью;
И никогда здѣсь смертный не слыхалъ
Подобнаго тому стенанью.

Шатаяся пошла она къ дверямъ:
Огромный конь чернѣе ночи,
Дыша огнемъ, храпѣлъ и прыгалъ тамъ,
И какъ пожаръ пылали очи.

И на коня съ добычей прянулъ врагъ;
И трупъ завылъ; и быстротечно
Конь полетѣлъ, взвивая дымъ и прахъ;
И слухъ объ ней пропалъ навѣчно.

Никто не зрѣлъ, какъ съ нею мчался *Онъ*....
Лишь страшный слѣдъ нашли на прахѣ;
Лишь, внемля крикъ, всю ночь сквозь тяжкій сонъ
Младенцы вздрагивали въ страхѣ.

ЭОЛОВА АРФА.

БАЛЛАДА.

Владыко Морвены,
Жилъ въ дѣдовскомъ замкѣ могучій Ордалъ;
Надъ озеромъ стѣны
Зубчатыя замокъ съ холма возвышалъ;
Прибрежны дубравы
Склонялись къ водамъ,
И стлался кудрявый
Кустарникъ по злачнымъ окрестнымъ холмамъ.

Спокойствіе сѣней
Дубравныхъ тамъ часто лай псовъ нарушалъ;
Рогатыхъ еленей
И вепрей и ланей могучій Ордалъ
Съ отважными псами
Гонялъ по холмамъ;
И долы съ холмами,
Шумя, отвѣчали зовущимъ рогамъ.

Въ жилище Ордала
Веселость изъ ближнихъ и дальнихъ краёвъ
Гостей собирала;
И убраны были чертоги пировъ
Еленей рогами;
И въ память отцамъ
Висѣли рядами
Ихъ шлемы, кольчуги, щиты по стѣнамъ.

И въ дружныхъ бесѣдахъ
Любилъ за бокаломъ разсказы Ордалъ
О древнихъ побѣдахъ,
И взоры на брони отцевъ устремлялъ:
Чеканны ихъ латы
Въ глубокихъ рубцахъ;
Мечи ихъ зубчаты;
Щиты ихъ и шлемы избиты въ бояхъ.

Младая Минвана
Красой озаряла родительскій домъ;
Какъ зыби тумана,
Зарею златимы надъ свѣжимъ холмомъ,
Такъ кудри густыя
Съ главы молодой
На перси младыя,
Віяся, бѣжали струей золотой.

Пріятнѣй денницы
Задумчивый пламень во взорахъ сіялъ:
Сквозь темны рѣсницы
Онъ сладкое въ душу смятенье вливалъ;
Потока журчанье —
Пріятность рѣчей;
Какъ роза, дыханье;
Душа же прекраснѣй и прелестей въ ней.

Гремѣла красою
Минвана и въ ближнихъ и въ дальнихъ краяхъ;
Въ Морвену толпою
Стекалися витязи, славны въ бояхъ;
И дщерью гордился
Предъ ними отецъ....
Но втайнѣ дѣлился
Душою съ Минваной Арминій-пѣвецъ.

Младой и прекрасный,
Какъ свѣжая роза — утѣха долинъ,
Пѣвецъ сладкогласный....
И родомъ не знатный, не княжескій сынъ:
Минвана забыла
О санѣ своемъ,
И сердцемъ любила,
Невинная, сердце невинное въ немъ. —

На темные своды
Багрянымъ щитомъ покатилась луна;
И озера воды
Струистымъ сіяньемъ покрыла она;
Отъ за́мка, отъ сѣней
Дубравъ по брегамъ
Огромные тѣней
Легли великаны по гладкимъ водамъ.

На холмѣ, гдѣ чистымъ
Потокомъ источникъ бѣжалъ изъ кустовъ,
Подъ дубомъ вѣтвистымъ —
Свидѣтелемъ тайныхъ свиданья часовъ —
Минвана младая
Сидѣла одна,
Пѣвца ожидая,
И въ страхѣ таила дыханье она.

И съ арфою стройной
Ко древу къ Минванѣ приходитъ пѣвецъ.
Все было спокойно,
Какъ тихая радость ихъ юныхъ сердецъ:
Прохлада и нѣга,
Мерцанье луны,
И ропотъ у брега
Дробимыя съ легкимъ плесканьемъ волны.

И долго, безмолвны,
Пѣвецъ и Минвана съ унылой душой
Смотрѣли на волны,
Златимыя тихо блестящей лупой.
„Какъ быстрыя воды
Потокъ свой лiютъ —
Такъ быстрые годы
Веселье младое съ любовью несутъ.“

— Что жъ сердце уныло?
Пусть воды лiются, пусть годы бѣгутъ;
О вѣрный! о милой!
Съ любовiю годы и жизнь унесутъ. —
„Минвана, Минвана,
Я бѣдный пѣвецъ;
Ты жъ царскаго сана,
И предками славенъ твой гордый отецъ.“

— Что въ славѣ и санѣ?
Любовь мой высокiй, мой царскiй вѣпецъ.
О милый, Минванѣ
Всѣхъ витязей краше смиренный пѣвецъ.
Зачѣмъ же уныло
На радость глядѣть?
Все близко, что мило;
Оставимъ годамъ за годами летѣть. —

„Минутная сладость
Веселаго *вмѣстѣ*, помедли, постой;
Кто скажетъ, что радость
На вѣкъ не умчится съ грядущей зарёй!
Проглянетъ денница —
Блаженству конецъ;
Опять ты царица,
Опять я ничтожный и бѣдный пѣвецъ."

— Пускай возвратится
Веселое утро, сіяніе дня;
Зарей озарится
Тотъ свѣтъ, гдѣ мой милый живетъ для меня.
Лишь царскимъ уборомъ
Я буду съ толпой;
А мыслію, взоромъ
И сердцемъ, и жизнью, о милый, съ тобой. —

„Прости, ужъ блѣднѣетъ
Разсвѣтомъ далекій, Минвана, востокъ;
Ужъ утренній вѣетъ
Съ вершины кудрявыхъ холмовъ вѣтерокъ."
— О нѣтъ! то зарница
Блеститъ въ облакахъ;
Не скоро денница;
И тихъ вѣтерокъ на кудрявыхъ холмахъ. —

„Ужъ въ замкѣ проснулись;
Мнѣ слышался шорохъ и звукъ голосовъ.“
— О пѣтъ! встрепенулись
Дремавшія пташки па вѣтвяхъ кустовъ. —
„Заря ужъ багряна“
— О милый, постой. —
„Минвана, Минвана,
Почто жъ замираетъ такъ сердце тоской?“

И арфу унылой
Пѣвецъ привязалъ подъ наклономъ вѣтвей:
„Будь, арфа, для милой
Залогомъ прекрасныхъ минувшаго дней;
И сладкіе звуки
Любви не забудь;
Услада разлуки
И вѣстникъ души неизмѣнныя будь.

„Когда же мой юный,
Убитый печалію цвѣтъ опадетъ,
О вѣрныя струны,
Въ васъ съ прежней любовью душа перейдетъ.
Какъ прежде, взыграетъ
Веселіе въ васъ,
И другъ мой узнаетъ
Привычный, зовущій къ свиданію гласъ.

„И думай, ихъ пѣнью
Внимая вечерней, Минвана, порой,
Что легкою тѣнью,
Все вѣрный, летаетъ твой другъ надъ тобой;
Что прежнія муки:
Превратности страхъ,
Томленье разлуки,
Всѣ съ трепетной жизнью онъ бросилъ во прахъ.

„Что, жизнь пережившій,
Любовь лишь одна не разсталась съ душой;
Что робко любившій
Безъ робости любитъ и болѣе твой.
А ты, дубъ вѣтвистый,
Ее осѣняй;
И, вѣтеръ душистый,
На грудь молодую дышать прилетай.“

Умолкъ — и съ прелестной
Задумчивыхъ долго очей не сводилъ....
Какъ бы неизвѣстный
Въ немъ голосъ: *на вѣки прости!* говорилъ.
Горячей рукою
Ей руку пожалъ,
И, тихой стопою
Отъ ней удаляся, какъ призракъ, пропалъ....

Луна возсіяла....
Минвана у древа.... но гдѣ же пѣвецъ?
Увы! предузнала
Душа, унывая, что счастью конецъ;
Молва о свиданьѣ
Достигла отца....
И мчитъ ужъ въ изгнанье
Ладья черезъ море младаго пѣвца.

И поздно, и рано
Подъ древомъ свиданья Минвана груститъ.
Уныло съ Минваной
Одинъ лишь нагорный потокъ говоритъ;
Все пусто; день ясный
Взойдетъ и зайдетъ —
Пѣвецъ сладкогласный
Минваны подъ древомъ свиданья не ждетъ.

Прохладою дышетъ
Тамъ вѣтеръ вечерній и въ листьяхъ шумитъ,
И вѣтви колышетъ,
И арфу лобзаетъ.... но арфа молчитъ. —
Творенія радость,
Настала весна —
И въ свѣжую младость,
Красу и веселье земля убрана.

И яркимъ сіяньемъ
Холмы осыпалъ вечерѣющій день:
На землю съ молчаньемъ
Сходила ночная, росистая тѣнь;
Ужъ синіе своды
Блистали въ звѣздахъ;
Сравнялися воды;
И вѣтеръ улегся на спящихъ листахъ.

Сидѣла уныло
Минвана у древа.... душой вдалекѣ....
И тихо все было....
Вдругъ.... къ пламенной что-то коснулось щекѣ;
И что-то шатнуло
Безъ вѣтра листы;
И что-то прильнуло
Къ струнамъ, невидимо слетѣвъ съ высоты....

И вдругъ.... изъ молчанья
Поднялся протяжно задумчивый звонъ;
И тише дыханья
Играющей въ листьяхъ прохлады былъ онъ.
Въ ней сердце смутилось:
То друга привѣтъ!
Свершилось, свершилось!...
Земля опустѣла, и милаго нѣтъ.

Отъ тяжкія муки
Минвана упала безъ чувства на прахъ,
И жалобнѣй звуки
Надъ ней застенали въ смятенныхъ струнахъ.
Когда жъ возвратила
Дыханье она,
Уже восходила
Заря, и надъ нею была тишина.

Съ тѣхъ поръ, унывая,
Минвана, лишь вечеръ, ходила на холмъ,
И, звукамъ внимая,
Мечтала о миломъ, о свѣтѣ другомъ,
Гдѣ жизнь безъ разлуки,
Гдѣ все не на часъ —
И мнились ей звуки,
Какъ будто летящій отъ родины гласъ.

„О милыя струны,
Играйте, играйте.... мой часъ не далёкъ;
Ужъ клонится юный
Главой недоцвѣтшей ко праху цвѣтокъ.
И странникъ унылый
Заутра придетъ,
И спроситъ: гдѣ милый
Цвѣтокъ мой?... и болѣ цвѣтка не найдетъ.“

И пѣтъ ужъ Минваны....
Когда отъ потоковъ, холмовъ и полей
Восходятъ туманы,
И свѣтитъ, какъ въ дымѣ, луна безъ лучей —
Двѣ видятся тѣни:
Сліявшись, летятъ
Къ знакомой имъ сѣни....
И дубъ шевелится, и струны звучатъ.

ВЪ АЛЬБОМЪ А. А. П.

Ты свѣтъ увидѣла во дни моей весны,
Дни чистые, когда все въ жизни такъ прекрасно,
Такъ живо близкое, далекое такъ ясно,
Когда лелѣютъ насъ магическіе сны;
Тогда съ небесъ къ твоей спокойной колыбели
Святыя Радости подругами слетѣли —
Ихъ рой сномъ утреннимъ кругомъ тебя игралъ;
И *Ангелъ прелести*, твоя родня, съ любовью
Незримо къ твоему приникнулъ изголовью,
И никогда тебя съ тѣхъ поръ не покидалъ.
Лѣта прошли — твои всѣ спутники съ тобою;
У входа въ свѣтъ съ живой и ждущею душею
Ты въ ихъ кругу стоишь, прелестна, какъ они.
А я, знакомецъ твой въ тѣ радостные дни,
Я на тебя смотрю съ веселіемъ унылымъ;
Тѣснишься въ сердце ты изображеньемъ милымъ

Всего минувшаго, всего, чѣмъ жизнь была
Такъ сладостно полна, такъ пламенно мила,
Что вдохновеніемъ всю душу зажигало,
Всего, что лучшаго въ ней было и пропало....
О упоеніе томительной мечты,
Покинь меня! *Желать* безжалостно ты учишь;
Не воскрешая, смерть мою тревожишь ты;
Въ могилѣ мертвеца ты чувствомъ жизни мучишь.

АХИЛЛЪ.

БАЛЛАДА.

Отуманилася Ида;
Омрачился Иліонъ;
Спитъ во мракѣ станъ Атрида;
На равнинѣ битвы сонъ.
Тихо все.... курясь, сверкаетъ
Пламень гаснущихъ костровъ,
И протяжно окликаетъ
Стражу стража близъ шатровъ.

Надъ Эгейскихъ водъ равниной
Свѣтелъ всходитъ рогъ луны;
Звѣзды спящею пучиной
И брега отражены;
Видѣнъ въ полѣ опустѣломъ
Съ колесницею Пріамъ:
Онъ за Гекторовымъ тѣломъ
Отъ шатровъ идетъ къ стѣнамъ.

И на брегѣ близъ кургана
Зрится сумрачный Ахиллъ;
Онъ одинъ, далекъ отъ стана;
Онъ главу на длань склонилъ.
Смотритъ въ даль — тамъ съ колесницей
На пути Пріама зритъ:
Отираетъ багряницей
Слезы бѣдный царь съ ланитъ.

Лиру взялъ; ударилъ въ струны;
Тихъ его печальный гласъ:
„Старецъ, палъ твой Гекторъ юный;
Свѣтъ души твоей угасъ;
И Гекуба, Андромаха
Ждутъ тебя у градскихъ вратъ
Съ ношей милаго имъ праха....
Жизнь и смерть имъ твой возвратъ.

„И съ денницею печальной
Воскурится ѳиміамъ,
Огласятся погребальной
Пѣснью каждый домъ и храмъ;
Мать, отецъ, вдова съ мольбою
Пепелъ въ урну соберутъ,
И молитвы ихъ герою
Миръ въ странѣ тѣней дадутъ.

„О Пріамъ, ты предъ Ахилломъ
Здѣсь во прахъ главу склонялъ;
Здѣсь молилъ о сынѣ миломъ,
Здѣсь, несчастный, ты лобзалъ
Руку, слезъ твоихъ причину....
Ахъ! не сѣтуй; гласъ небесъ
Намъ одну изрекъ судьбину:
И меня постигъ Зевесъ.

„Близокъ часъ мой; роковая
Приготовлена стрѣла;
Парка, жребію внимая,
Дни мои ужъ отвила;
И скрыпятъ врата Аида,
И вѣщаетъ грозный гласъ:
Все свершилось для Пелида;
Факелъ дней его угасъ.

„Вѣрный другъ мой взятъ могилой;
Брата бой меня лишилъ —
Вслѣдъ за нимъ съ земли унылой
Удалится и Ахиллъ.
Такъ судилъ мнѣ Рокъ жестокой:
Я паду въ веснѣ моей
На чужомъ брегу, далёко
Отъ Пелеевыхъ очей.

„Ахъ! и сердце запрещаетъ
Долѣ жить въ земномъ краю,
Гдѣ ужъ другъ не услаждаетъ
Душу сирую мою.
Гекторъ палъ — его паденьемъ
Тѣнь Патрокла я смирилъ;
Но себѣ за друга мщеньемъ
Путь къ Тенару проложилъ.

„Ты не жди, Менетій, сына;
Не придетъ онъ въ отчій домъ....
Здѣсь Эгейская пучина
Предъ его шумитъ холмомъ;
Спитъ онъ.... смерть сковала длани,
Позабылъ ко славѣ путь;
И призывный голосъ брани
Не вздымаетъ хладну грудь.

„И Ахиллъ не возвратится;
Въ домѣ отчемъ пустота
Скоро, скоро водворится....
О Пелей, ты сирота.
Пронесется буря брани —
Ты Ахилла будешь ждать,
И чертогъ свой въ новы ткани
Для пріема убирать;

„Будешь съ берега уныло
Ты смотрѣть — въ пустой дали
Не бѣлѣетъ ли вѣтрило,
Не плывутъ ли корабли?
Корабли придутъ отъ Трои —
А меня ни на одномъ;
Тамъ, гдѣ бились герои,
Буду спать — и вѣчнымъ сномъ.

„Тщетно, смертною борьбою
Мучимъ, будешь сына звать,
И хладѣющей рукою
Вкругъ себя его искать —
Съ милымъ свѣтомъ разлученья
Гласъ его не усладитъ,
И на брегъ воды забвенья
Зовъ отца не долетитъ.

„Край отчизны, свѣтлы воды,
Очарованны мѣста,
Миртъ, оливъ и лавровъ своды,
Пышныхъ доловъ красота,
Разцвѣтайте, убирайтесь,
Какъ и прежде, красотой;
Какъ и прежде, оглашайтесь
Кликомъ радости одной;

„Но Патрокла и Ахилла
Никогда вамъ не видать!
Воды Сперхія, сулила
Вамъ рука моя отдать
Волоса съ моей, отъ брани
Уцѣлѣвшей головы....
Всѣ Патроклу въ даръ, и дани
Ужъ моей не ждите вы.

„Кони быстрые, изъ боя
(Тайный Рокъ васъ удержалъ)
Вы не вынесли героя —
И на щитъ онъ мертвый палъ;
Кони бодрые, ретивы,
Что жъ теперь такъ мрачны вы?
По землѣ влачатся гривы;
Наклонилися главы;

„Позабыта пища вами;
Груди мощныя дрожатъ;
Слышу стонъ вашъ, и слезами
Очи гордыя блестятъ.
Знать Ахилловъ предъ собою
Зрите вы послѣдній часъ;
Знать внушенъ былъ вамъ Судьбою
Мнѣ конецъ вѣщавшій гласъ....

„Скоро!... лукъ свой напрягаетъ,
Неизбѣжный Аполлонъ,
И пришельца ожидаетъ
Къ Стиксу черному Харонъ.
И Патроклъ съ береговъ забвенья
Въ полуночной тишинѣ
Легкой тѣнью сновидѣнья
Прилеталъ уже ко мнѣ.

„Какъ Зефирово дыханье,
Онъ провѣялъ надо мной;
Мнѣ послышалось призванье,
Сладкій гласъ души родной;
Въ нѣжномъ взорѣ скорбь разлуки,
И слѣды минувшихъ слезъ....
Я простеръ ко брату руки....
Онъ во мглѣ пустой изчезъ.

„Отъ Скироса вдаль влекомый,
Поплыветъ Неоптолемъ;
Брегъ увидитъ незнакомый,
И зеленый холмъ на немъ;
Кормщикъ юношѣ укажетъ,
Полный думы, на курганъ —
„Вотъ Ахилловъ гробъ (онъ скажетъ);
„Тамъ вблизи былъ Грековъ станъ.

„Тамъ, ужасный, на оградѣ
„Намъ явился онъ въ ночи —
„Нестерпимый блескъ во взглядѣ,
„Съ шлема грозные лучи —
„И трикраты звучнымъ крикомъ
„На врага онъ грянулъ страхъ,
„И Троянецъ съ блѣднымъ ликомъ
Бросилъ щитъ и мечъ во прахъ.

„Тамъ Атриду давъ десницу,
„Съ нимъ союзъ запечатлѣлъ;
„Тамъ гремящій, въ колесницу
„Прянувъ, къ Троѣ полетѣлъ;
„Тамъ по праху за собою
„Тѣло Гекторово мчалъ,
„И на трепетную Трою
„Взглядомъ мщенія сверкалъ!“

„И сойдетъ на брегъ священный
Съ корабля Неоптолемъ,
Чтобъ на холмъ уединенный
Положить и мечъ и шлемъ;
Вкругъ ужъ пусто.... смолкли бои;
Тихи Ксантъ и Симоисъ;
И уже на грудахъ Трои
Плющъ и терніе свились.

„Обойдешь равнину брани....
Тамъ, гдѣ ратовалъ Ахиллъ,
Ужъ стадятся робки лани
Вкругъ оставленныхъ могилъ;
И услышишь надъ собою
Двухъ невидимыхъ полетъ....
Это мы... рука съ рукою....
Мы, друзья минувшихъ лѣтъ.

„Вспомяни тогда Ахилла:
Быстро въ міръ онъ протекъ;
Здѣсь судьба ему сулила
Долгій, но безславный вѣкъ;
Онъ мгновеніе со славой,
Хладну жизнь презрѣвъ, избралъ,
И на друга трупъ кровавой,
До могилы вѣрный, палъ.“ —

Онъ умолкъ.... въ туманѣ Ида;
Отуманенъ Иліонъ;
Спитъ во мракѣ станъ Атрида;
На равнинѣ битвы сонъ;
И курясь, едва сверкаетъ
Пламень гаснущихъ костровъ;
И протяжно окликаетъ
Стража стражу близъ шатровъ.

ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ.

Когда летящіе отвсюду шумны клики,
Въ одинъ сливаясь гласъ, Тебя зовутъ: Великій!
Что скажетъ лирою незнаемый пѣвецъ?
Дерзнетъ ли свой листокъ онъ въ тотъ вплести вѣнецъ,
Который для Тебя вселенная сплетаетъ?...
О Русскій Царь, прости! невольно увлекаетъ
Могущая рука меня къ мольбѣ въ тотъ храмъ,
Гдѣ благодарностью возженный ѳиміамъ
Стеклися въ даръ принесть тебѣ народы міра —
И, радости полна, сама играетъ лира.

Кто славныхъ дѣлъ Твоихъ постигнетъ красоту?
Съ благоговѣніемъ смотрю на высоту,
Которой Ты достигъ по тернамъ испытанья.
Когда, исполнены любви и упованья,
Мы шумною толпой тотъ окружали храмъ,
Гдѣ, вѣрнымъ быть Царемъ клянясь Творцу и намъ,
Ты клалъ на страшный крестъ державную десницу,

И плечи юныя склонялъ подъ багряницу —
Скажи, въ сей важный часъ гдѣ мысль Твоя была?
Скажи, когда вѣнецъ рука Твоя брала,
Что мыслилъ Ты, вблизи послышавъ клики славы,
А въ отдаленіи внимая, какъ державы
Ниспровергала, врагъ земныхъ народовъ, Брань,
Какъ троны падали подъ хищникову длань?
Уже ль при слухѣ семъ душой не возмутился?
Нѣтъ! выше бурь земныхъ Ты ею возносился,
Очами твердыми сей ужасъ проницалъ,
И въ сердцѣ Промысла судьбу свою читалъ.
Смиренно приступивъ къ сосуду примиренья,
Въ Себѣ весь свой народъ Ты въ руку Провидѣнья
Съ спокойной на Него надеждой положилъ —
И Соприсутственный Тебя благословилъ!
Когда жъ священный храмъ при громахъ растворился —
О! сколь плѣнителенъ Ты намъ тогда явился,
Съ младымъ, всѣхъ благостей исполненнымъ лицемъ,
Подъ прародительскимъ сіяющій вѣнцемъ,
Намъ обреченный вождь ко счастію и славѣ!
Казалось, къ пламенной въ рукѣ Твоей державѣ
Тогда весь Твой народъ сердцами полетѣлъ;
Казалось, въ ней обѣтъ души Твоей горѣлъ,
Съ которымъ Ты за насъ передъ алтарь явился —
О Царь, благодаримъ: обѣтъ сей совершился....

И Призванный Тобой Тебѣ не измѣнилъ.
Такъ! и на бѣдствія земныя положилъ

Онъ свѣтозарную печать благотворенья;
Нисносылаемый Имъ Ангелъ разрушенья
Взрываетъ, какъ бразды, земныя племена,
Въ нихъ жизни свѣжія бросаетъ сѣмена —
И, обновленныя, пышнѣе разцвѣтаютъ;
Какъ бури въ зной поля, бѣды ихъ возрождаютъ;
Давно ль одряхшій міръ мы зрѣли въ мертвомъ снѣ?
Тамъ, въ прорицающей паденье тишинѣ,
Стояли царствія, какъ зданья обветшалы;
Къ дремотѣ преклоня главы свои усталы,
Цари сей грозный сонъ считали за покой;
И невнимательны, съ безпечной слѣпотой,
Въ любви къ отечеству, ко славѣ, къ вѣрѣ, хладны,
Лишь къ наслажденіемъ одной минуты жадны,
Подъ наклонившихся престоловъ царскихъ тѣнь,
Какъ въ неприступную для бурь и бѣдствій сѣнь,
Народы ликовать стекалися толпами....
И первый Лилій тропъ у Галловъ надъ главами
Вспылалъ, разверзнувшись какъ гибельный волканъ.
Съ его дымящихся развалинъ, великанъ,
Питомецъ ужасовъ, безвластія и брани,
Воздвигся, положилъ на скипетръ тяжки длани,
И взорами на міръ ужасно засверкалъ —
И предъ страшилищемъ весь міръ затрепеталъ.
Сказавъ: нѣтъ Промысла! гигантскою стопою
Шагнулъ съ престола онъ, и слѣдомъ за звѣздою
Помчался по землѣ во блескѣ и громахъ;
И Промыслъ, утаясь, послалъ къ нему свой Страхъ;

Онъ тѣнью грозною вездѣ летѣлъ съ нимъ рядомъ;
И раздробляющій полки и грады взглядомъ,
Огромною рукой ту бездну покрывалъ,
Къ которой гордаго путемъ успѣха мчалъ.
Непобѣдимости мечтою ослѣпленный,
Онъ мыслилъ: „мой престолъ престоломъ будь вселенны;
Порфиры всѣхъ Царей земныхъ я раздеру;
И всѣ ихъ скипетры въ одной рукѣ сберу;
Народовъ бѣдствія ступени мнѣ ко счастью;
Все, все въ развалины! на нихъ возсяду съ властью,
И буду царствовать, и мнѣ соцарствуй страхъ;
Изчезни все опять, когда я буду прахъ,
Что изъ развалинъ брань и власть соорудила —
Безсмертною моя останется могила."
И къ человѣчеству презрѣньемъ ополченъ,
На первый свой народъ онъ двинулъ рабства плѣнъ,
Чтобы смѣлѣй сковать чужимъ народамъ длани —
И стала Галлія сокровищницей брани;
Тамъ все, и самъ Христовъ алтарь, взывало: брань!
Все, раболѣпствуя мечтамъ тирана, дань
Къ его ужасному престолу приносило:
Оратай, на бразды склоняя взоръ унылой,
Грабителямъ свой плугъ послѣдній отдавалъ;
Убогій рубище имъ въ жертву раздиралъ;
И мздой свою постель страданье выкупало.
И безпощадною косою подсѣкало
Самовластительство прекрасный цвѣтъ людей:
Чудовище, склонясь на колыбель дѣтей,

Считало годы ихъ кровавыми перстами;
Сыны въ дому отцевъ минутными гостями
Являлись, чтобы тамъ оставить скорби слѣдъ —
И юность ихъ была, какъ на могилѣ цвѣтъ.
Все поколѣніе, для жатвы бранной зрѣя,
И созидать себѣ грядущаго не смѣя,
Невольно подвиговъ плѣнилося мечтой,
И бросилось на брань съ отважной слѣпотой....
И вслѣдъ ему всякъ часъ за ратью рать летѣла;
Стенящая земля въ пожарахъ пламенѣла,
И, хитростью подрытъ, измѣной потрясёнъ,
Добитый громами, за тропомъ падалъ тронъ.
По нимъ свободы врагъ отважною стопою
За всемогуществомъ шагалъ отъ боя къ бою;
Отъ Рейнскихъ твердынь до Нѣмана валовъ,
Отъ Сциллы древнія до Бельта береговъ
Одна ужасная простерлася могила;
Все смолкло.... мрачная, съ кровавымъ взоромъ, Сила
На грудѣ падшихъ царствъ возсѣла, стражъ Царей;
Предъ симъ страшилищемъ и доблесть прежнихъ дней,
И къ просвѣщенью жаръ, и помышленья славы,
И непорочные семей смиренныхъ нравы,
Погибло все — окрестъ одинъ лишь стукъ оковъ
Смущалъ угрюмое молчаніе гробовъ,
Да ратей изрѣдка шумѣли переходы,
Спѣшащихъ истребить еще пріютъ свободы;
Унылость на сердца народовъ налегла —
Лишь вѣра въ тишинѣ звѣзды своей ждала,

Съ святымъ терпѣніемъ тяжелый крестъ лобзала,
И взоры на востокъ съ надеждой обращала....
И грозно возблисталъ спасенья страшный годъ!
За сей могилою народовъ, цвѣлъ народъ —
О Царь нашъ, Твой народъ — могущій и смиренный,
Не крѣпостью твердынь громовыхъ огражденный,
Но вѣрностью къ Царю и въ славѣ тишиной.
Какъ юноша-атлетъ, всегда готовый въ бой,
Смотрѣлъ на брани онъ съ безпечностію силы....
Такъ, юныя поджавъ, но опытныя крилы,
На поднебесную глядитъ съ гнѣзда орелъ....
И злобой на него губитель закипѣлъ.
Въ несмѣтну рать столпя рабовъ ожесточенныхъ,
И на поляхъ, стопой врага неосквернённыхъ,
Ужъ въ мысляхъ сгромоздивъ престолъ всемірный свой,
Онъ кинулся на Русь свирѣпою войной....
О Провидѣніе! Твоя Россія встала,
Твой Ангелъ полетѣлъ, и брань твоя вспылала!
Кто, кто изобразитъ безсмертный оный часъ,
Когда, въ молчаніи народномъ, царскій гласъ
Послышался, какъ вѣсть надежды и спасенья?
О гласъ Царя! о честь народа! пламень мщенья
Ударилъ молніей по вздрогнувшимъ сердцамъ;
Все бранью вспыхнуло, все кинулось къ мечамъ,
И грозно въ бой пошла съ Насиліемъ Свобода!
Тогда явилось все величіе народа,
Спасающаго тронъ и святость алтарей,
И тихій гробъ отцевъ, и колыбель дѣтей,

И старцевъ сѣдины, и младость дѣвъ цвѣтущихъ,
И славу прежнихъ лѣтъ, и славу лѣтъ грядущихъ.
Все въ пепелъ передъ нимъ! разлей пожары, месть!
Стѣною рать! что шагъ, то бой! что бой, то честь!
Предъ нимъ развалины и пепельны пустыни;
Кругомъ пустынь полки, и грозныя твердыни,
Вездѣ ревущія погибельной грозой —
И Старецъ-вождь средь нихъ съ невидимой Судьбой!...
Холмы Бородина, дымитесь жертвой славы!...
Уже растерзанный, едва стопы кровавы
Таща по гибельнымъ отмстителей слѣдамъ,
Грядетъ, грядетъ слѣпецъ, Москва, къ Твоимъ стѣнамъ!
О радость!... онъ вступилъ!... зажгись, костеръ свободы!
Пылаетъ!... цѣпи въ прахъ! воскресните, народы!
Вашъ стыдъ и плѣнъ Москва, обрушась, погребла,
И въ пеплѣ мщенія свобода ожила.
И при сверканіи Кремлевскаго пожара,
Съ развалинъ вставшая, призракъ ужасный, Кара
Пошла по трепетнымъ губителя полкамъ,
И, ужасъ пригвоздивъ къ надменнымъ знаменамъ,
Надъ ними жалобно завыла: горе! горе!
И Гладъ, при кликѣ семъ, съ отчаяньемъ во взорѣ,
Свирѣпый, бросился на ратныхъ и вождей....
Тогда помчались вспять; и грудами костей,
И брошенными въ прахъ потухшими громами
Означили свой слѣдъ предъ Русскими полками;
И Нѣманъ льдистый мостъ для бѣгства ихъ сковалъ....
Сколь намъ величественъ Ты, Царь, тогда предсталъ,

Сжимающій вождю, въ виду полковъ, десницу,
И старца на Свою ведущій колесницу,
Чтобъ вкупѣ съ нимъ летѣть съ отмщеньемъ вслѣдъ врагамъ.
О незабвенный часъ! За Нѣманъ знаменамъ
Ужъ отверзаешь путь властительной рукою....
Когда же двинулись дружины предъ Тобою,
Когда раздался стукъ помчавшихся громадъ,
И грозно брегъ покрылъ коней и ратныхъ рядъ,
Пріосѣняемыхъ парящими орлами....
Сіе величіе окинувши очами,
Что ощутилъ, нашъ Царь, тогда въ душѣ Своей?
Передъ Тобою міръ подъ бременемъ цѣпей
Лежалъ, растерзанный, еще взывать не смѣя;
И Человѣчество, изъ подъ стопы злодѣя
Къ Тебѣ подъемля взоръ, молило имъ: гряди!
И судія Царей, потомство впереди
Вѣщало, сквозь вѣка явивъ свой ликъ священный:
„Дерзай! и нареку Тебя: Благословенный.“
И въ грозный между тѣмъ полки сліянны строй,
На все готовые, съ покорной тишиной,
На Твой смотрѣли взоръ и ждали мановенья.
А Ты?... Ты отъ Небесъ молилъ благословенья....
И Ангелъ ихъ, гремя, на щитъ Твой низлетѣлъ,
И гибелью врагамъ Твой щитъ запламенѣлъ,
И руку Ты простеръ.... и двинулися рати.
Какъ къ возвѣстителю небесной благодати,
Во срѣтенье Тебѣ народы потекли,

И вайями Твой путь смиренный облекли.
Привѣтственной толпой подвиглись веси, грады;
Къ Тебѣ желанія, къ Тебѣ сердца и взгляды;
Тебѣ несетъ дары отъ нивы селянинъ;
Зря бодраго Тебя впереди Твоихъ дружинъ,
Къ мечу отъ костыля безногій воинъ рвется;
Младая старику во грудь надежда льется:
„Свободенъ, мнитъ, сойду въ свободный гробъ отцовъ.“
И смотритъ, не страшась, на зрѣющихъ сыновъ.
И Ты средь плесковъ сихъ — не гордый побѣдитель
Но воли Промысла смиренный совершитель —
Шелъ тихій, благостью великость украшалъ,
Блескъ утѣшительный окрестъ Тебѣ сіялъ,
И ликъ Твой ясенъ былъ, какъ ясный ликъ надежды.
И вождь нашъ смертію окованныя вѣжды
Подъялъ съ усиліемъ, чтобы на славный путь,
Въ который Ты вступалъ, уже не съ нимъ, взглянуть,
И угасая дать Царю благословенье.
Сколь сладостно его съ землею разлученье!
Когда, въ послѣдній часъ, онъ рать Тебѣ вручалъ,
И ослабѣвшею рукою прижималъ
Къ нѣмѣющей груди Царя и друга руку —
О! въ сей великій часъ забылъ онъ смерти муку;
Предъ нимъ былъ тайный свѣтъ грядущаго открытъ;
Онъ весело приникъ сѣдинами на щитъ,
И смерть его крыломъ надежды осѣнила.
И чуждый вождь — увы! судьба его щадила,
Чтобъ первой жертвой онъ на битвѣ правды палъ —

Нашъ Царь, узнавъ Тебя, на смерть онъ не ропталъ;
Ты руку падшему, какъ братъ, простеръ средь боя,
И сердцу вѣрному вѣнчаннаго героя —
Смягчившаго слезой его съ концемъ борьбу —
Онъ смѣло завѣщалъ отечества судьбу....
И лишь горѣ взлетѣлъ орелъ нашъ двоеглавый,
Лишь крикнулъ голосомъ давно молчавшей славы —
Какъ всколебался Тевтоновъ племена!
Къ нимъ Германъ съ норда несъ свободы знамена —
И все помчалось въ строй подъ знамена свободы,
Въ одну сліялись грудь воскресшіе народы,
И всѣхъ Царей рука, нашъ Царь, въ рукѣ Твоей
На жизнь, на смерть, на брань, на честь грядущихъ дней.
О славный Кульмскій бой! о доблесть Славянина!
Вотще на нихъ рвались всѣ рати исполина,
Вотще за громомъ громъ на строй ихъ налеталъ —
Все опрокинуто, и Русскій устоялъ.
И строемъ роковымъ отмстителей дружины
Ужъ приближаются къ святилищу Судьбины;
Ужъ видятъ тотъ рубежъ, ту цѣль, къ которой вёлъ
Ихъ Неиспытанный по темной безднѣ золъ,
Въ пылающей грозѣ носясь надъ ихъ главою
И тяжкой опыта ихъ бременя рукою;
Се мѣсто, гдѣ Себя во правдѣ Онъ явитъ;
Се то судилище, гдѣ мигъ одинъ рѣшитъ:
Не быть, иль быть Царямъ; возстать, иль пасть вселенной.
И все въ собраніи.... о часъ, вѣкамъ священной!...

Народы всѣхъ племенъ, и всѣхъ племенъ Цари,
Подъ сѣнію знаменъ святые алтари,
Несмѣтный рядъ полковъ, вожди передъ полками,
И громы впереди съ подъятыми крылами,
И на холмѣ, въ бронѣ, на грозный щитъ склонёнъ,
Союза мстителей младый Агамемнонъ,
И тѣни всѣхъ вѣковъ внимательной толпою
Надъ свѣтозарною вождя Царей главою....
И въ ожиданіи священномъ все молчитъ....
И тихо мгла еще на небѣ томъ лежитъ,
Отколь съ грядущимъ днемъ изыдетъ Вседержитель....
И загорѣлся день.... Богъ грянулъ.... палъ губитель!
Бѣгутъ — во прахъ и громъ, и шлемъ, и мечъ, и щитъ
Впереди, въ тылу, съ боковъ и рядомъ Страхъ бѣжитъ
И жадною рукой Погибель ихъ хватаетъ;
И небо тихое торжественно сіяетъ
Надъ преклоненною отмстителей главой;
Побѣдная хвала летитъ изъ строя въ строй,
И Рейнъ восплескалъ, послышавъ ликованья....
О старецъ водъ! о ты, съ минуты міросданья
Не зрѣвшій на брегу еще лица Славянъ —
Ликуй, и отражай въ волнахъ Славянскій станъ!
И погрузился крестъ при громахъ въ древни воды;
И Рейнъ, обновленъ, потекъ въ брегахъ свободы,
И заигралъ на нихъ веселья звонкій рогъ;
И быстро ворвались полки въ тотъ страшный логъ,
Гдѣ, кроясь, хищникъ царствъ ковалъ имъ цѣпи плѣна.
Вотще, вотще воздвигъ онъ черныя знамена —

Лишь вѣсть погибели онъ съ ними водрузилъ;
Громъ Русскій берега Секваны огласилъ —
И надъ Парижемъ сталъ орелъ Москвы и мщенья!..
Тогда, внезапнаго исполненъ изумленья,
Узрѣлъ величіе невиданное свѣтъ:
О Русская земля! спасителемъ грядетъ
Твой Царь къ низринувшимъ Царей твоихъ столицу;
Онъ распростеръ на нихъ пощады багряницу;
И мирно, славу скрывъ, безъ блеска, безъ громовъ,
По стогнамъ радостнымъ ряды его полковъ
Идутъ — и тишина во слѣдъ имъ прилетаетъ....
Хвала! хвала, нашъ Царь! стыдливо отклоняетъ
Рука Твоя побѣдъ торжественный вѣнецъ;
Ты предстоишь благій семьи враговъ отецъ,
И первый ихъ съ землей и съ небомъ примиритель.
О незабвенный день! смотрите — побѣдитель,
Съ обезоруженнымъ отъ ужаса челомъ,
Колѣнопреклоненъ, на страшномъ мѣстѣ томъ,
Гдѣ Царскій мученикъ подъ остріемъ сѣкиры,
Въ виду разорванной отцевъ своихъ порфиры,
Молилъ Всевышняго за бѣдный свой народъ:
Гдѣ на дымящійся убійствомъ эшафотъ
Злодѣйство блѣдную Свободу возводило,
И Бога поразить своей хулою мнило —
На страшномъ мѣстѣ томъ смиренный вождь Царей
Предъ миротворною святыней алтарей
Велитъ своимъ полкамъ склонить знамена мщенья,
И жертву небесамъ приноситъ очищенья.

Простерлись всѣ во прахъ; всѣ вкупѣ слезы льютъ;
И се!.... подъемлется спасенія сосудъ....
И звучно грянуло: воскреснулъ Искупитель!
И побѣжденному лобзанье побѣдитель,
Какъ братъ по Божеству, въ виду небесъ даётъ....
Свершилось!... освященъ испытанный народъ,
И гордо по зыбямъ потекъ отъ Альбіона
Спасительный корабль, несущій кровь Бурбона;
Питомецъ бѣдствія на тронъ отцевъ грядетъ,
И старцу братскую десницу подаетъ
Побѣдоносный другъ въ залогъ любви и мира,
И Людовикова наброшена порфира
На преступленія минувшихъ страшныхъ лѣтъ!...
Свершилось.... Русскій Царь! отечество и свѣтъ
Уже рекли свой судъ дѣламъ неизреченнымъ,
И свой дадутъ отвѣтъ потомки современнымъ!...
Богатый чувствомъ благъ, содѣянныхъ Тобой,
И съ неприступною для почестей душой,
Сіяніе сокрывъ, Ты въ путь летишь желанной —
Отчизна сына ждетъ! объ ней средь бури бранной,
Объ ней среди торжествъ и плесковъ Ты скорбѣлъ —
И Ты невидимый чрезъ земли полетѣлъ,
Гдѣ во спасеніе Твои промчались громы.
Ужъ всюду запѣвалъ свободы гласъ знакомый:
На оживающихъ подъ плугами поляхъ,
На виноградникомъ украшенныхъ холмахъ,
На градскихъ торжищахъ, кипящихъ отъ народа,
На самомъ прахѣ селъ.... вездѣ, вездѣ свобода,

Вездѣ обиліе, надежда и покой....
И все сіе, нашъ Царь, дано землѣ Тобой.
Но что жъ Ты ощутилъ, когда твой взоръ веселый
Завидѣлъ вдалекѣ отечески предѣлы,
И вѣтеръ, вѣющій изъ-подъ родныхъ небесъ,
Ко слуху Твоему гласъ родины принесъ?
Что ощутилъ, когда святаго Петрограда
Вдали передъ Тобой возникнула громада;
Когда предъ Матерью колѣно преклонилъ;
Когда, свершившій все, ко храму приступилъ,
Гдѣ освященный мечъ пріялъ на совершенье,
Гдѣ истребителя начавшій истребленье,
Предтеча въ славѣ Твой, герой спасенья спитъ?...
Россія, Онъ грядетъ; уже алтарь горитъ;
Уже Его принять отверзлись двери храма
Ужъ благодарное куренье ѳміама
Съ сердцами за Него взлетѣло къ небесамъ!
И се!... приникнувшій къ престола ступенямъ
Во прахъ предъ Божествомъ свою бросаетъ славу!...
О Вѣчный! осѣни смиреннаго державу;
Его душа чиста: въ ней благость лишь одна,
Лишь пламенемъ къ добру она воспалена....

Отважною вступить дерзаю, Царь, мечтою
Въ чертогъ священный Твой, гдѣ Ты одинъ съ Собою,
Одинъ, въ тотъ мирный часъ, когда лежитъ покой
Надъ скромныхъ жребіемъ безпечною главой,
Когда лишь бодрствуютъ Цари и Провидѣнье.

О Царь! въ сей важный часъ — когда Нева въ теченьѣ
Объемлетъ предъ Тобой тотъ усыпленный храмъ,
Гдѣ свой безсмертный слѣдъ, свой прахъ оставилъ намъ
Твой праотецъ, нашъ ПЕТРЪ, Царей земныхъ учитель—
Я зрю Тебя, племенъ несмѣтныхъ Повелитель,
Сей окруженнаго всемірной тишиной,
Надъ полвселенною парящаго душой,
Гдѣ все Твое, гдѣ Ты надъ всѣхъ судьбою властенъ,
ГдѣТы одинъ всѣхъ благъ, одинъ всѣхъ бѣдъ причастенъ,
Уполномоченный отъ неба судія —
О сколь божественна въ сей часъ душа Твоя!
Сей полный взоръ любви, сей взоръ воспламененной —
За насъ онъ возведенъ къ Правителю вселенной;
За насъ Ты предстоишь, какъ жертва, передъ Нимъ,
Отечество, внимай: „Творецъ, всѣ блага имъ!
Не за величіе, не за вѣнецъ ужасный —
За власть благотворить, удѣлъ Царей прекрасный,
Склоняю, Царь земли, колѣна предъ Тобой,
Безстрашный подъ Твоей незримою рукой
Твоихъ намѣреній надъ ними совершитель!...
Покойся, мой народъ, не дремлетъ твой хранитель;
Такъ, *мой* народъ! Творецъ, онъ весь въ душѣ моей;
На удивленіе народовъ и Царей,
Его могуществомъ и счастіемъ прославлю,
И тронъ свой алтаремъ любви ему поставлю;
Какъ небо, надъ моей простертое главой,
Гдѣ звѣздъ безчисленныхъ ненарушимый строй,
Такъ стройно будь мое владычество земное.

Правленье Божества зерцало мнѣ святое:
Все здѣсь для блага будь, какъ все для блага тамъ!
А Ты, дарующій и тронъ и власть Царямъ,
Ты, на совѣтѣ ихъ сѣдящій благодатью,
Ознаменуй Твоей дѣла мои печатью:
Да имя чистое въ наслѣдіе вѣкамъ,
Съ примѣромъ благости и славы передамъ,
Отецъ моей семьи и другъ Твоей вселенны!“...
Воньми жъ и Ты своей семьѣ, Благословенный!
Оставь на время Твой великолѣпный тронъ —
Хвалой невѣрною тронъ Царскій окружёнъ —
Сокрой Свой Царскій блескъ, втѣснись безъ украшенья,
Одинъ, въ толпу, и тамъ внимай благословенья.
Въ чертогѣ, въ хижинѣ, вездѣ одинъ языкъ;
На праздникахъ семей, украшенный Твой ликъ —
Ликующихъ родныхъ родный благотворитель —
Стоитъ на пиршескомъ столѣ веселья зритель,
И чаша первая, и первый гимнъ Тебѣ;
Цвѣтущій юноша благодаритъ судьбѣ,
Что въ Твой прекрасный вѣкъ онъ къ жизни приступаетъ
И славой для него грядущее пылаетъ;
Старикъ свой взоръ на гробъ боится устремить,
И смерть поспѣшную онъ молитъ погодить,
Чтобъ жизни лучшій цвѣтъ разцвѣлъ передъ могилой;
И воинъ, въ тишинѣ, своею гордый силой,
Пенатамъ посвятивъ изрубленной свой щитъ,
Друзьямъ о битвахъ тѣхъ съ весельемъ говоритъ,
Въ которыхъ зрѣлъ Тебя, всегда въ кипящей сѣчѣ,

Всегда подъ свистомъ стрѣлъ, вездѣ побѣдъ предтечей;
На лиру съ гордостью подъемлетъ взоръ пѣвецъ...
О дивный вѣкъ, когда пѣвецъ Царя — не льстецъ,
Когда хвала — восторгъ, гласъ лиры — гласъ народа,
Когда все сладкое для сердца: честь, свобода,
Великость, слава, миръ, отечество, алтарь,
Все, все слилось въ одно святое слово: Царь.
И кто не закипитъ восторгомъ пѣснопѣнья,
Когда и Нищета подъ кровлею забвенья
Послѣдній бѣдный лептъ за ликъ Твой отдаетъ,
И онъ, какъ друга тѣнь, отрадный свѣтъ лѣтъ
Нѣмымъ присутствіемъ въ обителяхъ страданья!
Пусть облечетъ во власть святой обрядъ вѣнчанья;
Пусть вѣрности обѣтъ, отечество и честь
Велятъ намъ за Царя на жертву жизнь принесть —
Отъ подданныхъ Царю колѣнопреклоненье;
Но дань свободная, дань сердца — уваженье,
Не власти, не вѣнцу, но человѣку дань.
О Царь, не скипетромъ блистающая длань,
Не прахомъ праотцевъ дарованная сила
Тебѣ любовь Твоихъ народовъ покорила,
Но трона красота — великая душа.
Безсмертныя дѣла смиренно соверша,
Воззри на Твой народъ, простертый предъ Тобою;
Благослови его державною рукою;
Тобою предводимъ, со славой перешедъ
Указанный Творцемъ путь опыта и бѣдъ,
Преобразованный, исполненъ жизни новой,

По манію Царя, на все, на все готовой —
Довѣренность, любовь и благодарность онъ
Съ надеждой передъ Твой приноситъ Царскій тронъ.
Предстатель за Царей народъ у Провидѣнья.
О! наши къ небесамъ дойдутъ благословенья:
Повѣрь народу, Царь, имъ будешь счастливъ Ты.
Поставившій Тебя въ семъ блескѣ красоты
Передъ ужасною погибели пучиной,
Побѣдоноснаго надъ грозною судьбиной —
Уже ль на краткій мигъ Онъ намъ Тебя явилъ?
О, нѣтъ! Онъ нашихъ золъ печатью утвердилъ
Завѣтъ: хранить въ Тебѣ всѣ блага, намъ священны —
И не обманетъ насъ отъ вѣка Неизмѣнный.
Прими жъ, въ виду небесъ, свободный нашъ обѣтъ:
За благость Царскую, краснѣйшую побѣдъ,
За то величіе, въ какомъ явилъ Ты міру
Столь древле славную отцевъ Твоихъ порфиру,
За вѣру въ страшный часъ къ народу Твоему,
За имя, данное на всѣ вѣка ему —
Здѣсь, окружая Твой престолъ, Благословенной,
Подъемлемъ руку всѣ къ рукѣ Твоей священной;
Какъ предъ ужасною святыней алтаря,
Обѣтъ нашъ передъ ней: все въ жертву за Царя.

ПѢВЕЦЪ ВЪ КРЕМЛѢ.

Пѣвецъ.

Бѣгите въ Кремль! На холмѣ томъ,
Гдѣ пѣли наши дѣды
Побѣдну пѣснь предъ Божествомъ,
Мы грянемъ пѣснь побѣды.
Зоветъ Кремля священный гласъ,
Какъ древле вѣстникъ славы;
Съ его высотъ глядитъ на насъ
Орелъ нашъ двоеглавый;
Бѣгите въ Кремль и старъ и младъ!
При гимнахъ ликованья,
Обымемся, какъ брата братъ
Объемлетъ въ часъ свиданья.

НАРОДЪ.

Бѣгите въ Кремль и старъ и младъ!
При гимнахъ ликованья,
Обымемся, какъ брата братъ
Объемлетъ въ часъ свиданья.

ПѢВЕЦЪ.

О Кремль отеческій, твой прагъ
Лобзаемъ въ умиленьѣ.
Смотрите: на его стѣнахъ
Отчаянное мщенье
Слѣдъ черный впечатлѣло свой.
Казня въ безумствѣ камень,
Губитель трепетной рукой
На нихъ свой бросилъ пламень.
„Не будь Кремля!“ изрекъ злодѣй;
Но Кремль стоитъ священный;
Вспылалъ лишь древній домъ Царей,
Убійцей осквернённый.

Но ты, Царя вѣнчавшій храмъ,
Рукой небесъ хранимый,
Свѣтлѣй вознесъ ты къ Небесамъ
Свой крестъ непобѣдимый.
И ты, Царей минувшихъ прахъ,
Твой сонъ не возмутился,

Когда въ пожарѣ и громахъ
Духъ злобы разразился
Надъ тихой сѣнію твоей....
О нашъ Сіонъ священный,
О Кремль, свидѣтель славныхъ дней,
Красуйся, обновленный!

Народъ.

О нашъ Сіонъ священный,
О Кремль, свидѣтель славныхъ дней,
Красуйся, обновленный!

Пѣвецъ.

Съ хвалою первой къ Богу силъ,
Друзья, подымемъ длани;
Онъ здѣсь, въ Кремлѣ Себя явилъ
Ужаснымъ Богомъ брани;
Онъ, въ заревахъ по небесамъ
Надъ рдѣющей Москвою
Промчавшись, сталъ въ лице врагамъ
Карающей бѣдою.
Онъ въ дымъ Москвы себя облекъ,
И знаменіемъ мести,
Какъ предъ Израилемъ, потекъ
Передъ полками чести.

И славою Ему во слѣдъ
Шумѣли ихъ знамена;

При звучномъ кликѣ ихъ побѣдъ
Распались цѣпи плѣна;
На брань пошли рука съ рукой
Владыки и народы;
И грянулъ страшный Божій бой,
И гимнъ его свободы....
Греми жъ торжественно въ Кремлѣ
Днесь: Богу въ вышнихъ слава!
Живущимъ радость! миръ землѣ!
И Вѣчному держава!

НАРОДЪ.

Греми торжественно въ Кремлѣ
Днесь: Богу въ вышнихъ слава!
Живущимъ радость! миръ землѣ!
И Вѣчному держава!

ПѢВЕЦЪ.

Тебѣ Россію, Царь земли!
Народъ твой уповаетъ:
Прими ее и повели,
Да славой процвѣтаетъ.
Да сила, иноземнымъ страхъ,
Брежетъ ея предѣлы;
Да на святыхъ ея поляхъ
Сіяетъ миръ веселый;
Да правовъ древнихъ чистотой
Союзъ семей хранится;

Да въ нихъ съ невинной простотой
Свѣтъ знаній водворится.

О! повели, чтобъ нашъ Орелъ,
Вселенной стражъ могучій,
Спокоенъ на громахъ сидѣлъ;
А въ брани вражьи тучи,
Какъ нынѣ, грудью пробивалъ,
И подъ небесны своды
Всегда при кликахъ возлеталъ
Спасенья и свободы.
Вели, да возшумятъ моря
Подъ Русскими рулями,
И слава Русскаго Царя
Возцарствуй надъ водами.

Вели, да помнитъ Славянинъ,
Что онъ наслѣдникъ славы,
Что онъ великихъ предковъ сынъ,
Которыхъ мечъ кровавый
И древле былъ противнымъ страхъ...
Друзья! отцы предъ нами;
На тѣхъ же мы цвѣтемъ поляхъ,
Подъ тѣми жъ небесами,
Гдѣ чада славы разцвѣли;
Предъ нами та жъ дорога,
По коей дѣды протекли
За Русь, Царя и Бога.

О Русь, да нашъ языкъ прильпнетъ
Изсохнувшій къ гортани,
Да крѣпость древняя спадетъ
Съ увядшей нашей длани,
Когда престанешь ты для насъ —
И въ часъ борьбы кровавой,
И въ нощь, и въ день, и въ смертный часъ —
Быть радостью и славой!...
А Ты, Всевышній, нашъ обѣтъ
Прими въ Твою десную,
И горней благодати свѣтъ
Пролей на Русь святую.

НАРОДЪ.

Прими, Всевышній, нашъ обѣтъ,
Прими въ твою десную,
И горней благодати свѣтъ
Пролей на Русь святую.

ПѢВЕЦЪ.

Храни Царя, Царю пошли
Твое благословенье.
Ему всѣ радости земли!
Тебѣ жъ благодаренье
За царственную высоту
Его души благія;
За чистой славы красоту,
Въ какой имъ днесь Россія;

За первенство среди Царей,
Отъятое не бранью,
Но искупленіемъ людей
И миротворной дланью;

За твердое презрѣнье бѣдъ;
За благость въ правой мести;
За кротость на верху побѣдъ
И вѣрность Царской чести;
За блескъ, въ какомъ умѣлъ явить
Онъ доблесть Славянина;
За сладкій жребій нашъ: любить,
Какъ друга, Властелина —
О всемогущій Царь земли,
Тебѣ благодаренье!
Храни Его, Ему пошли
Твое благословенье!

Храни Его! то общій кликъ
Съ Кремлевскія вершины....
И угасающій старикъ,
Въ виду своей кончины
Молящій ясныхъ дней сынамъ,
И брани сынъ ретивый,
Привыкшій, къ трепету врагамъ,
Знамена горделивы,
Царемъ ведомый, воздвизать;
И юноша цвѣтущій,

Минуты славой заблистать
Въ волненьи сердца ждущій;

И безмятежный селянинъ,
Воспитанникъ природы,
И смѣлый просвѣщенья сынъ,
Алкающій свободы
Воспламенитъ во благо свой
Свѣтильникъ вдохновенный —
Всѣ, всѣ съ молитвою одной
Къ Тебѣ, Царю вселенны:
Твою щедроту посели
Надъ Царскою главою,
Чтобъ долго былъ красой земли,
И трона красотою.

НАРОДЪ.

Твою щедроту посели
Надъ Царскою главою,
Чтобъ долго былъ красой земли,
И трона красотою.

ПѢВЕЦЪ.

Тебѣ спасительную рать!
Тебѣ вождей спасенья!
На нихъ да снидетъ благодать;
На нихъ благословенья

Съ Кремлевскихъ благодарныхъ стѣнъ.
Ихъ груди, какъ твердыни,
Отъ насъ отбили срамъ и плѣнъ,
И бѣшенство гордыни.
Москва, они твоимъ стѣнамъ
Рекли: „одѣньтесь въ пламень;
„Взлетите гибелью врагамъ;
„Будь ратникъ — каждый камень.“

И мщенье — грозный ихъ обѣтъ;
Ему не измѣнили:
Твоей дружиной, Царь побѣдъ,
Они себя явили.
Безтрепетны сквозь зной и хладъ,
Сквозь пепельны пустыни,
Пронзая силой сильныхъ рядъ,
Перунами твердыни,
На мышцу мышцу, грудь на грудь,
И брань самой природѣ,
Кровавый протоптали путь
И чести и свободѣ.

Вездѣ, во славу Бога силъ,
Воздвиглись ихъ знамена;
Орелъ свободныхъ — раздробилъ
Орла рабовъ, и Сена,
Послышавъ громъ ихъ, чрезъ поля
Помчала обновленье —

И за развалины Кремля
Парижу мзда: спасенье.
И се на родину стеклись;
Въ ножнахъ ужъ мечъ кровавый....
О Кремль священный, оживись!
Яви имъ пепелъ славы!

Стекитесь, чада и отцы,
Младыя дѣвы, жены,
На ихъ главы надѣть вѣнцы,
Ихъ увѣнчать знамены,
Съ раменъ могучихъ снять щиты,
Принять изъ рукъ ихъ громы,
Узрѣть возлюбленны черты,
Услышать гласъ знакомый.
Се на Кремлевской высотѣ,
Еще подъ прахомъ брани,
Стоятъ въ смиренной красотѣ,
И къ вамъ простерли длани....

Благословляемъ вашъ возвратъ
Въ отчизну съ поля чести!
Святое титло вѣрныхъ чадъ
Цѣной кровавой мести,
Цѣною ранъ купили вы....
Здѣсь, на скалѣ пожарной,
На ваши бодрыя главы
Рукою благодарной

Отчизна славная кладетъ
Печать любви и славы,
И слезы изцѣленья льетъ
На раны ихъ кровавы....

На нихъ, на нихъ Твой крѣпкій щитъ
Склони, о Вседержитель,
Да и предъ мирными дрожитъ,
Какъ въ бранный день, губитель.

НАРОДЪ.

На нихъ, на нихъ Твой крѣпкій щитъ
Склони, о Вседержитель,
Да и предъ мирными дрожитъ,
Какъ въ бранный день, губитель.

ПѢВЕЦЪ.

Простри, Всевышній, длань Твою
На бранныхъ сномъ почившихъ,
За Русь главы свои въ бою,
За правду положившихъ;
Введи ихъ въ ту безсмертну сѣнь,
Гдѣ миръ Твой обитаетъ,
Да Твой незаходимый день
Имъ радостью сіяетъ;
Да тамъ для нихъ о жизни сей
Живетъ воспоминанье;

Да будутъ родины своей
И щитъ и упованье.

Друзья, съ молитвою о немъ,
О старцѣ, о великомъ!...
О нашъ герой, когда съ мечемъ,
Съ покойнымъ свѣтлымъ ликомъ,
Во храмѣ, объ руку Царя,
Младый подъ сѣдинами,
Передъ святыней алтаря,
Внимаемъ небесами,
Обътъ спасенья ты изрекъ,
Мы мнили, ослѣпленны —
Забывъ, что вождь нашъ человѣкъ —
Что дни твои нетлѣнны....

И гдѣ же ты, о вождь побѣдъ?
Мы гимнъ поемъ спасенья:
Почто жъ спасителя здѣсь нѣтъ?
На праздникъ Провидѣнья
Мы нынѣ въ Кремль свой притекли....
А нашъ герой не съ нами?
Здѣсь громы вражески въ пыли
Безмолвными рядами;
Здѣсь ихъ разбитые щиты,
Ихъ знамена кровавы;
Здѣсь наша слава.... гдѣ же ты,
Создатель нашей славы?...

Друзья, сей день да освятитъ
О немъ воспоминанье;
Да къ тѣни бранной долетитъ
Отечества призванье;
На верхнихъ славы ступеняхъ
Ему рука судьбины,
При блескѣ молній, при громахъ,
Постлала одръ кончины;
На немъ простертъ, онъ угасалъ,
Какъ вечеръ свѣтозарной,
И, угасающій, внималъ
Отчизнѣ благодарной....

Почій же въ славѣ, нашъ герой!
Да при твоей гробницѣ
Архистратигъ, соратникъ твой,
Съ мечемъ небесъ въ десницѣ,
Стражъ пепла твоего, сѣдитъ;
Предъ ней, неугасимый,
Да пламенникъ любви горитъ,
Отчизною хранимый.
И будь сей огнь священный знакъ,
Что свыше Провидѣнье
На Русь, сквозь самый бѣдствій мракъ,
Сіяетъ во спасенье.

И вы, которыхъ бурный бой
Похитилъ средъ полета,

Вы, быстро за рубежъ земной
Утекшіе изъ свѣта,
Друзья, благословенье вамъ!
Вы пали за отчизну;
И здѣсь, прискорбная, сынамъ
Она свершаетъ тризну;
И Кремль ея преобращенъ
Въ алтарь благодаренья;
На немъ былъ первый воспаленъ
Свѣтильникъ Провидѣнья.

Вы, въ память чадамъ позднихъ лѣтъ,
Своимъ геройскимъ прахомъ
Спасенный одарили свѣтъ;
И врагъ свободы съ страхомъ
Отъ зеленѣющихъ холмовъ,
Гдѣ пепелъ вашъ хранится,
Какъ отъ карающихъ боговъ
Смятенный, отстранится;
Они народамъ будутъ вѣсть,
Сколь шатки зданья силы —
Вы проповѣдовать имъ: *честь!*
Оставили могилы.

Здѣсь все въ воспоминанье вамъ;
Сей пиръ Кремля священный;
Сей гимнами гремящій храмъ;
Сей градъ, за честь сожженный;

И сей народъ, толпа семей,
Ликующихъ въ покоѣ —
Все вы! все намъ отъ вашихъ дней
Наслѣдіе святое!...
Простри жъ, Всевышній, длань Твою
На браннымъ сномъ почившихъ,
За Русь главы свои въ бою,
За правду положившихъ.

Народъ.

Простри, Всевышній, длань Твою
На браннымъ сномъ почившихъ,
За Русь главы свои въ бою,
За правду положившихъ.

Пѣвецъ.

Тебѣ Россіи вѣчныхъ чадъ,
Подпоръ могущихъ тропу!...
О! какъ ихъ двинулъ царскій взглядъ
Отчизнѣ въ оборону!
Летятъ! огню домы, поля!
Перунамъ грудь и длани!
И грозно Русская земля
Встаетъ гигантомъ брани!
Гремитъ ея призывный щитъ....
И, гнѣвомъ мести рдѣя,
Войной Иртышь и Донъ шумитъ,
Войной скалы Рифея.

Калмыкъ, Башкиръ, Черкесъ и Финнъ
Къ знаменамъ побѣжали,
И всѣ оградой изъ дружинъ
Кругомъ престола стали....
Гдѣ жъ врагъ?... о Русская земля,
Готовь твой пиръ священный!
И се! на высотѣ Кремля,
И селянинъ смиренный,
И вѣрный славныхъ предковъ сынъ,
И алтаря служитель,
Къ тебѣ, ликуя, гласъ единъ
Возносятъ, Вседержитель!

Вы, чада бодрственныхъ сыновъ,
Потомки знаменитыхъ,
Близъ ихъ изрубленныхъ щитовъ,
Близъ ихъ кольчугъ разбитыхъ,
Свои кольчуги и щиты
Повѣсьте въ отчемъ домѣ;
На нихъ чудесныхъ дѣлъ черты,
Для чадъ, при бранномъ громѣ,
Мечемъ кровавымъ врѣзалъ врагъ;
Пускай на ихъ обломкахъ
Хранится повѣсть объ отцахъ
Великая въ потомкахъ.

Вамъ подвигъ новый предлежитъ:
Величіе въ покоѣ.

Да сладкій миръ не измѣнитъ
Васъ, неизмѣнныхъ въ боѣ;
Да вкругъ васъ тишина цвѣтетъ,
Устройство и свобода;
Да вамъ покорная даетъ
Сторичну дань природа;
Къ зерцалу — совѣсть и законъ;
Въ семействѣ — чисты нравы;
Безъ рабства вѣрность — передъ тронъ;
Предъ Бога — души правы.

Ты жъ, чудо вѣрности, народъ,
Покорностью могущій,
Цвѣти! да заградится входъ
Въ твои смиренны кущи
Судьбы посланницамъ-бѣдамъ;
Да плугъ трудолюбивый
Даруетъ жизнь твоимъ полямъ.
Умѣреннымъ счастливый,
Чуждъ развратительныхъ суетъ,
Презрѣвъ роскошныхъ негу,
Теки безпечно черезъ свѣтъ
Къ счастливѣйшему брегу.

А ты ихъ, Вышній, осѣни
Отеческой рукою:
Да будутъ благъ Твоихъ они
Достойны предъ Тобою.

НАРОДЪ.

Дѣтей, Всевышній, осѣни
Отеческой рукою:
Да будутъ благъ Твоихъ они
Достойны предъ тобою.

ПѢВЕЦЪ.

Тебѣ народовъ и Царей!...
Да знаетъ всякъ властитель,
Что онъ лишь мудрости Твоей
Безвластный совершитель....
Вы, неподвижные въ пыли,
Невольники могилы,
Цари — смутители земли,
Цари — земли свѣтилы,
Призраки! встаньте изъ гробовъ
На голосъ, къ вамъ зовущій!
Кто были вы: друзья боговъ,
Иль боги всемогущи?

О нѣтъ! орудіе одно
Въ десницѣ Провидѣнья....
Внимай! внимай! летитъ Оно
Съ жезломъ міроправленья
Надъ темной бездною временъ,
И съ вѣчной колесницы

Судьбы державъ, судьбы племенъ
Бросаетъ изъ десницы.
Кто быстрый перемѣнитъ токъ?
Чья сила? чья упорность?
Летитъ.... а намъ Его урокъ:
„Умѣренность, покорность!“

О! совершись, святой завѣтъ!
Въ одну семью, народы!
Цари, въ одинъ отцевъ совѣтъ!
Будь, сила, щитъ свободы!
Духъ благодати, пронесись
Надъ мирною вселенной,
И вся земля совокупись
Въ единый градъ нетлѣнный!
Въ совѣтъ къ царямъ, небесный Царь!
Символъ имъ: Провидѣнье!
Тронъ власти, обратись въ алтарь!
Въ любовь повиновенье!

Утихни, ярый духъ войны;
Не жизни истребитель,
Будь жизни благъ и тишины
И вѣчныхъ правъ хранитель.
Ты, мудрость смертныхъ, усмирись
Предъ мудростію Бога,
И въ мракѣ жизни озарись,
Къ небесному дорога.

Будь, Вѣра, твердый якорь намъ
Средь волнъ безвѣстныхъ рока,
И ты, въ нерукотворный храмъ
Свѣти, Звѣзда востока.

ПѢВЕЦЪ И НАРОДЪ.

Свѣти, свѣти, Звѣзда небесъ!
Къ ней взоры! къ ней желанья!
Къ ней, къ ней, за тайну сихъ завѣсъ,
Земныя упованья!
Тамъ все, что здѣсь плѣнило насъ
Явленіемъ мгновеннымъ,
Что взялъ у жизни смертный часъ,
Воскреснетъ обновленнымъ.
Рука съ рукой! вождю во слѣдъ!
Въ одну, друзья, дорогу!
И съ нами въ братскомъ хорѣ, свѣтъ,
Пой: слава въ вышнихъ Богу!

ГОЛОСЪ СЪ ТОГО СВѢТА.

Не узнавай, куда я путь склонила,
Въ какой предѣлъ изъ міра перешла....
О другъ, я все земное совершила;
Я на землѣ любила и жила.

Нашла ли ихъ? Сбылись ли ожиданья?...
Безъ страха вѣрь; обмана сердцу нѣтъ;
Сбылося все; я въ сторонѣ свиданья;
И знаю *здѣсь,* сколь *вашъ* прекрасенъ свѣтъ.

Другъ, на *землѣ* великое не тщетно;
Будь твердъ, а *здѣсь* тебѣ не измѣнятъ;
О милый, *здѣсь* не будетъ безотвѣтно
Ничто, ничто: ни мысль, ни вздохъ, ни взглядъ.

Не унывай: минувшее съ тобою;
Незрима я, но въ мірѣ мы одномъ;
Будь вѣренъ мнѣ прекрасною душою;
Сверши *одинъ* начатое *вдвоемъ*.

НОЧЬ.

Уже утомившійся день
Склонился въ багряныя воды,
Темнѣютъ лазурные своды,
Прохладная стелется тѣнь;
И ночь молчаливая мирно,
Пошла по дорогѣ эѳирной,
И Гесперъ летитъ передъ ней
Съ прекрасной звѣздою своей.

Сойди, о небесная, къ намъ
Съ волшебнымъ твоимъ покрываломъ,
Съ цѣлебнымъ забвенья фіаломъ,
Дай мира усталымъ сердцамъ.
Своимъ миротворнымъ явленьемъ,
Своимъ усыпительнымъ пѣньемъ,
Томимую душу тоской,
Какъ матерь дитя, успокой.

ПѢСНЯ.

Гдѣ фіалка, мой цвѣтокъ?
Прошлою весною
Здѣсь поилъ ее потокъ
Свѣжею струёю?...
Нѣтъ ея; весна прошла,
И фіалка оцвѣла.

Розы были тамъ въ сѣни
Рощицы тѣнистой;
Оживляли долъ они
Красотой душистой....
Лѣто быстрое прошло,
Лѣто розы унесло.

Гдѣ фіалку я видалъ,
Тамъ потокъ игривой
Сердце въ думу погружалъ
Струйкой говорливой....
Пламень лѣта былъ жестокъ;
Истощенный смолкъ потокъ.

Гдѣ видалъ я розы, тамъ
Рощица, бывало,
Въ зной пріютъ давала намъ....
Что съ пріютомъ стало?
Вѣтръ осенній бушевалъ,
И пріютный листъ опалъ.

Здѣсь нерѣдко по утрамъ
Мнѣ пѣвецъ встрѣчался,
И живымъ его струнамъ
Отзывъ откликался....
Нѣтъ его; пѣвецъ увялъ;
Съ нимъ и отзывъ замолчалъ.

ПѢСНЯ.

Птичкой пѣвицею
Быть бы хотѣлъ;
Съ юной денницею
Я бъ прилетѣлъ
Первый къ твоимъ дверямъ;
Въ нихъ бы порхнулъ,
И къ молодымъ грудямъ
Милой прильнулъ.

Будь я сіяніемъ
Дневныхъ лучей,
Слитый съ пылапіемъ
Яркихъ очей,
Щеки бъ румяныя
Жарко лобзалъ,
Въ перси бы рдяныя
Вкравшись, пылалъ.

Если бъ я сладостнымъ
Былъ вѣтеркомъ,
Вѣяньемъ радостнымъ
Тайно кругомъ
Милой леталъ бы я;
Съ доловъ, съ луговъ
Къ ней привѣвалъ бы я
Запахъ цвѣтовъ.

Сталъ бы я, сталъ бы я
Эхомъ лѣсовъ;
Все повторялъ бы я
Милой: *любовь*....
Ахъ! но напрасное
Я загадалъ;
Тайное, страстное
Кто выражалъ?

Птичка, небесный цвѣтъ,
Бѣгъ вѣтерка,
Эха лѣсной привѣтъ
Издалека
Быстры, но ясное
Намъ безъ рѣчей,
Тайное, страстное
Все ихъ быстрѣй.

ПѢСНЯ.

Къ востоку, все къ востоку
Стремленіе земли —
Къ востоку, все къ востоку
Летитъ моя душа;
Далеко на востокѣ,
За синевой лѣсовъ,
За синими горами
Прекрасная живетъ.

И мнѣ въ разлукѣ съ нею
Все мнится, что она
Прекрасное преданье
Чудесной старины,
Что мнѣ она явилась
Когда-то въ древни дни,
Что мнѣ объ ней остался
Одинъ блаженный сонъ.

ПѢСНЯ.

Розы разцвѣтаютъ,
Сердце, отдохни;
Скоро засіяютъ
Благодатны дни;
Все съ зимой ненастной
Грустное пройдетъ;
Сердце будетъ ясно;
Розою прекрасной
Счастье разцвѣтетъ.

Розы разцвѣтаютъ —
Сердце, уповай;
Есть, намъ обѣщаютъ,
Гдѣ-то лучшій край.
Вѣчно молодая
Тамъ весна живетъ;
Тамъ, въ долинѣ рая
Жизнь для насъ иная
Розой разцвѣтетъ.

ВЕСЕННЕЕ ЧУВСТВО.

Легкій, легкій вѣтерокъ,
Что такъ сладко, тихо вѣешь?
Что играешь, что свѣтлѣешь,
Очарованный потокъ?
Чѣмъ опять душа полна?
Что опять въ ней пробудилось?
Что съ тобой къ ней возвратилось,
Перелетная весна?
Я смотрю на небеса...
Облака, летя, сіяютъ,
И, сіяя, улетаютъ
За далекіе лѣса.

Иль опять отъ вышины
Вѣсть знакомая несется?
Или снова раздается
Милый голосъ старины?
Или тамъ, куда летитъ
Птичка, странникъ поднебесный,
Все еще сей неизвѣстный
Край *желаннаго* сокрытъ?...
Кто жъ къ невѣдомымъ брегамъ
Путь невѣдомый укажетъ?
Ахъ! найдется ль, кто мнѣ скажетъ,
Очарованное *Тамъ?*

СТАРЦУ ЭВЕРСУ.*)

Вступая въ кругъ счатливцевъ молодыхъ,
Я мыслилъ тамъ — на мигъ товарищъ ихъ —
Съ веселыми весельемъ подѣлиться,
И юношей блаженствомъ насладиться;
Но въ семъ кругу меня мой Геній ждалъ:
Тамъ Эверсъ мнѣ на братство руку далъ....
Благодарю, Хранитель-Провидѣнье!
Могу ль забыть священное мгновенье,
Когда, мой братъ, къ рукѣ твоей святой
Я прикоснуть дерзнулъ уста съ лобзаньемъ,
Когда стоялъ ты, старецъ, предо мной

*) Писано послѣ праздника, даннаго студентами Дерптскаго Университета.

Съ отеческимъ мнѣ счастія желаньемъ!
О старецъ мой, въ прекрасныхъ дняхъ твоихъ
Не пропадетъ и сей прекрасный мигъ,
Величіемъ души запечатлѣнный —
Но для тебя я былъ пришлецъ мгновенный;
Какъ другъ *всего*, и мнѣ ты другомъ былъ;
Ты съ нѣжностью меня благословилъ,
Нечаянно въ сей жизни повстрѣчавши;
Уже отсель ты въ лучшій смотришь свѣтъ,
И мой тебѣ незнаемъ будетъ слѣдъ.
Но я, едва полжизни испытавши,
Едва сошедъ съ предѣла раннихъ лѣтъ
Не съ лучшею, не съ легкою судьбою,
(И можетъ быть, путь долгій предо мною),
Мысль о тебѣ, о братъ священный мой,
Какъ Божій даръ, возьму на жизнь съ собой.
Братъ Эверса!... такъ, я сказать дерзаю,
Что имени сего всю цѣну знаю:
Въ семъ имени мой долгъ изображенъ.
Не бѣденъ тотъ, кто свойства не лишенъ
Предъ добрыми душею согрѣваться;
Кто мыслію способенъ возвышаться,
Зря благости величественный ликъ.
О! сладкій жаръ во грудь мою проникъ,
Когда твоя рука мнѣ руку сжала;
Мнѣ лучшею земная жизнь предстала,
Училищемъ для неба здѣшній свѣтъ.
„Не унывать, хотя и счастья нѣтъ;

Ждать въ тишинѣ и помнить Провидѣнье;
Прекрасному — *текущее мгновенье;*
Грядущее — безпечно небесамъ;
Что мрачно *здѣсь*, то будетъ ясно *тамъ;*
Земная жизнь, какъ странница крылата,
Съ печалями отъ гроба улетитъ;
Что было здѣсь для добраго утрата,
То жизнь ему другая возвратитъ."
Вотъ правила для Эверсова брата.

Я зрѣлъ вчера: сходя на край небесъ,
Какъ Божество, насъ солнце покидало;
Свершивъ свой день, прощальный лучъ бросало
Оно съ высотъ на холмъ и долъ и лѣсъ,
И, тихій блескъ оставя на закатѣ,
Отъ насъ къ другимъ скатилось небесамъ....
О! сколько мнѣ красотъ явилось тамъ!
Я вспомянулъ о Небомъ данномъ братѣ,
О *днѣ* его, о ясной тишинѣ
И сладостномъ на *вечерѣ* сіяньи,
Я вспомянулъ о нѣжномъ завѣщаньи,
Оставленномъ въ названьи брата мнѣ —
И мужество мнѣ въ душу пробѣжало....
Благослови жъ меня, священный другъ!
Чтобъ на пути меня ни ожидало,
Отнынѣ мнѣ, какъ благотворный духъ,
Сопутникомъ твое воспоминанье.
Гдѣ бъ ни былъ я, мой старецъ-братъ со мной;

И тихое вечернее сіянье,
Съ моей объ немъ бесѣдуя душой —
Таинственный символъ его завѣта —
Учителемъ отнынѣ будетъ мнѣ:
„Свой здѣшній путь окончить въ тишинѣ!“
И вѣстникомъ прекраснѣйшаго свѣта.

ПѢСНЬ

РУССКОМУ ЦАРЮ

ОТЪ ЕГО ВОИНОВЪ.

Гряди, нашъ ЦАРЬ, Твоя дружина
Благословляетъ Твой возвратъ;
Вселенной рѣшена судьбина,
И ниспровергнутъ супостатъ.
Гряди, гряди къ странѣ своей,
Нашъ ЦАРЬ, нашъ славный вождь Царей.

Къ Его стопамъ мечи кровавы;
Къ Его стопамъ и шлемъ и щитъ;
Его главу да знамя славы
При кликахъ славы осѣнитъ;
Ему вѣнцы готовьте въ дань —
Рѣшившему святую брань.

Нашъ ЦАРЬ, въ отчизну съ поля чести
Твою мы славу принесли;
Вотъ громъ, Твоей свершитель мести;
Вотъ знамена еще въ пыли;
Вотъ нашей вѣрности алтарь;
Предъ нимъ обѣтъ нашъ: честь и Царь!

Младый Наслѣдникъ полвселенны —
Межъ насъ впервой Ты мечъ пріялъ;
Нашъ ЦАРЬ — ко брани ополченный,
Ты путь намъ къ славѣ указалъ;
Нашъ вождь — Ты былъ предтечей намъ
Вездѣ во срѣтенье врагамъ.

Скажи жъ, о Вождь, гдѣ измѣнилась
Твоя дружина предъ Тобой?
Погибель насъ пожрать стремилась —
Ее отбилъ нашъ твердый строй.
Намъ взоръ ЦАРЯ, какъ Божій лучъ,
Свѣтилъ на мглѣ громовыхъ тучъ.

Ко мщенью Ты воззвалъ народы;
Ты спасъ владычество Царямъ;
Ты знамена святой Свободы
Покорнымъ даровалъ врагамъ;
И Твой покрылъ вселенну щитъ;
И брань окованна молчитъ.

Отъ Нѣмана до Океана
Твоихъ трофеевъ славный рядъ;
И гдѣ парилъ орелъ тирана,
Тамъ днесь твои орлы парятъ;
И громъ, безмолвный въ ихъ когтяхъ,
На брань и бунтъ наводитъ страхъ.

Но кто на Русь Твою возстанетъ?
Противныхъ нѣтъ полкамъ твоимъ;
Твой страшный гнѣвъ съ престола грянетъ
И Съверъ грянетъ вслѣдъ за нимъ;
И казни вѣстникъ, грозный Страхъ
Враговъ умчитъ, какъ дымъ и прахъ.

Гряди, нашъ ЦАРЬ, Твоя дружина
Благословляетъ Твой возвратъ;
Вселенной рѣшена судьбина,
И ниспровергнутъ супостатъ.
Гряди, гряди къ странѣ Своей,
Нашъ ЦАРЬ, нашъ славный вождь Царей.

СЛАВЯНКА.

ЭЛЕГІЯ.

Славянка тихая, сколь токъ пріятенъ твой,
Когда, въ осенній день, въ твои глядятся воды
Холмы, одѣтые послѣднею красой
Полуотцвѣтшія природы.

Спѣшу къ твоимъ брегамъ . . . сводъ неба тихъ и чистъ;
При свѣтѣ солнечномъ прохлада повѣваетъ;
Послѣдній запахъ свой осыпавшійся листъ
Съ осенней свѣжестью сливаетъ.

Иду подъ рощею излучистой тропой;
Что шагъ, то новая въ глазахъ моихъ картина,
То вдругъ, сквозь чащу древъ, мелькаетъ предо мной
Какъ въ дымѣ, свѣтлая долина;

То вдругъ изчезло все... окрестъ сгустился лѣсъ;
Все дико вкругъ меня, и сумракъ и молчанье;
Лишь изрѣдка, струей сквозь темный сводъ древесъ
Прокравшись, дневное сіянье

Верхи поблеклые и корни золотитъ;
Лишь, сорванъ вѣтерка минутнымъ дуновеньемъ,
На сумракѣ листокъ трепещущій блеститъ,
Смущая тишину паденьемъ...

И вдругъ пустынный храмъ въ дичи передо мной;
Заглохшая тропа; кругомъ кусты сѣдые;
Между багряныхъ липъ чернѣетъ дубъ густой
И дремлютъ ели гробовые.

Воспоминанье здѣсь унылое живетъ;
Здѣсь, къ урнѣ преклонясь задумчивой главою,
Оно бесѣдуетъ о томъ, чего ужъ нѣтъ
Съ неизмѣняющей Мечтою.

Все къ размышленью здѣсь влечетъ невольно насъ;
Все въ душу томное уныніе вселяетъ;
Какъ будто здѣсь она изъ гроба важный гласъ
Давно-минувшаго внимаетъ.

Сей храмъ, сей темный сводъ, сей тихій мавзолей,
Сей факелъ гаснущій и долу обращенный,
Все здѣсь свидѣтель намъ, сколь блага нашихъ дней
Сколь всѣ величія мгновенны.

И нечувствительно съ превратности мечтой
Дружится здѣсь мечта безсмертія и славы:
Сей витязь, на руку склонившійся главой;
Сей громоносецъ двоеглавый,

Подъ шуйцей твердою сѣдящій на щитѣ;
Сія печальная семья кругомъ царицы;
Сіи небесные друзья на высотѣ,
Младые спутники денницы....

О! сколь они, въ виду сей урны гробовой,
Для унывающей души краснорѣчивы:
Тоскуя ль полетитъ она за край земной —
Тамъ всѣ утраченные живы;

Къ землѣ ль наклонитъ взоръ — великій рядъ чудесъ;
Борьба за честь; народъ, покрытый блескомъ славнымъ;
И міръ, воскреснувшій по манію небесъ,
Спокойный подъ щитомъ державнымъ.

Но вкругъ меня опять свѣтлѣетъ частый лѣсъ;
Опять рѣка вдали мелькаетъ средь долины,
То въ свѣтѣ, то въ тѣни, то въ ней лазурь небесъ,
То обращенныхъ древъ вершины.

И вдругъ открытая равнина предо мной:
Тамъ мыза, блескомъ дня подъ рощей озаренна;
Спокойное село надъ ясною рѣкой,
Гумно и нива обнаженна.

Все здѣсь оживлено: съ овиновъ дымъ сѣдой
Клубяся, по браздамъ ложится и рѣдѣетъ,
И нива подъ его прозрачной пеленой
То померкаетъ, то свѣтлѣетъ.

Тамъ слышенъ на току согласный стукъ цѣповъ;
Тамъ пѣсня пастуха и шумъ отъ стадъ бѣгущихъ;
Тамъ медленно, скрыпя, тащится рядъ возовъ,
Тяжелый грузъ сноповъ везущихъ.

Но солнце катится беззнойное съ небесъ;
Окрестъ него закатъ спокойно пламенѣетъ;
Завѣсой огненной подернутъ дальній лѣсъ;
Востокъ безоблачный синѣетъ.

Спускаюсь въ долъ къ рѣкѣ: брегъ теменъ надо мной,
И на воды легли деревъ кудрявыхъ тѣни;
Противный брегъ горитъ, осыпанный зарей;
Въ волнахъ блестятъ прибрежны сѣни;

То отраженный въ нихъ сіяетъ мавзолей;
То холмъ муравчатый, увѣнчанный древами;
То ива дряхлая, до свившихся корней
Склонившись гибкими вѣтвями,

Сѣдистую главу купаетъ въ ихъ струяхъ;
Здѣсь храмъ между березъ и яворовъ мелькаетъ;
Тамъ лебедь, притаясь у берега въ кустахъ,
Недвижимъ въ сумракѣ сіяетъ.

Вдругъ гладкимъ озеромъ является рѣка;
Сколь здѣсь ея береговъ плѣнительна картина;
Въ лазоревый кристаллъ сліясь вкругъ челнока,
Испѣтъ водъ ея равнина.

Но гаснетъ день... въ тѣни склонился лѣсъ къ водамъ;
Древа облечены вечерней темнотою;
Лишь простирается по тихимъ ихъ верхамъ
Заря багряной полосою;

Лишь ярко заревомъ восточный брегъ облитъ,
И пышный домъ царей на скатѣ озлащенномъ,
Какъ исполинъ, глядясь въ зерцало водъ, блеститъ
Въ величіи уединенномъ.

Но вечеръ на него покровъ накинулъ свой,
И рощи и брега, смѣшавшись, побѣднѣли;
Послѣдни облака, блиставшія зарёй,
Съ небесъ, потухнувъ, улетѣли.

И воцарилася повсюду тишина;
Все спитъ... лишь изрѣдка въ далекой тмѣ промчится
Невнятный гласъ... или колыхнется волна...
Иль сонный листъ зашевелится.

Я на брегу одинъ... окрестность вся молчитъ...
Какъ привидѣніе, въ туманѣ предо мною
Семья младыхъ березъ недвижимо стоитъ
Надъ усыпленною водою.

Вхожу съ волненіемъ подъ ихъ священный кровъ;
Мой слухъ въ сей тишинѣ привѣтный голосъ слышитъ:
Какъ бы эоирное тамъ вѣетъ межъ листовъ,
Какъ бы невидимое дышитъ;

Какъ бы сокрытая подъ юныхъ древъ корой,
Съ сей очарованной мѣшаясь тишиною,
Душа незримая подъемлетъ голосъ свой
Съ моей бесѣдовать душою.

И нѣкто урнѣ сей безмолвный присѣдитъ;
И, мнится, на меня вперилъ онъ темны очи;
Безъ образа лице, и зракъ туманный слитъ
Съ туманнымъ мракомъ полуночи.

Смотрю... и, мнится, все, что было жертвой лѣтъ,
Опять въ видѣніи прекрасномъ воскресаетъ;
И все, что жизнь сулитъ, и все, чего въ ней нѣтъ,
Съ надеждой къ сердцу прилетаетъ.

Но гдѣ онъ?... Скрылось все... лишь только въ тишинѣ
Какъ бы знакомое мнѣ слышится призванье,
Какъ будто Геній путь указываетъ мнѣ
На неизвѣстное свиданье.

О! кто ты, тайный вождь? Душа тебѣ во слѣдъ!
Скажи: безсмертный ли предѣловъ сихъ хранитель,
Иль гость минутный ихъ? Скажи: земной ли свѣтъ,
Иль небеса твоя обитель?...

И Ангелъ отъ земли въ сіяньи предо мной
Взлетаетъ; на лицѣ величіе смиренья;
Взоръ къ небу устремленъ; надъ юною главой
Горитъ звѣзда преображенья.

Помедли улетать, прекрасный сынъ небесъ;
Младая Жизнь въ слезахъ простерта предъ тобою...
Но гдѣ я? ... Все вокругъ молчитъ ... призракъ изчезъ,
И небеса покрыты мглою.

Одна лишь смутная мечта въ душѣ моей:
Какъ будто міръ земной въ ничто преобратился;
Какъ будто та страна знакомѣй стала ей,
Куда сей чистый Ангелъ скрылся.

СОНЪ.

Заснувъ на холмѣ луговомъ,
Вблизи большой гороги,
Я унесенъ былъ легкимъ сномъ
Туда, гдѣ жили боги.

Но я проснулся наконецъ,
И смутно озирался:
Дорогой шелъ младой пѣвецъ,
И съ пѣньемъ удалялся.

Вдали пропалъ за рощей онъ —
Но струны все звенѣли.
Ахъ! не онѣ ли дивный сонъ
Мнѣ на душу напѣли?

ПѢСНЯ БѢДНЯКА.

Куда мнѣ голову склонить?
Покинутъ я и сиръ;
Хотѣлъ бы весело хоть разъ
Взглянуть на Божій міръ.

И я въ семьѣ моихъ родныхъ
Когда-то счастливъ былъ;
Но горе спутникъ мой съ тѣхъ поръ,
Какъ я ихъ схоронилъ.

Я вижу зáмки богачей
И ихъ сады кругомъ....
Моя жъ дорога мимо ихъ
Съ заботой и трудомъ.

Но я счастливыхъ не дичусь;
Моя печаль въ тиши;
Я всѣмъ веселымъ радъ сказать:
Богъ помочь! отъ души.

О щедрый Богъ, не вовсе жъ я
Тобою позабытъ;
Источникъ милости Твоей
Для всѣхъ равно открытъ.

Въ селеньи каждомъ есть Твой храмъ
Съ сіяющимъ крестомъ,
Съ молитвой сладкой и съ Твоимъ
Доступнымъ алтарёмъ.

Мнѣ свѣтитъ солнце и луна;
Любуюсь на зарю;
И, слыша благовѣстъ, съ Тобой,
Создатель, говорю.

И знаю: будетъ добрымъ пиръ
Въ небесной сторонѣ;
Тамъ буду праздновать и я;
Тамъ мѣсто есть и мнѣ.

СЧАСТІЕ ВО СНѢ.

Дорогой шла дѣвица;
Съ ней другъ ея младой:
Болѣзненны ихъ лица;
Наполненъ взоръ тоской.

Другъ друга лобызаютъ
И въ очи и въ уста —
И снова разцвѣтаютъ
Въ нихъ жизнь и красота.

Минутное веселье!
Двухъ колоколовъ звонъ:
Она проснулась въ *кельѣ;*
Въ *тюрьмѣ* проснулся онъ.

МЩЕНІЕ.

БАЛЛАДА.

Измѣной слуга Паладина убилъ:
Убійцѣ завиденъ санъ рыцаря былъ.

Свершилось убійство ночною порой —
И трупъ поглощенъ былъ глубокой рѣкой.

И шпоры и латы убійца надѣлъ,
И въ нихъ на коня Паладинова сѣлъ.

И мостъ на конѣ проскакать онъ спѣшитъ:
Но конь поднялся на дыбы и храпитъ.

Онъ шпоры вонзаетъ въ крутые бока:
Конь бѣшеный сбросилъ въ рѣку сѣдока.

Онъ выплыть изъ всѣхъ напрягается силъ:
Но панцырь тяжелый его утопилъ.

ГАРАЛЬДЪ.

БАЛЛАДА.

Передъ дружиной на конѣ
Гаральдъ, боецъ сѣдой,
При свѣтѣ полныя лупы,
Въѣзжаетъ въ лѣсъ густой.

Отбиты вражьи знамена
И вьютъ и шумятъ,
И гуломъ пѣсней боевыхъ
Кругомъ холмы гудятъ.

Но что порхаетъ по кустамъ?
Что зыблется въ листахъ?
Что палетаетъ съ вышины,
И плещется въ волнахъ?

Что такъ ласкаетъ, такъ манитъ?
Что нѣжною рукой
Снимаетъ мечъ, съ коня влечетъ
И тянетъ за собой?

То Фея.... въ легкій хороводъ
Слетѣлись при лунѣ.
Спасенья нѣтъ; ужъ всѣ бойцы
Въ волшебной сторонѣ.

Лишь онъ, безстрашный вождь Гаральдъ,
Одинъ не побѣжденъ:
Въ петлѣнный съ ногъ до головы
Булатъ закованъ онъ.

Пропали спутники его;
Тамъ брошенъ мечъ, тамъ щитъ,
Тамъ ржетъ осиротѣлый конь
И дико въ лѣсъ бѣжитъ.

И ѣдетъ сумрачно-унылъ
Гаральдъ, боецъ сѣдой,
При свѣтѣ полныя луны
Одинъ сквозь лѣсъ густой.

Но вотъ шумитъ, журчитъ ручей —
Гаральдъ съ коня спрыгнулъ,
И снялъ онъ шлемъ, и влаги имъ
Студеной зачерпнулъ.

Но только жажду утолилъ:
Вдругъ обезсилѣлъ онъ;
На камень сѣлъ, поникъ главой,
И погрузился въ сонъ.

И вѣки на утесѣ томъ,
Главу склоня, онъ спитъ:
Сѣдые кудри, борода;
У ногъ копье и щитъ.

Когда жъ гроза и молній блескъ,
И лѣсъ реветъ густой —
Сквозь сонъ хватается за мечъ
Гаральдъ, боецъ сѣдой.

ТРИ ПѢСНИ.

БАЛЛАДА.

Споетъ ли мнѣ пѣсню веселую Скальдъ?
Спросилъ, озираясь, могучій Освальдъ.
И Скальдъ выступаетъ на царскую рѣчь,
Подъ мышкою арфа, на поясѣ мечъ.

„Три пѣсни я знаю: въ одной старина!
„Тобою, могучій, забыта она;
„Ты самъ ее въ лѣсѣ дремучемъ сложилъ;
„Та пѣсня: *отца моего ты убилъ.*

„Есть пѣсня другая: ужасна она;
„И мною подъ бурей ночной сложена;
„Пою ее ранней и поздней порой;
„И пѣсня та: *бейся, убійца, со мной!*“

Онъ въ сторону арфу, и мечъ наголо;
И бѣшенство грозныя лица зажгло;
Запрыгали искры по звонкимъ мечамъ —
И рухнулъ Освальдъ голова пополамъ.

„Раздайся жъ, послѣдняя пѣсня моя;
„Ту пѣсню и утромъ и вечеромъ я
„Гремѣть не устану предъ дѣвой любви;
„Та пѣсня: *убійца поверженъ въ крови.*“

ПѢСНЯ.

Минувшихъ дней очарованье,
Зачѣмъ опять воскресло ты?
Кто разбудилъ воспоминанье
И замолчавшія мечты?
Шепнулъ душѣ привѣтъ бывалой;
Душѣ блеснулъ знакомый взоръ;
И зримо ей минуту стало
Незримое съ давнишнихъ поръ.

О милый гость, святое *Прежде*,
Зачѣмъ въ мою тѣснишься грудь?
Могу ль сказать: *живи*, надеждѣ?
Скажу ль тому, что было: *будь?*
Могу ль узрѣть во блескѣ новомъ
Мечты увядшей красоту?
Могу ль опять одѣть покровомъ
Знакомой жизни наготу?

Зачѣмъ душа въ тотъ край стремится,
Гдѣ были дни, какихъ ужъ нѣтъ?
Пустынный край не населится;
Не узритъ онъ минувшихъ лѣтъ;
Тамъ есть *одинъ* жилецъ безгласный,
Свидѣтель милой старины;
Тамъ вмѣстѣ съ нимъ всѣ дни прекрасны
Въ единый гробъ положены.

УЗНИКЪ.

БАЛЛАДА.

„За днями дни идутъ, идутъ....
„Напрасно;
„Они свободы не ведутъ
„Прекрасной;
„Объ ней тоскую и молюсь,
„Ее зову, не дозовусь.

„Смотрю въ высокое окно
„Темницы:
„Все небо свѣтомъ зажжено
„Денницы;
„На свѣжихъ крыльяхъ вѣтерка
„Летаютъ вольны облака.

„И такъ всѣ блага замѣнить
„Могилой;
„И бросить свѣтъ, когда въ немъ жить
„Такъ мило;
„Ахъ! дайте въ свѣтѣ подышать;
„Еще мнѣ рано умирать.

„Лишь мигъ весеннимъ бытіёмъ
„Жила я;
„Лишь мигъ на праздникѣ земномъ
„Была я;
„Душа готовилась любить....
„И все покинуть, все забыть!“

Такъ голосъ заунывный пѣлъ
Въ темницѣ....
И сердцемъ юноша летѣлъ
Къ пѣвицѣ.
Но онъ въ неволѣ, какъ она;
Межъ ними хладная стѣна.

И тщетно съ ней онъ разлучёнъ
Стѣною:
Невидимую знаетъ онъ
Душою;
И мысль объ ней и день и ночь
Отъ сердца не отходитъ прочь.

Все видитъ онъ: во тмѣ она
Тюрёмной
Сидитъ, раздумью предана,
Взоръ томной;
Младенчески прекрасенъ видъ;
И слезы падаютъ съ ланитъ.

И ночью, забывая сонъ,
Въ мечтаньѣ,
Ея подслушиваетъ онъ
Дыханье;
И на устахъ его горитъ
Огонь ея младыхъ ланитъ.

Таясь, страданія однѣ
Дѣлить съ ней,
Въ одной темничной глубинѣ
Молить съ ней
Согласной думой и тоской
Отъ неба участи одной —

Вотъ жизнь его: другой не ждетъ
Онъ доли;
Онъ, равнодушный, не зоветъ
И воли:
Съ ней розно въ свѣтѣ жизни нѣтъ;
Прекрасенъ только ею свѣтъ.

„Не ты ль — онъ мнитъ — давно была
Любима?
И не тебя ль душа звала,
Томима
Желанья смутнаго тоской,
Волненьемъ жизни молодой?

„Тебя въ пророчественномъ снѣ
Видалъ я;
Тобою въ пламенной веснѣ
Дышалъ я;
Ты мнѣ цвѣла въ живыхъ цвѣтахъ;
Твой образъ вѣялъ въ облакахъ.

„Когда же сердце ясный взоръ
Твой встрѣтитъ?
Когда, разрушивъ сей затворъ,
Освѣтитъ
Свобода жизнь вдвоемъ для насъ?
Лети, лети, желанный часъ.“

Напрасно; часъ не прилетѣлъ
Желанный;
Другой Создателемъ удѣлъ
Избранный
Достался узницѣ младой —
Небесно-тайный, не земной.

Разъ слышитъ онъ: затворовъ громъ,
Рыданье,
Звукъ цѣпи, голоса.... потомъ
Молчанье....
И ужасъ грудь его томитъ —
И тщетно ждетъ онъ.... все молчитъ.

Увы! удѣлъ его рѣшенъ....
Угрюмый,
Навѣкъ грядущаго лишенъ,
Всѣ думы
За ней онъ въ гробъ переселилъ,
И молитъ Рокъ, чтобъ поспѣшилъ

Однажды — только занялась
Денница —
Его со стукомъ расперлась
Темница.
„О радость! (мнитъ онъ) скоро къ ней!“
И что жъ?... Свобода у дверей.

Но хладно принялъ онъ привѣтъ
Свободы:
Прекраснаго ужъ въ мірѣ нѣтъ;
Дни, годы
Напрасно будутъ проходить....
Погибшаго не возвратить.

Ахъ! слово милое объ ней
Кто скажетъ?
Кто слѣдъ ея забытыхъ дней
Укажетъ?
Кто знаетъ, гдѣ она цвѣла?
Гдѣ тотъ, кого *своимъ* звала?

И пѣтъ ему въ семьѣ родной
Услады;
Задумчивъ, грустію нѣмой
Онъ взгляды
Сердечные встрѣчаетъ ихъ;
Онъ въ людствѣ сумраченъ и тихъ.

Настанетъ день — ни съ мѣста онъ;
Безгласный,
Душой въ мечтанье погружёнъ,
Взоръ страстный
Исполненъ смутнаго огня,
Стоитъ онъ, голову склоня.

Но тихо въ сумракѣ ночей
Онъ бродитъ,
И съ неба темнаго очей
Не сводитъ:
Звѣзда знакомая тамъ есть;
Она къ нему приноситъ вѣсть....

О миломъ вѣсть и въ міръ иной
Признанье ....
И дѣлитъ съ тайной онъ звѣздой
Страданье;
Ея краса оживлена:
Ему въ ней свѣтится *она*.

Онъ таялъ, гаснулъ, и угасъ....
И мнилось,
Что вдругъ предъ въ послѣдній часъ
Явилось
Все то, чего душа ждала,
И жизнь въ улыбкѣ отошла.

ОВСЯНЫЙ КИСЕЛЬ.

Дѣти, овсяный кисель на столѣ; читайте молитву;
Смирно сидѣть, не марать рукавовъ и къ горшку не
соваться;
Кушайте: всякой намъ даръ совершенъ и даяніе благо;
Кушайте, свѣты мои, на здоровье; Господь васъ по-
милуй.
Въ полѣ отецъ посѣялъ овесъ и весной заскородилъ.
Вотъ Господь-Богъ сказалъ: поди домой, не заботься;
Я не засну; безъ тебя онъ взойдетъ, разцвѣтетъ и
созрѣетъ.
Слушайте жъ, дѣти: въ каждомъ зернышкѣ тихо и смирно
Спитъ невидимкой малютка-зародышъ. Долго онъ, долго
Спитъ, какъ въ люлькѣ, не ѣстъ, и не пьетъ и не
пикнетъ, доколѣ
Въ рыхлую землю его не положатъ и въ ней не согрѣютъ.
Вотъ онъ лежитъ въ бороздѣ, и малюткѣ тепло подъ
землею;

Вотъ тихомолкомъ проснулся, взглянулъ и сосетъ, какъ младенецъ,
Сокъ изъ роднаго зерна, и растетъ, и невидимо зреетъ;
Вотъ уползъ изъ пелены, молодой корешокъ пробуравилъ;
Роется въ глубь, и корма ищетъ въ землѣ, и находитъ.
Что же?... Вдругъ скучно и тѣсно въ потемкахъ.... „Какъ бы провѣдать,
„Что тамъ, на бѣломъ свѣтѣ творится?“... Тайкомъ, боязливо
Выглянулъ онъ изъ земли.... Ахъ! Царь мой небесный, какъ любо!
Смотришь — Господь-Богъ Ангела шлетъ къ нему съ неба:
„Дай росинку ему и скажи отъ Создателя: здравствуй.“
Пьетъ онъ.... ахъ! какъ же малюточкѣ сладко, свѣжо и свободно.
Рядится красное солнышко; вотъ нарядилось, умылось,
На горы вышло съ своимъ рукодѣльемъ; идетъ по небесной
Свѣтлой дорогѣ; прилежно работая, смотритъ на землю,
Словно какъ мать на дитя, и малюткѣ съ небесъ улыбнулось,
Такъ улыбнулось, что всѣ корешки молодые взыграли.
„Доброе солнышко, даромъ вельможа, а всякому ласка!“
Въ чемъ же его рукодѣлье? Точетъ облачко дождевое.
Смотришь: посмеркло; вдругъ каплетъ; вдругъ полилось, зашумѣло.

Жадно зародышекъ пьетъ; но подулъ вѣтерокъ — онъ обсохнулъ.

„Нѣтъ (говоритъ онъ), теперь ужъ подъ землю меня не замапятъ.

„Что мнѣ въ потемкахъ? здѣсь я останусь; пусть будетъ, что будетъ.“

Кушайте, свѣты мои, на здоровье; Господь васъ помилуй.

Ждетъ и малюточку тяжкое время: темныя тучи
День и ночь на небѣ стоятъ, и прячется солнце;
Снѣгъ и мятель на горахъ, и градъ съ гололедицей въ полѣ.

Ахъ! мой бѣдный зародышекъ, какъ же онъ зябнетъ! какъ поетъ!

Что съ нимъ будетъ? земля заперлась и негдѣ взять пищи.

„Гдѣ же (онъ думаетъ) красное солнышко? Что не выходитъ?

„Или боится замерзнуть? Иль и его нѣтъ на свѣтѣ?

„Ахъ! зачѣмъ покидалъ я родимое зернушко? дома

„Было мнѣ лучше; сидѣть бы въ пріютномъ теплѣ подъ землею.“

Дѣтушки, такъ-то бываетъ на свѣтѣ; и вамъ доведется
Вчужѣ, межъ злыми, чужими людьми, съ трудомъ добывая
Хлѣбъ свой насущный, сквозь слезы сказать въ одинокой печали:
„Худо мнѣ; лучше бы дома сидѣть у родимой за печкой.“ ....

Богъ васъ утѣшитъ, друзья; всему есть конецъ; веселѣе
Будетъ и вамъ, какъ былиночкѣ. Слушайте: въ ясный
день Майскій
Свѣжесть повѣяла.... солнышко яркое на горы вышло,
Смотритъ: гдѣ нашъ зародышекъ? что съ нимъ? и
крошку цѣлуетъ.
Вотъ онъ ожилъ опять и себя отъ веселья не помнитъ.
Мало по малу одѣлись поля муравой и цвѣтами;
Вишня въ саду зацвѣла, зеленѣетъ и слива, и въ полѣ
Гуще становится рожь, и ячмень, и пшеница и просо;
Наша былиночка думаетъ: „я назади не останусь!“
Кстати ль! листки распустила.... кто такъ прекрасно
соткалъ ихъ?
Вотъ стебелекъ показался.... кто изъ жилочки въ
жилку
Чистую влагу провелъ отъ корня до маковки сочной?
Вотъ проглянулъ, налился и качается въ воздухѣ ко-
лосъ....
Добрые люди, скажите: кто такъ искусно развѣсилъ
Почки по гибкому стеблю на тоненькихъ, шелковыхъ
нитяхъ?
Ангелы! кто же другой? Они отъ былинки къ бы-
линкѣ
По́ полю взадъ и впередъ съ благодатью небесной ле-
таютъ.
Вотъ ужъ и цвѣтомъ нѣжный, зыбучій колосикъ осыпанъ;
Наша былинка стоитъ, какъ невѣста въ уборѣ вѣн-
чальномъ.

Вотъ налилось и зерно и тихохонько зрѣетъ; былинка
Шепчетъ, качая въ раздумьи головкой: я знаю, что будетъ.
Смотришь: слетаются мошки, жучки молодую поздравить;
Пляшутъ, толкутся кругомъ, припѣваютъ ей: *многія лѣта;*
Въ сумерки жъ, только что мошки, жучки позаснутъ и замолкнутъ,
Тащится въ травкѣ свѣтлякъ съ фонаремъ посвѣтить ей въ потемкахъ.
Кушайте, свѣты мои, на здоровье; Господь васъ помилуй.
Вотъ ужъ и Троицынъ день миновался, и сѣно скосили;
Собраны вишни; въ саду ни одной не осталося сливки;
Вотъ ужъ пожали и рожь, ячмень, и пшеницу, и просо;
Ужъ и на жниво сбирать босикомъ ребятишки сходились
Колосъ оброшенный; имъ помогла тихомолкомъ и мышка.
Что-то былиночка дѣлаетъ? О! ужъ давно пополнѣла;
Много, много въ ней зернушекъ; гнется и думаетъ: „полно;
„Время мое миновалось; зачѣмъ мнѣ одной оставаться
„Въ полѣ пустомъ межъ картофелемъ, пухлою рѣпой и свеклой?“
Вотъ съ серпами пришли и Иванъ и Лука и Дуняша;
Ужъ и морозъ покусалъ имъ утромъ и вечеромъ пальцы;
Вотъ и снопы ужъ сушили въ овинѣ; ужъ ихъ молотили

Съ трехъ часовъ по утру до пяти пополудни на ригъ;
Вотъ и гнѣдко потащился на мельницу съ возомъ тя-
желымъ;
Началъ жерновъ молоть; и зернушки стали мукою;
Вотъ молочка надоила отъ пестрой коровки родная
Полный горшечекъ; сварила кисель, чтобъ дѣтушкамъ
кушать;
Дѣтушки скушали, ложки обтерли, сказали: спасибо.

КРАСНЫЙ КАРБУНКУЛЪ.

СКАЗКА.

Дѣдушка рѣзалъ табакъ на прилавкѣ; къ нему подлетѣла
Съ видомъ умильнымъ Луиза. Дѣдушка, сядь къ намъ голубчикъ;
Сядь, разскажи намъ, какъ помнишь, когда сестра Маргарета
Чуть не заснула. Вотъ Маргарета, Луиза и Лотта
Съ донцами, съ пряжей проворно подсѣли къ огню и примолкли;
Фрицъ, наколовши лучины, придвинулъ къ подсвѣчнику лавку,
Сѣлъ и сказалъ: мнѣ смотрѣть за огнемъ; а Эпни, на печкѣ
Нѣжась, поглядывалъ внизъ и думалъ: здѣсь мнѣ слышнѣе.
Вотъ, табаку накрошивши, дѣдушка вычистилъ трубку,
Туго набилъ, подошелъ къ огоньку, осторожно приставилъ

Трубку къ горящей лучинѣ, раза два пыхнулъ — струею
Легкій дымокъ побѣжалъ; онъ, пальцемъ огонь придавивши,
Кровелькой трубку закрылъ и сказалъ: послушайте, дѣти,
Будетъ вамъ сказка; но съ уговоромъ — дослушать порядкомъ;
Слова не молвить, пока не докончу; а ты на печуркѣ
Полно валяться, лѣнивецъ; опять, какъ въ норѣ, закопался;
Слѣзь, говорятъ. Ну, дѣти, вотъ сказка про *красный карбункулъ*.
Знайте: есть страшное мѣсто; на немъ не пашутъ, не сѣютъ;
Болѣ ста лѣтъ, какъ оно густою крапивой заглохло;
Тамъ дрозды не поютъ, не водятся лѣтнія пташки;
Тамъ стерегутъ огромныя жабы проклятое тѣло.
Всѣмъ былъ Вальтеръ хорошъ, и уменъ и проворенъ; но рано
Сталъ онъ трактиры любить; не псалтирь, не молитвенникъ — карты
Бралъ онъ по праздникамъ въ руки, когда христіане молились.
Часто ругался онъ именемъ Бога такъ страшно, что вѣдьма,
Сидя въ трубѣ, творила молитву, и звѣзды дрожали.
Вотъ однажды косматый стрѣлокъ въ зеленомъ кафтанѣ,
Молча, смотрѣлъ на игру ихъ, и слушалъ съ какими божбами

Карту за картой и деньги проигрывалъ бѣшеный Вальтеръ.
Ты не уйдешь отъ меня! проворчалъ, покосившись, Зеленый.
Вѣрно рекрутскій наборщикъ? шепнула хозяйка, подслушавъ.
Нѣтъ, то былъ не рекрутскій наборщикъ, узнаете сами,
Только что женится Вальтеръ и все промытаритъ на картахъ. —
Гдѣ же, скажите, у Мины былъ умъ? Изъ любви согласилась
Мина за Вальтера выдти; да! изъ любви.... но къ нему ли?...
Нѣтъ, друзья, не къ нему: къ отцу, къ матери — имъ въ угожденье.
Слушайте жъ: за день до свадьбы Мина съ печалью заснула;
Вотъ, ей страшный, пророческій сонъ къ полуночи приснился;
Видитъ, будто куда-то одна идетъ по дорогѣ;
Черный монахъ на дорогѣ стоитъ и читаетъ молитву.
„Честный отецъ, подари мнѣ святой образокъ; я невѣста.
Вынь мнѣ: что вынешь, тому и со мной неминуемо сбыться.“
Долго, долго качалъ головою чернецъ; изъ мошенки
Горсть образочковъ досталъ онъ. Сама выбирай — говоритъ ей.
Вотъ она вынула.... что жъ ей, подумайте, вышлось?
Карта.

— Тузъ бубновый, не такъ ли? Плохо: вѣдь *красный карбункулъ*
Значитъ онъ.... доля недобрая. — „Правда.“ Мина сказала.
— Мой совѣтъ, говоритъ ей чернецъ, попытаться въ другой разъ.
Что? Семерка крестовая? — „Правда, сказала, вздохнувши,
Мина.“ — Господь защити и помилуй тебя! Вынь, дружечекъ,
Въ третій разъ; можетъ быть, лучше удастся. Что тамъ? Червонный
Тузъ?... Кровавое сердце. — „Ахъ, правда! Мина сказала,
Карту изъ рукъ уронивши.“ — Послушай, отвѣдай еще разъ.
Что? Не тузъ ли винновый? — „Смотри, я не знаю.“ — Онъ, точно!
Ахъ! невѣста, черный заступъ, заступъ могильный;
Горе, горе! молися, дружокъ: онъ тебя закопаетъ. —
Вотъ что, друзья, наканунѣ свадьбы приснилося Минѣ.
Что жъ помогло предвѣщанье? Всё Мина за Вальтера вышла.
Мина подумала, Мина сказала: „какъ Богу угодно!
Семь крестовъ, да кровавое сердце; а послѣ.... что жъ послѣ?
Воля Господня! пусть черный мой заступъ меня закопаетъ.“

Дѣти, сначало было ей сносно: хоть Вальтеръ и часто
Пилъ и игралъ, и святыней ругался, и бѣдную мучилъ;
Но случалось, что, тронутый горемъ ея и слезами,
Онъ утихалъ — и вотъ что однажды сказалъ онъ ей:
„слушай;
Я отъ игры откажусь и карты проклятыя брошу;
Душу возьми Сатана, какъ скоро хоть пальцемъ ихъ
трону.
Но отстать отъ вина — и во снѣ не проси; не отстану.
Плачь и крушися, какъ хочешь; хотъ съ горя умри;
не поможешь.“
Ахъ! друзья, не сдержалъ одного, да сдержалъ онъ
другое.
Вотъ пришелъ онъ въ трактиръ; а Зеленый ужъ тамъ,
и тасуетъ
Карты, сидя за столомъ самъ-третей, и Вальтера кличетъ:
„Вальтеръ, со мной пополамъ; садись, сыграемъ игорку.“
— Я не играю, Вальтеръ сказалъ и пива напѣнилъ
Полную кружку. — „Вздоръ! возразилъ, сдавая, Зеленый;
Мы играемъ не въ деньги, а даромъ; садись, не у-
прямься.“
— Что же? (думаетъ самъ въ себѣ Вальтеръ) если не
въ деньги,
То и игра не въ игру .... и садится рядомъ съ Зеленымъ.
Вотъ, бѣлокуренькій мальчикъ къ окну подошелъ и
стучится.
Вальтеръ (кличетъ онъ), *Вальтеръ, послушай, выдь на
словечко.*

Вальтеръ ни съ мѣста. — Послѣ приди, говоритъ онъ. Что козырь?

Взятку беретъ онъ за взяткой. „Ты счастливъ, замѣтилъ Зеленый.

Дай, сыграемъ на крейцеръ; бездѣлка!“ Задумался Вальтеръ.

— Въ деньги иль даромъ.... игра все игра. Согласенъ, сказалъ онъ. —

Вальтеръ (кличетъ мальчикъ опять и пуще стучится), *Выдь на минуту; словечко, не болѣ.* — Отстань же, не выду;

Козырь!... тузъ бубновый!... семерка крестовая!... козырь! —

Крейцеръ, да крейцеръ, а тамъ, поглядишь, вынимай и дублоны.

Кончивъ игру, Зеленый сказалъ: „Со мною пѣтъ денегъ. Хочешь ли? Вотъ тебѣ перстень; возьми: онъ стóитъ дороже;

Камень рѣдкій, карбункулъ; въ немъ же есть тайная сила.“

Въ третій разъ кличутъ въ окошко: *выдь, Вальтеръ, пока еще время.*

„Пусть кричитъ, Зеленый сказалъ: покричитъ и отстанетъ.

Что жъ, возьмешь ли мой перстень? Бери, въ убыткѣ не будешь.

Знай: какъ скоро нѣтъ денегъ, ты перстень на палецъ, да смѣло

Руку въ карманъ — и вынется звонкій, серебряный талеръ.
Но берегися.... разъ на день не болѣ; и въ будни, не въ праздникъ;
Слышишь ли, слышишь ли, Вальтеръ? Я самъ не совѣтую въ праздникъ.
Если жъ нужда случится во мнѣ; ты крикни лишь: *Бука!* (*Букой* слыву я въ народѣ) откликнусь тотчасъ. До свиданья."
Что-то дѣлаетъ Мина?... Одна, запершися въ каморкѣ,
Мина сидитъ надъ разодранной Библіей въ тяжкой печали.
Мужъ пришелъ и война поднялась. „Ненасытная плакса,
Долго ль молитвы тебѣ бормотать? Когда ты уймешься?
Вотъ, горемыка, смотри, что я выигралъ: перстень, карбункулъ."
Мина, взглянувъ, обомлѣла: карбункулъ! Творецъ милосердый,
Доля недобрая!... сердце въ ней сжалось, и замертво пала....
Бѣдная Мина зачѣмъ ты, зачѣмъ ты въ себя приходила?
Сколько бъ кручины жестокой тебя миновало на свѣтѣ.
Вотъ, чѣмъ далѣ, тѣмъ хуже; день ли въ деревнѣ торговый,
Ярманка ль въ праздникъ у церкви — Вальтеръ нашъ тамъ. Кто заглянетъ
Въ полночь въ трактиръ, иль въ полдень, иль въ три часа пополудни —
Вальтеръ сидитъ за столомъ и тасуетъ крапленыя карты.

Брошены дѣти; что было, то сплыло; поле за полемъ
Продапы всѣ съ молотка, и жена пропадаетъ отъ горя.
Дома же только и дѣла, что крикъ, да упреки, да слезы;
Нынѣче драка, а завтра къ Пастору, а тамъ для отвѣта
Въ судъ, а тамъ и въ тюрьму на хлѣбъ съ водой попоститься.
Плохъ опъ пойдетъ, а воротится хуже. Бука не дремлетъ;
Бука въ уши свиститъ и желчи въ кровь подливаетъ.
Такъ проходятъ семь лѣтъ. Ну, послушайте жъ: Вальтера Бука
Вывелъ опять изъ тюрьмы. „Не зайти ль по дорогѣ, сказалъ опъ,
„Выпить чарку въ трактирѣ? Съ чѣмъ ты покажешься дома?
„Какъ тебя примутъ? Ты голоденъ, холоденъ, худъ и оборванъ.
„Что на свиданье жена припасла, то тебя не согрѣетъ.
„Правду молвить, ты мученикъ; лопнуть готовъ я съ досады,
„Видя, какую ты отъ жены пьешь горькую чашу.
„Много ль подобныхъ тебѣ? Что сутки, то талеръ, и даромъ.
„Права пословица: счастливъ игрою, несчастливъ женою.
„Будь ты одинъ — ни заботъ, ни хлопотъ; женился — каковъ ты?
„Нѣтъ лица на тебѣ; какъ усопшій; кожа да кости.
„Выпей же чарку, дружекъ: авось на душѣ просвѣтлѣетъ.

Мина, тѣмъ временемъ, руки къ сердцу прижавши, въ потемкахъ
Дома сидитъ одинешенька, смотритъ сквозь слезы на небо.
— Такъ, семь лѣтъ, семь крестовъ!... (и слезы ручьемъ полилися)
Все, какъ должно сбылось; пошли же конецъ, мой Создатель! —
Молвила, книжку взяла и молитву прочла по усопшемъ.
Вдругъ растворилася дверь, и Вальтеръ вбѣжалъ, какъ безумный.
„Плачешь, змѣя? (загремѣлъ онъ) плачь! теперь не напрасно!
„Ужинъ, проворнѣе!“ — Гдѣ взять? Все пусто; въ домѣ ни корки. —
„Ужинъ, тебѣ ль говорятъ? Хоть тресни, иль ножъ тебѣ въ сердце!“
— Что жъ, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше: въ могилу снесутъ, да и только;
Мнѣ же тамъ быть не одной: дѣтей давно ты зарѣзалъ. —
„Сгинь же! онъ гаркнулъ“ .... и Мина въ крови ударилась объ полъ.
— Ахъ! мое кровавое сердце (она простопала)!
Гдѣ ты, заступъ? Твоя череда: закопай меня въ землю. —
Ужасъ, какъ холодъ, облилъ убійцу.... бѣжитъ неоглядкой;
Ночь; подъ нимъ шевелится земля; въ орѣшникѣ шорохъ.

„Бука, гдѣ ты? онъ крикнулъ“ .... Громко откликнулось въ полѣ.
Бука стоитъ за орѣшникомъ .... выступилъ .... — Что ты? спросилъ онъ. —
„Бука .... я Мину зарѣзалъ .... скажи, присовѣтуй, что дѣлать?“ ....
— Только? тотъ возразилъ. Чего жъ испугался, безмозглый?
Мину зарѣзалъ — великое диво! туда и дорога!
Но .... послушай, здѣсь оставаться теперь не годится;
Будетъ плохо; Рейнъ близко — ступай, переѣдемъ;
Лодка у берега есть. — .... Садятся, плывутъ, переплыли,
На берегъ вышли, и по полю бѣгомъ. Въ сторонкѣ, въ трактирѣ
Свѣтится свѣчка. Зеленый сказалъ: зайдемъ на минутку;
Тутъ есть добрые люди; помолутъ тебѣ разгуляться. —
Входятъ. Въ трактирѣ сидятъ запоздалые, пьютъ, и играютъ.
Вальтеръ съ Зеленымъ подвинулись къ нимъ, и война закипѣла.
Бей! кричатъ — „Подходи!“ — Я лопнулъ! — „Козырь!“ — Зарѣзалъ! —
Вотъ они козыряютъ, а маятникъ ходитъ да ходитъ.
Стрѣлка взошла на двѣнадцать .... Ахъ! бѣлокуренькій мальчикъ,
Стукни въ окошко!... Не стукнетъ: дѣло кончается, Вальтеръ.

Какъ же ты плохо играешь!... *зарѣзалъ*.... глубоко, глубоко
Въ сердце къ нему заронилось тяжелое слово; а Бука,
Только, что взятку возьмутъ, повторитъ, да на Вальтера взглянетъ.
Вотъ пробило двѣнадцать. Къ Вальтеру масть, какъ на выборъ,
Всё негодная сыплетъ; мѣлкомъ онъ проигрышъ пишетъ.
Вотъ.... и перваго четверть. Съ перстнемъ на пальцѣ онъ руку
Всунулъ въ карманъ: — „Размѣняйте мнѣ талеръ.“ — Плохая монета,
Вальтеръ, плохая монета: въ карманѣ битыя стекла....
Руку отдернувъ, въ страхѣ глаза онъ уставилъ на Буку;
Бука сидитъ, да винцо попиваетъ, и нѣтъ ему дѣла.
— Вальтеръ (допивши, сказалъ онъ), пора! хозяинъ ужъ дремлетъ.
Нынѣче праздникъ, двадцать пятое Августа; много
Будетъ въ трактирѣ гостей; пойдемъ, зачѣмъ намъ тѣснiться?
Полно перстнемъ вертѣть; не трудись, ничего не добудешь. —
Праздникъ!... Ахъ! Вальтеръ, какъ бы ты радъ былъ ослышаться! какъ бы
Радъ былъ ногами къ столу прирости, чтобъ не сдвинуться съ мѣста!
Поздно, поздно; ничто не поможетъ.... Блѣденъ, какъ мертвый,

Всталъ онъ, ни слова не молвилъ, и въ поле темное
съ Букой —
Бука впередъ, а онъ позади — побрелъ, какъ ягненокъ
Вслѣдъ за своимъ мясникомъ бредетъ къ кровавой колодѣ.
Бука ставитъ его на выстрѣлъ ружейный отъ мѣста.
— Видишь, Вальтеръ (сказалъ онъ)? Звѣзды на небѣ
смеркли.
Видишь? Тяжелыми тучами небо кругомъ обложилось;
Воздухъ душенъ; вѣтка не тронется; листикъ не дрог-
нетъ.
Вальтеръ, что же ты такъ замолчалъ?... Ужъ не мо-
лишься ль, Вальтеръ?
Или считаешь свой проигрышъ? Все пропралъ не-
возвратно.
Какъ быть! а выборъ остался плохой, я самъ признаюся.
Вотъ тебѣ ножъ.... я укралъ у убійцы, когда обди-
ралъ онъ
Мертвое тѣло.... зарѣжь себя самъ, такъ за трудъ не
заплатишь. —
Такъ разсказывалъ дѣдушка внучкамъ. Чуть смѣя дыханье
Въ страхѣ отвесть, говоритъ ему бабушка: „скоро ль
ты кончишь?
Дѣвки боятся; на что ихъ стращать небывальщиной?
Полно!“
— Я докончилъ, старикъ отвѣчалъ. Тамъ лежитъ онъ
и съ перстнемъ
Въ дикой крапивѣ, гдѣ нѣтъ дроздовъ и не водятся
пташки. —

Тутъ Луиза примолвила: бабушка, кто же боится?

„Или, думаешь, трудно до смысла сказки добраться?

„Я добралася: Бука есть *искушеніе злое.*

„Развѣ не вводитъ оно насъ въ грѣхъ и въ напасти, когда мы

„Бога не помнимъ, совѣтовъ не любимъ, не дѣлаемъ дѣла?

„Мальчикъ въ окошечкѣ.... кто онъ? Вѣрный учитель нашъ, *совѣсть.*

„О! я дѣдушку знаю, я знаю и всѣ его мысли.“

ДЕРЕВЕНСКІЙ СТОРОЖЪ

ВЪ ПОЛНОЧЬ.

Полночь било; въ добрый часъ!
Спите; Богъ не спитъ за насъ.

Какъ все молчитъ!... Въ полночной глубинѣ
Окрестность вся какъ будто притаилась;
Нѣтъ шороху въ кустахъ; тиха дорога;
Въ пустой дали не простучитъ телѣга;
Не скрыпнетъ дверь; дыханье не провѣетъ;
И коростель замолкъ въ травѣ болотной.
Все, все теперь подъ занавѣсомъ спитъ;
И легкою ль, неслышною стопою
Прокрался здѣсь безплотный духъ.... не знаю.
Но чу.... тамъ прудъ шумитъ; перебираясь
По мельничнымъ колесамъ неподвижнымъ,
Сонливою струей бѣжитъ вода;
И ласточка тайкомъ ползетъ по бревнамъ
Подъ кровлю; и сова перелетѣла

По небу тихому отъ колокольни;
И въ высотѣ, фонарь ночной, луна
Виситъ межъ облаковъ и свѣтитъ ясно,
И звѣздочки вдали небесной брежжутъ....
Не такъ же ли, когда, осенней ночью,
Измокнувшій, усталый отъ дороги,
Придешь домой, еще не видишь кровель,
А огонекъ ужъ тамъ и тутъ сверкаетъ?....
Но что жъ во мнѣ такъ сердце разгорѣлось?
Что на душѣ такъ радостно и смутно?
Какъ будто въ ней по родинѣ тоска!
Я плачу.... но о чемъ? И самъ не знаю!

Полночь било; въ добрый часъ!
Спите, Богъ не спитъ за насъ.

Пускай темно на высотѣ;
Сіяютъ звѣзды въ темнотѣ.
То свѣтъ родимой стороны;
Про насъ онѣ тамъ зажжены.

Куда идти мнѣ? Въ нижнюю деревню,
Черезъ кладбище?... Дверь отворена.
Подумаешь, что въ полночь изъ могилъ
Покойники выходятъ навѣстить
Свое село, провѣдать, все ли тамъ,
Какъ было въ старину. До сей поры,
Мнѣ помнится, еще ни одного

Не встрѣтилъ я. Не прокричать ли *полночь*
Покойникамъ?... Нѣтъ, лучше по гробамъ
Пройду я молча, есть у нихъ на башнѣ
Свои часы. Къ тому же.... какъ узнать!
Прошла ль уже ихъ полночь, или нѣтъ?
Быть можетъ, что теперь лишь только тма
Сгущается въ могилахъ.... ночь долга;
Быть можетъ также, что струя разсвѣта
Уже мелькнула и для нихъ.... кто знаетъ?
Какъ смирно здѣсь! знать мертвые покойны?
Дай Ботъ!... Но мнѣ чего-то страшно стало.
Не все здѣсь умерло: я слышу, ходитъ
На башнѣ маятникъ.... ты скажешь, бьется
Пульсъ времени въ его глубокомъ снѣ.
И холодомъ съ вершины дуетъ полночь;
Въ лугу ея дыханье бродитъ, тихо
Соломою на кровляхъ шевелитъ,
И пробирается сквозь тынъ со свистомъ,
И сыростью отъ стѣнъ церковныхъ пашетъ —
Окончины трясутся, и порой
Скрыпитъ, качаясь, крестъ — здѣсь подуваетъ
Оно въ открытую могилу.... Бѣдный Фрицъ!
И для тебя готовятъ ужъ постелю,
И каменный покровъ лежитъ при ней,
И на нее огни отчизны свѣтятъ.

Какъ быть! а всѣмъ одно; всѣхъ на пути
Застигнетъ сонъ.... что жъ нужды! всѣ мы будемъ

На милой родинѣ; кто на кладбищѣ
Нашелъ постель — въ часъ добрый; вѣдь могила
Послѣдній на землѣ ночлегъ; когда же
Проглянетъ день и мы, проспувшись, выдемъ
На новый свѣтъ, тогда пути и часу
Не будетъ намъ съ ночлега до отчизны.

Полночь било; въ добрый часъ!
Спите, Богъ не спитъ за насъ.

Сіяютъ звѣзды съ вышины,
То свѣтъ родимой стороны:
Туда чрезъ могилу путь;
Въ могилѣ жъ... только отдохнуть.

Гдѣ былъ я? гдѣ теперь? Иду деревней;
Прошелъ черезъ кладбище.... Все покойно
И здѣсь и тамъ.... И что жъ деревня въ полночь?
Не тихое ль кладбище? Развѣ тамъ,
Равно какъ здѣсь, не спятъ, не отдыхаютъ
Отъ долгія усталости житейской,
Отъ скорби, радости, подъ властью Бога,
Здѣсь въ хижинѣ, а тамъ въ сырой землѣ,
До яснаго, небеснаго разсвѣта?

А онъ ужъ не далеко.... Какъ бы ночь
Ни длилася, и неба ни темнила,
А все разсвѣта намъ не миновать.

Деревню разъ, другой я обойду —
И пѣтухи начнутъ мнѣ откликаться,
И воздухъ утренній пахнетъ въ лице
Мнѣ дуть; проснется день въ бору, отдернетъ
Небесный занавѣсъ, и утро тихой
Струей прольется въ сумракъ; наконецъ,
Посмотришь: холмъ, и долъ, и лѣсъ сіяютъ;
Все встрепенулося; тамъ ставень вскрылся,
Тамъ отворилась дверь; и все очнулось,
И всюду жизнь свободная взыграла.
Ахъ! Царь небесный, что за праздникъ будетъ,
Когда послѣдняя промчится ночь!
Когда всѣ звѣзды, малыя, большія,
И мѣсяцъ, и заря, и солнце вдругъ
Въ небесномъ пламени разстаютъ, свѣтъ
До самой глубины могилъ прольется,
И скажутъ матери младенцамъ: *утро!*
И все отъ сна пробудится; тамъ дверь
Тяжелая отворится, тамъ ставень;
И выглянутъ усопшіе оттуда!...
О! сколько бѣдъ забыто въ тихомъ снѣ!
И сколько ранъ глубокихъ въ самомъ сердцѣ
Изцѣлено! Встаютъ, здоровы, ясны;
Пьютъ воздухъ жизни; онъ вливаетъ крѣпость
Имъ въ душу.... Но когда жъ тому случиться?

Полночь било; въ добрый часъ!
Спите, Богъ не спитъ за насъ.

Еще лежитъ на небѣ тѣнь;
Еще далеко свѣтлый день;
Но живъ Господь; онъ знаетъ срокъ:
Онъ вышлетъ утро на востокъ.

ТЛѢННОСТЬ.

РАЗГОВОРЪ НА ДОРОГѢ, ВЕДУЩЕЙ ВЪ БАЗЕЛЬ, ВЪ ВИДУ РАЗВАЛИНЪ ЗАМКА РЕТЛЕРА, ВЕЧЕРОМЪ.

Внукъ.

Послушай, дѣдушка, мнѣ каждый разъ,
Когда взгляну на этотъ за́мокъ Ретлеръ,
Приходитъ въ мысль: что если то жъ случится
И съ нашей хижинкой? ... Какъ страшно тамъ!
Ты скажешь: смерть сидитъ на этихъ камняхъ.
А домикъ нашъ? ... Взгляни: какъ будто церковь,
Свѣтлѣетъ на холмѣ, и окна блещутъ.
Скажи жъ, какъ можетъ быть, чтобы и съ нимъ
Случилось то жъ, что съ этимъ старымъ за́мкомъ?

Дѣдушка.

Какъ можетъ быть? ... Ахъ! другъ мой, это будетъ.
Всему чередъ: за молодостью вслѣдъ
Тащится старость: все идетъ къ концу,
И ни на мигъ не постоитъ. Ты слышишь:
Безумолку шумитъ вода; ты видишь:

На небесахъ сіяютъ звѣзды; можно
Подумать, что онѣ ни съ мѣста.... нѣтъ!
Все движется, приходитъ и уходитъ.
Дивись, какъ хочешь, другъ, а это такъ.
Ты молодъ; я былъ также молодъ прежде;
Теперь ужъ все иное.... старость, старость!
И что жъ? Куда бы я ни шелъ — на пашню,
Въ деревню, въ Базель — все иду къ кладбищу!
Я не тужу.... и ты, какъ я, созрѣешь.
Тогда посмотришь, гдѣ я?... Нѣтъ меня!
Ужъ вкругъ моей могилы бродятъ козы;
А домикъ между тѣмъ дряхлѣй, дряхлѣй;
И дождь его сѣчетъ, и зной палитъ,
И тихомолкомъ червь буравитъ стѣны,
И въ кровлю течь, и въ щели свищетъ вѣтеръ....
А тамъ и ты закрылъ глаза; дѣтей
Смѣнили внуки; то чини, другое;
А тамъ и нечего чинить.... все сгнило!
А поглядишь: лѣтъ тысяча прошло —
Деревня вся въ могилѣ; гдѣ стояла
Когда-то церковь, тамъ соха гуляетъ.

Внукъ.

Ты шутишь: быть не можетъ!

Дѣдушка.

Будетъ, будетъ!
Дивись, какъ хочешь, другъ; а это такъ!

Вотъ Базель нашъ.... сказать, прекрасный городъ!
Домовъ не счесть — иной огромнѣй церкви;
Церквей же болѣ, чѣмъ въ иной деревнѣ
Домовъ; всѣ улицы кипятъ народомъ;
И сколько жъ добрыхъ тамъ людей!... Но что же?
Какъ многихъ нѣтъ, которыхъ я, бывало,
Встрѣчалъ тамъ.... гдѣ они? Лежатъ давно
За церковью и спятъ глубокимъ сномъ.
Но только ль, другъ? Ударитъ часъ — и Базель
Сойдетъ въ могилу; кое-гдѣ, какъ кости,
Выглядывать здѣсь будутъ изъ земли:
Тамъ башня, тамъ стѣна, тамъ сводъ упадшій;
На нихъ же, по мѣстамъ, береза, кустъ,
И мохъ сѣдой, и въ немъ на гнѣздахъ цапли....
Жаль Базеля! А если люди будутъ
Все такъ же глупы и тогда, какъ нынѣче;
То заведутся здѣсь и привидѣнья,
И черный волкъ и огненный медвѣдь,
И мало ли....

Внукъ.

Не громко говори;
Дай мостъ намъ перейти; тамъ у дороги,
Въ кустарникѣ, прошедшею весной
Похороненъ утопленникъ. Смотри,
Какъ пятится гнѣдко, и уши поднялъ;
Глядитъ туда, какъ будто что-то видитъ:

Дѣдушка.

Молчи, глупецъ; Гнѣдко пужливъ; тамъ кустъ
Чернѣется — оставь въ покоѣ мертвыхъ:
Намъ ихъ не разбудить; а рѣчь теперь
О Базелѣ; и онъ въ свой часъ умретъ.
И много, много лѣтъ спустя, быть можетъ,
Здѣсь остановится прохожій: взглянетъ
Туда, гдѣ нынѣче городъ... тамъ все чисто;
Лишь солнышко надъ пустыремъ играетъ;
И спутнику онъ скажетъ: „въ старину
„Стоялъ тамъ Базель; эта груда камней
„Въ то время церковью Петра была....
„Жаль Базеля.“

Внукъ.

Какъ можетъ это статься?

Дѣдушка.

Не вѣрь, иль вѣрь, а это не минуетъ.
Придетъ пора — сгоритъ и свѣтъ. Послушай:
Вдругъ о полуночи выходитъ сторожъ —
Кто онъ, не знаютъ — онъ не здѣшній; ярче
Звѣзды блеститъ онъ и гласитъ: *проснитесь!*
Проснитесь, скоро день!... Вдругъ небо рдѣетъ
И загорается, и громъ сначала
Едва стучитъ; потомъ сильнѣй, сильнѣй;

И вдругъ отвсюду загремѣло; страшно
Дрожитъ земля; колокола гудятъ,
И сами свѣтъ сзываютъ на молитву;
И вдругъ.... все молится; и всходитъ день —
Ужасный день: безъ утра и безъ солнца;
Все небо въ молніяхъ земля въ блистаньи;
И мало ль, что еще!... Все наконецъ
Зажглось, горитъ, горитъ и прогораетъ
До дна, и нѣкому тушить, и само
Потухнетъ.... Что ты скажешь? Какова
Покажется тогда земля?

Внукъ.

Какъ страшно!
А что съ людьми, когда земля сгоритъ?

Дѣдушка.

Съ людьми?... Людей давно ужъ нѣтъ: они....
Но гдѣ они?... Будь добръ; смиреннымъ сердцемъ
Вѣрь Богу; береги въ душѣ невинность —
И все тутъ!... Посмотри: тамъ свѣтятъ звѣзды;
И что звѣзда, то ясное селенье;
Надъ ними жъ, слышно, есть прекрасный городъ;
Онъ недидимъ.... но будешь добръ, и будешь
Въ одной изъ звѣздъ, и будетъ миръ съ тобою;
А если Богъ посудитъ, то найдешь
Тамъ и своихъ: отца и мать и.... дѣда.
А можетъ быть — когда итти случится

По млечному пути въ тотъ тайный городъ —
Ты вспомнишь о землѣ, посмотришь внизъ,
И что жъ внизу увидишь? *Замокъ Ретлеръ.*
Все въ уголь сожжено; а наши горы,
Какъ башни старыя, чернѣютъ; вкругъ
Зола; въ рѣкѣ воды нѣтъ, только дно
Осталося пустое — мертвый слѣдъ
Давнишняго потока; и все тихо,
Какъ гробъ. Тогда товарищу ты скажешь:
„Смотри: тамъ въ старину земля была;
„Близъ этихъ горъ и я живалъ въ ту пору,
„И пасъ коровъ, и сѣялъ, и пахалъ;
„Тамъ дѣда и отца отнесъ въ могилу;
„Былъ самъ отцемъ, и радостнаго въ жизни
„Мнѣ было много; и Господь мнѣ далъ
„Кончину мирную.... и здѣсь мнѣ лучше.“

КОНЕЦЪ ВТОРАГО ТОМА.

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ ВТОРОМУ ТОМУ.

ПОСЛАНІЕ КЪ ТУРГЕНЕВУ.

Сіе посланіе посвящено воспоминаніямъ молодости: двухъ друзей, украшавшихъ се, нѣтъ уже на свѣтѣ.

Одинъ изчезъ изъ области земной
Въ объятіяхъ веселыя Надежды.

Андрей Ивановичъ Тургеневъ. Онъ умеръ въ полномъ цвѣтѣ жизни. Умъ необыкновенно проницательный, острый и ясный; чистое, исполненное любви къ прекрасному, сердце. Въ семъ посланіи изображенъ онъ такимъ, каковъ былъ.

Гдѣ время то, когда нашъ милый братъ
Былъ съ нами, былъ всѣхъ радотей душою?
Не онъ ли насъ пріятной остротою
И нѣжностью сердечной привлекалъ?
Не онъ ли насъ тѣснѣй соединялъ?
Сколь былъ онъ простъ, нескрытенъ въ разговорѣ!
Какъ для друзей всю душу обнажалъ!
Какъ взоръ его во глубь сердецъ вникалъ!
Высокій духъ пылалъ въ семъ быстромъ взорѣ.

Наружность его отвѣчала его характеру; *быстрый* взоръ, казалось, ясно читалъ въ каждомъ сердцѣ; но этотъ взоръ никого не приводилъ въ замѣшательство — въ немъ сіяла кроткая, не-

притворная, доброжелательная душа. И разговоръ его былъ таковъ же: не возможно было имѣть болѣе остроты и ни чья острота не имѣла въ себѣ столь много привлекательнаго, ибо она была непринужденная, не оскорбляла самолюбія, соединялась съ *нѣжностію сердечною* и была самымъ пріятнымъ ея выраженіемъ. Стихъ:

Не онъ ли насъ тѣсный соединялъ?

есть самое вѣрное изображеніе той дружбы, которую питали къ нему его товарищи: этимъ *однимъ*, общимъ для всѣхъ нихъ чувствомъ, тѣснѣе были они соединены и между собою. Онъ точно былъ для нихъ *душею всѣхъ радостей*. И теперь съ живымъ объ немъ воспоминаніемъ всегда возобновляется сладкое чувство прежней молодой жизни, а вмѣстѣ съ этимъ чувствомъ и все, что было лучшаго въ этомъ лучшемъ времени. Жизнь его можно назвать прекрасною неисполнившеюся надеждою: въ немъ созрѣвало все, что составляетъ прямое достоинство человѣка; но это *все* безплодно погибло для здѣшняго свѣта.

Другой... старикъ... сколь былъ онъ изумленъ
Тогда, какъ смерть, ошибкою ужасной,
Не надъ его одряхшей головой,
Надъ юностью обрушилась прекрасной!

Иванъ Петровичъ Тургеневъ. Онъ имѣлъ несчастіе пережить милаго сына, и эта потеря, кажется, была отчасти причиною собственной, преждевременной смерти его: онъ умеръ не въ дряхлыхъ лѣтахъ, отъ паралича, лишенный памяти, языка, руки и ноги. Любовь его къ дѣтямъ была товариществомъ зрѣлаго опытнаго мужа съ юношами, привязанными къ нему свободною довѣренностію, сходствомъ мыслей и чувствъ и самою нѣжною благодарностію:

Его сѣдинъ свобода не чуждалась....
О нѣтъ! онъ былъ милѣйшій намъ собратъ,
Онъ отдыхалъ отъ жизни между нами,
Отъ сердца даръ его былъ каждый взглядъ,
И онъ друзей не рознилъ съ сыновьями.

Это изображеніе самое вѣрное. Нельзя сладкаго чувства вспомнить объ этомъ старцѣ. Онъ былъ *живой юноша* въ кругу молодыхъ людей, изъ которыхъ каждый готовъ былъ сказать ему все, что имѣлъ на сердцѣ, и будучи привлеченъ его прямодушіемъ, отеческимъ участіемъ, веселостію, простотою. Послѣдніе годы жизни его были горестны. Тяжелая болѣзнь мало по малу его уничтожала.

Онъ мыслію, безмолвный предъ судьбой
Взывалъ къ Творцу: да пройдетъ чаша мимо!
Она прошла.....

И отецъ и сынъ покоятся вмѣстѣ. Они погребены на кладбищѣ Невскаго Монастыря. Одинъ камень покрываетъ ихъ могилы.

РОМАНСЪ СИРОТКА.

Трогательное произшествіе подало поводъ написать эти стихи. Одна *забывчивая* мать оставила своихъ дѣтей (трехъ дочерей) въ Москвѣ, при нашествіи непріятеля. Малютки спасены жалостію посторонняго, бѣднаго человѣка. Одна изъ дѣвочекъ была принята въ семейство А. И. Пл....вой, которая пеклась объ ней съ материнскою нѣжностію, и не разнила ея ни въ чемъ съ собственными дѣтьми своими. Другія двѣ были возвращены матери.

ПОСЛАНІЕ КЪ ВОЕЙКОВУ.

А. Ѳ. Воейковъ, извѣстный нашъ стихотворецъ, объѣздивъ нѣкоторыя южныя провинціи Россіи, посѣтилъ Автора, жившаго въ деревнѣ (въ концѣ 1813). Онъ написалъ нѣсколько стиховъ въ похвалу поэмы его *Владиміръ*, существующей въ одномъ только воображеніи.

КЪ ГОСУДАРЫНѢ ИМПЕРАТРИЦѢ МАРІИ ѲЕОДОРОВНѢ.

Ея Императорскому Величеству угодно было, чтобъ Авторъ, жившій тогда въ деревнѣ, доставилъ Ей списокъ *Ильяда во станѣ Русскихъ воиновъ*. Исполняя волю Государыни, онъ осмѣлился къ желаемому списку присоединить это Посланіе.

БАЛЛАДА АХИЛЛЪ.

Ахиллу дано было на выборъ: или жить долго безъ славы или умереть въ молодости со славою — онъ избралъ послѣднее и полетѣлъ къ стѣнамъ Иліона. Онъ зналъ, что конецъ его вскорѣ послѣдуетъ за смертію Гектора — и умертвилъ Гектора, мстя за Патрокла. Сія мысль о близкой смерти слѣдовала за нимъ повсюду, и въ шумный бой и въ уединенный шатеръ; вездѣ онъ помнилъ объ ней: наконецъ онъ слышалъ и пророческій голосъ коней своихъ, возвѣстившій ему погибель.

Видитъ въ полѣ опустѣломъ
Съ колесницею Пріамъ.

Пріамъ приходилъ одинъ ночью въ Греческій станъ молить Ахилла о возвращеніи Гекторова тѣла. Мольбы сего старца тронули душу грознаго героя: онъ возвратилъ Пріаму обезображенный трупъ его сына, и старецъ невредимо возвратился въ Трою.

И скрыпятъ врата Аида.

Аидомъ назывался у Грековъ адъ; Плутонъ былъ поименованъ Айдонеемъ.

Ты не жди, Менецій, сына.

Менецій отецъ Патрокла.

Отъ Скироса вдаль влекомый,
Поплыветъ Неоптолемъ.

Пирръ сынъ Ахилла и Дейдаміи, прозванный Неоптолемомъ. Въ то время, когда Ахиллъ ратовалъ подъ стѣнами Иліона, онъ находился въ Скиросѣ у дѣда своего Царя Ликомеда.

ЭЛЕГІЯ СЛАВЯНКА.

Славянка рѣка въ Павловскѣ. Здѣсь описываются нѣкоторые виды ея береговъ, и въ особенности два памятника, произведеніе

знаменитаго Мартоса. Первый изъ нихъ воздвигнутъ Государынею вдовствующею Императрицею въ честь покойнаго Императора Павла. Въ уединенномъ храмѣ, окруженномъ густымъ лѣсомъ, стоитъ пирамида: на ней медальонъ съ изображеніемъ Павла; передъ нимъ гробовая урна, къ которой преклоняется величественная женщина въ коронѣ и порфирѣ царской; на пьедесталѣ изображено въ барельефѣ семейство Императорское: Государь Александръ представленъ сидящимъ; голова Его склонилась на правую руку, и лѣвая рука опирается на щитъ, на коемъ изображенъ двуглавый орелъ; въ облакахъ видны двѣ тѣни: одна летитъ на небеса, другая летитъ съ небесъ, на встрѣчу первой. — Спустясь къ рѣкѣ Славянкѣ (сливающейся передъ самымъ дворцемъ въ небольшое озеро), находишь молодую березовую рощу: эта роща называется *семейственною*, ибо въ ней каждое дерево означаетъ какое нибудь радостное произшествіе въ Высокомъ Семействѣ Царскомъ. Посреди рощи стоитъ уединенная *урна Судьбы*. Далѣе, на самомъ берегу Славянки, подъ тѣнью деревъ, воздвигнутъ прекрасный памятникъ Великой Княгинѣ Александрѣ Павловнѣ. Художникъ умѣлъ въ одно время изобразить и прелестный характеръ и безвременный конецъ Ея; вы видите молодую женщину, существо болѣе небесное, нежели земное; она готова покинуть міръ сей; она еще не улетѣла, но душа ея смиренно покорилась призывающему ея гласу; и взоры и рука ея, подъятые къ небесамъ, какъ будто говорятъ: *да будетъ воля твоя*. Жизнь, въ видѣ юнаго Генія, простирается у ея ногъ и хочетъ удержать летящую; но она ея не замѣчаетъ; она повинуется одному Небу — и уже надъ головой ея сіяетъ звѣзда новой жизни.

ОВСЯНЫЙ КИСЕЛЬ.

Опытъ перевода съ Аллеманскаго нарѣчія. „*Гебель* — говоритъ Гёте объ авторѣ *Аллеманскихъ Стихотвореній*, изображая свѣжими, яркими красками неодушевленную природу, умѣетъ оживотворять ее милыми аллегоріями. Древніе поэты и новѣйшіе ихъ подражатели наполняли ее существами идеальными: Нимфы,

Дріады, Ореады жили въ утесахъ, деревьяхъ и потокахъ. Гебель напротивъ видитъ во всѣхъ сихъ предметахъ однихъ знакомцевъ своихъ *поселянъ*, и всѣ его стихотворные вымыслы, самымъ пріятнымъ образомъ, напоминаютъ намъ о сельской жизни, о судьбѣ смиреннаго земледѣльца и пастуха. Онъ выбралъ для мирной своей Музы прекрасный уголокъ природы, котораго никогда съ нею не покидаетъ: она живетъ и скитается въ окрестностяхъ Базеля, на берегу Рейна, тамъ, гдѣ онъ, перемѣнивъ свое направленіе, обращается къ сѣверу. Ясность неба, плодородіе земли, разнообразіе мѣстоположеній, живость воды, веселость жителей и милая простота нарѣчія, избраннаго поэтомъ, весьма благопріятны его прекрасному, оригинальному таланту. Во всемъ, и на землѣ и на небесахъ, онъ видитъ своего сельскаго жителя; съ плѣнительнымъ простосердечіемъ описываетъ онъ его полевые труды, его семейственныя радости и печали; особенно удаются ему изображенія временъ дня и года; онъ даетъ душу растеніямъ; привлекательно изображаетъ все чистое нравственное и радуетъ сердце картинами ясно-беззаботной жизни. Но такъ же просто и разительно изображаетъ онъ и ужасное и нерѣдко съ тою же любезною простотою говоритъ о предметахъ болѣе высокихъ, о смерти, о тлѣнности земнаго, о неизмѣняемости небеснаго, о жизни за гробомъ — и языкъ его, не переставая ни на минуту быть неискусственнымъ языкомъ поселянина, безъ всякаго усилія возвышается вмѣстѣ съ предметами, выражая равно и важное и высокое и меланхолическое. Нарѣчіе, избранное Гебелемъ, есть такъ называемое *Аллеманское*, употребляемое въ окрестностяхъ Базеля.“